
А 9(К)
Ан 581

ПОДРОБНЫЯ СВѢДѢНІЯ

о

ВОЛЖСКИХЪ

КАЛМЫКАХЪ

собранныя на мѣстѣ

Н. НЕФЕДЬЕВЫМЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1834.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 20 Іюня 1834 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

Его Высокопревосходительству,

Господину Тайному Совѣтнику,
Министру Внутреннихъ Дѣлъ,
Члену Государственнаго Совѣта,
Сенатору, Статсъ-Секретарю,
и орденовъ: Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны 1-го класса ИМПЕРАТОРСКОЮ Короною украшеннаго, и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени Кавалеру,

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЛУДОВУ.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Въ 1832-мъ и 1833-мъ годахъ по распоряженію Высшаго Начальства бывъ откомандированъ въ Калмыцкіе улусы, я имѣлъ случай во время исполненія возложеннаго на меня порученія познакомиться съ образомъ жизни, вѣроисповѣданіемъ, нравами и потребностями Калмыковъ, — народа, съ давняго времени обитающаго въ предѣлахъ Россіи, но во многихъ отношеніяхъ столь мало еще извѣстнаго.

Къ мѣстнымъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, собраннымъ въ кочевьяхъ, послѣ, въ бытность мою въ Астрахани присоединилъ я и свѣдѣнія историческія, по мѣрѣ способовъ, какіе для сего могли мнѣ представиться.

Составленныя мною о семъ записки осмѣливаюсь посвятить Вашему Высокопревосходительству, *покорнѣйше прося принять оныя не въ видѣ Литературномъ; но какъ плодъ единаго усердія быть полезнымъ и независимо отъ занятій по службѣ. Если трудъ мой удостоится благосклоннаго вниманія* Вашего, — *я уже вполнѣ почту себя счастливымъ.*

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства

Покорнѣйшимъ слугою
Николай Нефедьевъ.

9-го Мая 1834-го
С. Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

СВѢДЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

Волжскіе Калмыки занимаютъ кочевьемъ своимъ почти все пространство степей Астраханской губерніи (и частію области Кавказской), между 45 и 52° Сѣверной широты и 61 и 70° Восточной долготы. Границы сихъ степей опредѣляются съ *Востока* рѣкою Волгою и дачами лежащихъ на оной казенныхъ и помѣщичьихъ селеній и станицъ Астраханскаго Казачьяго Войска; съ *Юго-Востока* Каспійскимъ моремъ; съ *Запада* рѣками Кумою и Манычемъ и съ *Сѣверо-Запада* землями Саратовской губерніи и Войска Донскаго. Сверхъ сего дозволено кочевать улусу Большедербе-

товскому въ Кавказской области за Манычемъ по рѣкѣ Калаусу до р. Егорлыка, а Хошоутову на лѣвой сторонѣ Волги, гдѣ и прочимъ владѣльцамъ назначенъ особо общій участокъ для кочевья по очереди; въ каковомъ положеніи Заволжскіе участки граничатъ съ дачами Казеннаго Солянаго вѣдомства, Киргизъ-Кайсаковъ и Кундровскихъ Татаръ. Все сіе пространство заключаетъ въ себѣ 10,337,728 квадратныхъ десятинъ земли, и представляетъ обширную плоскую равнину, которая со стороны моря начинается обнаженными буграми, а потомъ, по мѣрѣ возвышенія къ Сѣверу, раздѣляется въ почвѣ своей на многія полосы: песчаныя, солонцеватыя и иловато-глинистыя, которыя всюду почти являютъ слѣды подводнаго состоянія, изчезающіе только съ приближеніемъ къ высотамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Ргеней*.

Кромѣ заливовъ Каспійскаго моря, образующихъ около береговъ онаго многія озера, (изъ коихъ значительнѣйшимъ можетъ считаться *Бѣлое*, лежащее на Кизлярской дорогѣ, близъ Бѣлозерской станціи), нѣсколько озеръ находятся во внутренности степей

при скатѣ Иргенскихъ горъ, бывъ обязаны существованіемъ своимъ болѣе таянію снѣговъ, нежели земнымъ источникамъ. Изъ числа таковыхъ бассейновъ можно упомянуть здѣсь: О. *Цагунъ*, *Яшкуль* и *Цаганъ Нуръ* и сверхъ сего *Большой Лиманъ*, соединенный съ р. Манычемъ. Рѣками владѣнія Калмыковъ равнымъ образомъ весьма бѣдны. Послѣ Волги, которая омываетъ только часть границы сихъ владѣній, протекаютъ въ степяхъ небольшія рѣчки: *Сарпа*, *Кума*, *Манычъ*, *Калаусъ*, *Егорлыкъ* и нѣкоторыя другія, изъ коихъ одна *Кума* отличается изобиліемъ и хорошимъ качествомъ прѣсной воды, но она, вышедъ изъ предѣловъ Кавказской области, скоро поглощается песками; всѣ же прочія имѣютъ воды болѣе или менѣе солонцевато-горькія, а при томъ избыточествуя оными лишь въ весеннее время, къ осени совершенно истощаются. Впадаютъ онѣ: Сарпа въ Волгу, Калаусъ и Егорлыкъ въ Манычъ, а сей послѣдній въ Донъ.

Что касается до горъ, то здѣсь вовсе оныхъ нѣтъ, исключая *Иргеней*, которыя, начинаясь въ окрестностяхъ р. Маныча бугромъ *Ташъ*

бурунъ, тянутся непрерывною цѣпью по Сѣверо-Западной границѣ, до колоніи Сарепты, или лучше сказать, до Волги. Прежде, когда Калмыки обитали еще на лѣвой сторонѣ сей рѣки, къ кочевьямъ ихъ принадлежала гора, названная ими *Богдою* (*), которая находится въ Черноярскомъ уѣздѣ и, имѣя при подошвѣ своей соляное *Баскунчатское* озеро, обширнѣйшее изъ всѣхъ подобныхъ озеръ здѣшняго края, состоитъ нынѣ въ казенномъ вѣдомствѣ. Гора сія служитъ предметомъ благоговѣнія Калмыковъ, которые вѣрятъ преданію, что прежде находилась она въ Зюнгаріи и перенесена на настоящее мѣсто двумя Монгольскими праведниками, которые намѣревались поставить оную на самомъ берегу Волги, но не могли достигнуть сей цѣли потому, что одинъ изъ нихъ во время шествія съ столь тяжелою ношею прогнѣвилъ Бурхановъ какимъ-то предосудительнымъ помышленіемъ, отъ чего гора мгновенно упала и подавя нечестиваго, обагрилась его кровію; въ каковой мысли наиболѣе утвер-

(*) Святая.

ждаетъ Калмыковъ красная глина, составляющая оконечность помянутой горы, а за тѣмъ другой праведникъ не въ силахъ уже былъ довершить общаго предпріятія; но Южная часть Богды, которая была имъ поддерживаема, осталась бѣлою (*она состоитъ* изъ слоевъ гипса и алебастра). Послѣ сего, какъ думаютъ Калмыки, невидимо посѣтилъ Богду Далай Лама, кушалъ на ней, и въ память сего выливъ изъ своего блюда остатки соленаго кушанья, произвелъ тѣмъ огромное Баскунчатское озеро. Сюда приходятъ Калмыки молиться, и въ видѣ жертвъ бросаютъ въ глубокія ущелья горы, или оставляютъ на поверхности — деньги, разныя вещицы и даже каменья.

Климатъ въ степяхъ стольkоже многоразличенъ, какъ и почва земли: въ лѣтнее время къ Востоку онъ зноенъ; но чѣмъ ближе къ Сѣверу, тѣмъ умѣреннѣе, Въ такомъ порядкѣ самые сильные жары лѣтомъ восходятъ иногда до 40° въ тѣни, а самые большіе морозы зимою до 30° по Реомюру. Въ послѣдніе предъ симъ годы (съ 1830) морозы были особенно ощутительны, и даже въ мѣ-

стахъ приморскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Мочаговъ*, гдѣ зимы обыкновенно бываютъ не столь суровы, простирались свыше 20 .

Нѣдрамъ земли природа здѣсь, по видимому, совершенно отказала, какъ въ металлахъ, такъ и въ другихъ полезныхъ ископаемыхъ, вознаградивъ недостатокъ сей одними кристаллами поваренной соли, которыми въ неизчерпаемомъ изобиліи покрыты соляныя озера.

Въ растеніяхъ, при всей неблагопріятности почвы и климата, можно находить среди степей достаточное разнообразіе; ибо если Восточный край сихъ степей лишенъ зелени, то Сѣверо-Западный, близъ границъ Донскихъ и Саратовскихъ, обращаетъ на себя вниманіе густотою и свѣжестью травъ различнаго рода. Къ сторонѣ Кумы земля также довольно плодотворна. На берегахъ самаго пустыннаго Маныча замѣчены мною слѣды древняго земледѣлія, коимъ можетъ быть занимались Маджары, обитавшіе не въ дальнемъ отсюда разстояніи. Впрочемъ рядъ высокихъ кургановъ, коими усѣянъ правый берегъ оз-

наченной рѣки, и въ которыхъ, по указанію Калмыковъ, видѣлъ я вырытые, полуразрушенные кирпичные склепы, вмѣстѣ съ изчезающими, но еще въ отливѣ растеній примѣтными дорогами, даютъ поводъ къ заключенію, что и собственно при Манычѣ находились нѣкогда осѣдлыя жительства.

Лѣсъ въ Астраханской губерніи, произрастая исключительно по низменнымъ берегамъ Волги, составляетъ самую незначительную принадлежность Калмыцкихъ улусовъ. Породы онаго: бѣлый и черный тальникъ, ветла, верба и осокоръ — едва годныя на дрова; но владѣлецъ Князь Тюмень, верстахъ въ 40 отъ Астрахани, на правой сторонѣ Волги въ собственныхъ его дачахъ имѣетъ фруктовый садъ и виноградники.

Изъ дикихъ звѣрей водятся въ степяхъ Калмыцкихъ волки, барсуки, чекалки, лисицы, зайцы обыкновенные и земляные (тушканчики), хорьки, суслики, ежи, выхухоли, крысы (преимущественно живущія близъ воды), кабаны (дикія свиньи) и сайгаки, бродящіе иногда цѣ-

лыми спадами и не рѣдко загоняемые осенними бурями въ при-волжскія селенія (*).

Птицы здѣсь во всѣхъ родахъ слѣдующія: беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, бѣлые луни, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, драхвы, крохали, обитающіе въ морскихъ камышахъ и заливахъ лебеди, дикіе гуси и разнаго рода утки, бабы, бокланы, колпики, марпышки, чайки, цапли и проч. (**).

Въ нѣкоторыхъ изъ рѣчекъ и озеръ, особенно находящихся близъ Иргеней и имѣющихъ сообщеніе съ Дономъ, есть рыбы довольно мелкаго сорта, а заливы моря изобилуютъ бѣлугами, осетрами, севрюгами, судаками, и многими другими, составляющими богатство

(*) О домашнихъ животныхъ сказано особо.

(**) Въ весеннее время птицы, питающіяся рыбами, представляютъ иногда любопытное зрѣлище. Всѣ онѣ вмѣстѣ, избравъ какой нибудь мелкій заливъ, составляютъ изъ себя неразрывную цѣпь и, окружа извѣстное пространство воды, съ величайшимъ на разные голоса крикомъ и шумомъ крыльевъ подгоняютъ къ берегу множество мелкой рыбы и потомъ на совершенной отмели поглощаютъ оную.

водъ Каспійскихъ; но Калмыки, бывъ не охотники до рыбнаго стола, изобиліемъ симъ не пользуются.

Въ области земноводныхъ и насѣкомыхъ является здѣсь на каждомъ шагу чрезвычайная плодовитость и разнообразіе: черепахи, лягушки, ящерицы, ужи, змѣи, тарантулы, верешенницы, муравьи, мошкари, комары, оводы, саранча, мухи и проч. наполняютъ по роду своему болотистыя и степныя мѣста. Вреднѣйшія изъ нихъ есть тарантулы, по Калмыцки *Манжи абга*, и черные пауки, величиною съ грецкій орѣхъ, называемые *Табунъ сумунъ* (пушечное ядро) или *Убусанца* (монахиня). Тарантулы, ужасные своею ядовитостію для людей и животныхъ, въ свою очередь страшатся овецъ, которыя поѣдаютъ ихъ безъ всякаго для себя вреда. Въ лѣтнее время человѣкъ, проѣзжающій степями, долженъ имѣть большую осторожность отъ помянутыхъ насѣкомыхъ и спать не иначе, какъ въ крѣпкомъ пологу, или въ экипажахъ, намазывая колеса дегтемъ, для того, чтобы тарантулы или пауки не могли подниматься по онымъ съ земли. Сверхъ сего овчины или войлоки изъ

овечьей шерсти служатъ также средствомъ къ отдаленію опасности.

Пути, чрезъ Калмыцкія степи лежащіе, суть: а.) двѣ большія почтовыя дороги — одна отъ Царицина до Астрахани и другая отъ Астрахани къ Кизляру, до Гуйдукской станціи; и b.) древнія степныя дороги: 1-я, уклоняющаяся съ Алабужинской станціи почтоваго Кизлярскаго тракта, на рѣку Куму къ Маджарамъ и далѣе въ область Кавказскую; 2-я, поворачивающая съ того же тракта, отъ станціи Джуруковской, и извѣстная вообще подъ названіемъ *Стараго Крымскаго Шляха*, а Калмыками называемая *воровскою дорогою*, потому, что Крымскіе Татары нѣкогда приходили по оной для набѣговъ; 3-я, пролегающая отъ Сарепты прямо на Терекъ и называемая *Томскою.* Дорога сія проложена Томскимъ пѣхотнымъ полкомъ, проходившимъ здѣсь въ Грузію; и наконецъ 4-я, идущая отъ Сарепты же по возвышенностямъ Ергеней до бывшаго Александровскаго уѣзда Кавказской области.

ГЛАВА II.

СВѢДЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ (*).

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ изслѣдованіе о происхожденіи такого народа, который получилъ бытіе во времена отдаленныя и въ странахъ, кои по дикости обитателей и самой природы остаются доселѣ не довольно извѣстными, а въ древности считались и совершенно недоступными. По сей причинѣ не

(*) Въ *Журн. Минист. Внутрен.* Дѣлъ прошлаго 1833 года NN. 5, 7, 8 помѣщено *Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ* извѣстнаго Оріенталиста О. Іоакинфа, которое совершенствомъ своимъ можетъ дополнять недостатокъ настоящей статьи, оставленной мною въ томъ видѣ, въ какомъ она приготовлена была прежде, потому болѣе, что въ оной содержатся обстоятельства, кои не вошли въ описаніе О. Іоакинфа.

входя въ глубокія и подробныя изысканія о Калмыкахъ, я намѣренъ коснувшись только съ легка исторіи сего народа, привести здѣсь, поколику возможно, свѣденія о произшествіяхъ собственно со времени переселенія онаго къ берегамъ Волги.

Извѣстно уже, что Калмыки по происхожденію своему есть Монголы, издревле обитавшіе на Востокъ отъ горъ Уральскихъ. Послѣ Гунновъ, коихъ безошибочно надлежитъ почитать родоначальниками Монголовъ (*), постоянное развитіе могущества сихъ послѣднихъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, какъ будто нарочно сокрыто было отъ современниковъ, для того, чтобы болѣе поразить ихъ явленіями неожиданными и необыкновенными. Такъ въ 1224 году внезапное нашествіе Монголовъ, страшныхъ своею многочисленностію, видомъ и звѣрскими нравами, исполнило Европу изумленіемъ и ужасомъ. Россіяне, испытавъ первые жестокость варваровъ, на время еще удалявшихся, говорили объ нихъ: „Кто сіи пришельцы, откуда прихо-

(*) См. примѣч. на 1-й Т. Исторіи Карамзина, N. 35.

дили и куда сокрылись — извѣстно одному небу и людямъ, искуснымъ въ книжномъ ученіи" (*). Но скоро владычество ихъ возрасло до безпредѣльности, и для бѣдствія порабощенной Россіи возникли на рубежахъ ея новыя, Монголо-Татарскія Царства: Астраханское и Казанское и Ханство Крымское.

Казалось, что Россія навсегда утратила свою независимость; но Провидѣніе хранило жребій ея, и Руские, послѣ долговременнаго страданія, пользуясь взаимными междоусобіями враговъ, не только возвратили себѣ полную свободу, но сами сдѣлались обладателями Казани и Астрахани. Между тѣмъ въ самой Монголіи, давно не принимавшей никакого участія въ судьбѣ отдаленныхъ единоплеменниковъ, дѣла находились въ положеніи весьма невыгодномъ: тамъ происходили внутренніе раздоры и мятежи, и сверхъ сего возгаралась борьба съ Китаемъ, въ послѣдствіи для Монголовъ столь гибельная.

События сіи, въ продолженіе многихъ столѣтій потрясавшія спокойствіе Востока, со-

---

(*) Исторія Карамзина Т. I, стр. 235 и 241.

провождались тѣмъ, что многіе изъ частныхъ владѣтелей Монгольскихъ искали или независимости отъ своихъ Хановъ, или покровительства державъ посторонныхъ; но главнѣйшіе изъ нихъ, желая еще соединенными силами сохранить остатки своего могущества, поддерживали оное въ особенномъ союзѣ четырехъ родовъ: *Зюнгарскаго* (Джунгарскаго), *Дурботскаго*, *Торготскаго* и *Хошотскаго*, подъ общимъ названіемъ *Дербень-Ойратовъ*, то есть: четырехъ соединенныхъ (*). Главою сего союза былъ владѣтель Зюнгаровъ, въ сравненіи съ прочими болѣе сильный, и самая страна, лежащая на Юго-Востокъ отъ нынѣшнихъ границъ Сибири, за хребтами горъ Алтайскихъ, которую занимали тогда Ойраты, носила имя *Зюнгаріи*.

По преданіямъ, извѣстнымъ среди Калмыковъ до нынѣ, въ началѣ XVI столѣтія произошли между Ойратами несогласія, бывшія причиною того, что нѣкоторыя поколѣнія отдѣлясь отъ союза, откочевали на Сѣ-

(*) На Калмыцкомъ языкѣ *Дёрбёнъ* значитъ: четыре, а *Ойратъ* — соединенный.

веръ къ предѣламъ губерній Томской и Енисейской. Поколѣнія сіи въ слѣдствіе очевиднаго негодованія Ойратовъ получили отъ нихъ названіе *Элетъ*, которое Татары на своемъ языкѣ передали Русскимъ въ словѣ *Калмакъ*; ибо какъ Элётъ по Монгольски, такъ и Калмакъ по Татарски значитъ: отпавшій, отдѣлившійся или ушедшій.

Приближаясь къ границамъ Сибири, Элёты или Калмыки, имѣли можетъ быть цѣлію соединиться съ туземными ихъ однородцами и водвориться тамъ съ правами самовластія; но какъ Сибирь покорствовала уже тогда Россіи, и какъ въ это время Русскіе дѣятельно занимались построеніемъ во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ укрѣпленій, то Калмыки въ необходимости были обратиться къ Россіи съ сношеніями миролюбивыми.

Въ Царствованіе Михаила Θеодоровича, въ 1618 и 1620 годахъ, Тайши: *Богатырь* и *Каракула*, первые присылали въ Москву своихъ пословъ, и согласно изъявленному желанію получили грамоты о бытіи имъ со всею ордою въ подданствѣ и подъ защитою Россійскихъ ГОСУДАРЕЙ; при чемъ Калмыки при-

глашались въ Сибирь и другіе города для торговли (*). Но что Тайши сіи, равно какъ и всѣ Калмыки не расположены были оказанною имъ милостію пользоваться, это ясно доказывается тѣмъ, что они оставя Сибирскіе предѣлы, гдѣ климатъ и прочное владычество Россіи не представляли имъ желаемыхъ выгодъ, подались на Юго-Западъ и въ 1620-мъ году владѣльцы *Лоузангъ* и *Эйденгъ* появились уже на берегахъ Ори и Эмбы, въ странахъ для кочевой жизни болѣе благопріятныхъ (**). *Лоузангъ* и *Эйденгъ* были пришельцами, такъ сказать, передовыми: ибо за ними непосредственно слѣдовала отъ Аликъ-Ула сильная орда Калмыковъ *Торготскаго* (Торгоутовскаго) рода, къ которымъ въ позднѣйшія времена отъ источниковъ Иртыша и съ береговъ Зайсанъ-Нура, Кёкё Нура, и р. Или, присоединялись частями *Хошоуты* и *Дербеты*.

Хорлюкъ, главный предводитель Торготовъ, за долго еще до предпринятаго имъ дви-

---

(*) См. въ полн. Собр. зак. грамоты: 1618 Апрѣля 14 и 1620 Мая 14.

(**) Обозрѣніе дост. Оренбур. края, — Жуковскаго.

женія посылалъ въ приволжскіе степи довѣренныхъ людей для собранія нужныхъ свѣдѣній, и удостовѣрясь въ возможности пользоваться привольными землями прежней Золотой орды, съ шестью сыновьями и пятидесятью тысячами кибитокъ (семействъ) подвластнаго ему народа, направилъ путь прямо къ Уралу. Дорогою покорилъ онъ обитавшихъ близъ р. Эмбы Джембулуцкихъ Татаръ, а перешедъ Уралъ овладѣлъ Татарами Ногайскими, Хатай-Кипчакскими и Джетысанъ. Всѣ сіи племена, бродившія разсѣянно, не имѣли средствъ сопротивляться Калмыкамъ, кои совершали переселеніе свое огромною массою, вооруженные по тогдашнему ихъ обыкновенію пищалями, стрѣлами и чеканами, и одѣтые въ шлемы и панцыри.

Такимъ образомъ въ 1630 году, или около сего времени (*), Хорлюкъ расположился на обширныхъ степяхъ между Волгою и Ураломъ, простиравшихся отъ Каспійскаго моря на Сѣ-

(*) Географ. словарь Госуд. Россійскаго, статья: *Калмыки*. Обозрѣніе достопамят. Оренбург. края, и слова самихъ нынѣшнихъ Калмыковъ.

веръ до р. Самары. Не испросивъ на сіе дозволенія или согласія Россіи, онъ явно мечталъ быть владѣтелемъ независимымъ: ибо не только вовсе не входилъ въ сношенія съ Русскимъ Дворомъ; но дозволилъ себѣ принять откочевавшихъ къ нему изъ подъ Астрахани Ногайскихъ, Едисанскихъ и Юртовскихъ Татаръ, бывшихъ уже подданными Россіи (*); а въ 1640 году съ сыномъ *Шукуръ Дайчингомъ*, отправлялся на Сеймъ, къ общему сырту Уральскихъ горъ, гдѣ собравшіеся Монгольскіе и Калмыцкіе владѣльцы, связанные узами родства и религіи, въ присутствіи обожаемыхъ ими четырехъ Хутухту, прекратя бывшія между ими замѣшательства возобновили союзъ: приняли общіе законы и постановили правила относительно внѣшней безопасности. На семъ важномъ собраніи находились *Эрдени Баторъ* Хонгъ Тайджи, владѣтель Зюнгарскій; *Гуши Номіинъ Ханъ* владѣтель Кёкё-Нурскій и многіе другіе, коихъ имена остались извѣстными въ утвержденномъ ими тогда уложеніи.

(*) Шертная грамота 1655 г. Февраля 4, полн. собр. Россійск. зак. Т. N. 145.

Въ послѣдствіе времени, по смерти уже Зюнгорскаго владѣльца *Эрдени Батора*, случившейся въ 1654 году, сынъ его *Галданъ* Хонгъ Тайджи (*) дополнилъ помянутое Уложеніе особенными статьями, которыя равномѣрно бывъ приняты Калмыками и на Волгѣ, служатъ доказательствомъ, что Калмыки сіи болѣе расположены были признавать надъ собою вліяніе власти Зюнгаровъ нежели Россіи.

Поступки *Хорлюка* были слишкомъ важны; но въ это время Россія, послѣ тяжкихъ ранъ, нанесенныхъ ей гидрою властолюбія, гнѣздившеюся на осиротѣвшемъ тронѣ, едва начинала возставать, опираясь на Державный Скипетръ Михаила Феодоровича, и посему не могла заниматься исключительно дѣлами отдаленныхъ владѣній своихъ въ Азіи, гдѣ среди пустынныхъ степей, единственнымъ стражемъ ея представлялась Астрахань съ неприступными для Ордынцевъ твердынями, которыя донынѣ служатъ величественнымъ памятникомъ царствованія Феодора Іоанно-

(*) *Хонгъ Тайджи*, есть общій титулъ Зюнгарскихъ владѣтелей.

вича (*). Впрочемъ не взирая на смутныя обстоятельства того времени, могущество Россіи возраждалось на Востокѣ само собою. На устьѣ рѣки Урала еще съ 1580 года бодрствовали храбрые Русскіе витязи, удалившіеся съ береговъ Дона: это были вольные люди, предки нынѣшнихъ Уральскихъ Казаковъ.

Послѣ многихъ геройскихъ подвиговъ отважась разбить Урганычь, столицу Хоразма (Хивы), и на возвратномъ пути претерпѣвъ пораженіе, они въ 1613 году, при самомъ возшествіи на престолъ Михаила Θеодоровича вступили въ подданство Россіи, и окруженные безчисленными ордами народовъ чуждыхъ, умѣли сохранить самобытность свою для пользы и славы отечества. Самое нашествіе *Хорлюка* не поколебало ихъ твердости, и они остались на своихъ мѣстахъ въ тылу его улусовъ.

Какими событіями сопровождалось въ Калмыцкой ордѣ первое двадцатипяти-лѣтіе, протекшее съ 1630 года, и какія со стороны Россіи принимались мѣры къ сближенію съ

(*) Астрахань ограждена каменнымъ кремлемъ въ 1584 году.

симъ народомъ, — все это остается въ совершенной неизвѣстности, и рядъ слѣдовавшихъ за симъ произшествій начинаетъ проясняться уже съ 1655 года.

Въ семъ году (Февраля 4) Калмыцкіе послы: *Дураль Тарханъ*, *Серенъ* и *Чокула*, шертною грамотою (присягою), данною Царю Алексѣю Михаиловичу признали Тайшу своего *Шукуръ Дайчинга* и всѣхъ улусныхъ людей подданными Россійской державы, обѣщаясь между прочимъ: на Астрахань не ходить; въ плѣнъ ни кого не брать и не грабить, и отъ прежнихъ неправдъ отстать.

Сія шертная грамота (*) показываетъ, что *Хорлюкъ* въ 1655 году уже не существовалъ, и что первымъ подданнымъ Россіи изъ Калмыцкихъ владѣльцевъ былъ сынъ его, помянутый *Шукуръ-Дайчингъ*, который 8-го Іюля 1661 года съ своимъ уже сыномъ, *Бунчукомъ* или *Пунцукомъ*, особенною грамотою, заключенною съ Дьякомъ Иваномъ Гороховымъ, обязывался выступить вмѣстѣ съ Россійскими войсками въ походъ на Крымскіе улусы (**).

(*) Полн. собр. Россійск. закон. Т. I. N. 145. N. 300.

Вскорѣ послѣ сего, и именно Декабря 9 дня того жъ 1661 года, Тайша *Пунцукъ* лично повторялъ присягу на вѣрность Царю въ присутствіи Астраханскаго Воеводы, Князя Григорія Сунчалѣевича Черкасскаго, на урочищѣ Берекетѣ (*). Здѣсь давая клятву за себя, *за отца своего Дайчинга* и прочихъ Тайшей, а равно за Ногайскихъ, Енбулатскихъ, Мелисбашскихъ и Киличинскихъ Мурзъ, „покланялся онъ и цѣловалъ бога своего Бурхана и молитвенную книгу бичикъ, и чошки и ножикъ свой лизалъ и къ горлу прикладывалъ.“

Если съ одной стороны предположить, что поводомъ къ столь близкому возобновленію присяги было ослабленіе Калмыками прежнихъ условій, то съ другой — трудно постигнуть причины, по которымъ при жизни *Дайчинга* присягалъ за него и за всѣхъ подвластныхъ ему людей сынъ его *Пунцукъ*. Въ семъ случаѣ можно допустить лишь догадку: не

(*) Полн. собр. Рос. зак. Т. I. N. 316 *Берекета* — одинъ изъ небольшихъ Волжскихъ протоковъ, на лѣвой сторонѣ сей рѣки, отъ Астрахани верстахъ въ 30-ти, въ Краснопрскомъ уѣздѣ.

передалъ ли тогда отецъ правъ своихъ сыну, будучи еще въ живыхъ? или не произошла ли перемѣна сія по волѣ народа? Поводомъ къ таковой мысли можетъ служить и то, что ни объ имени *Дайчинга*, ни о времени смерти его и переходѣ власти къ *Пунцуку* нигдѣ въ послѣдствіи не упоминается, между тѣмъ какъ сей послѣдній непосредственно за отцемъ его является въ качествѣ главы Калмыцкаго народа. Время его правленія оставило одну достопамятность, и именно: присоединеніе къ нему вышедшаго изъ Зюнгаріи Хошоутова владѣльца *Кюндіоленга* съ тремя тысячами кибитокъ Калмыковъ.

Пунцукъ умеръ около 1661 года, назначивъ наслѣдникомъ по себѣ сына *Аюку* (*). Сей Аюка въ самомъ началѣ своего правленія увеличилъ число подвластныхъ вновь выведенными къ нему въ 1670 году, теткою его *Доржи-Араптанъ* Калмыками въ числѣ 3000 кибитокъ (**); а потомъ, въ 1673 году, — по пре-

---

(*) Географ. словарь Госуд. Рос. статья: *Калмыки*.

(**) *Доржи-Араптанъ* была въ замужствѣ за Олютскимъ *Очирту-Цеценъ* Ханомъ.

кращеніи произведенныхъ въ сіе время въ Астрахани Стенькою Разинымъ безпорядковъ, — на съѣздѣ съ Бояриномъ и Воеводою Княземъ Яковомъ Петровичемъ Одоевскимъ, противъ Астрахани на нагорной сторонѣ Волги у рѣчки Солянки, Февраля 27 дня подтвердилъ прежнюю отца своего *Пунцука* шертовальную запись (*): обѣщалъ быть въ вѣчномъ подданствѣ у Царя Алексѣя Михайловича; не вредить Россійскимъ владѣніямъ и подданнымъ; не имѣть сношеній съ Турецкимъ Султаномъ, Персидскимъ Шахомъ, Крымскимъ Ханомъ, Азовскимъ Беемъ и другими заграничными народами, и ходить войною на Царскихъ непріятелей; словомъ: обязывался быть оплотомъ Русскихъ границъ со стороны Азіатской, въ чемъ состояла всегдашняя цѣль Русскаго Правительства при договорахъ со всѣми Калмыцкими владѣльцами.

На семъ основаніи Аюка тогда же долженъ былъ оказать Россіи услугу, дѣйствуя противъ непріязненныхъ ей Кумыковъ и Крымцевъ; но вмѣсто того Калмыки его пользу-

(*) Полн. собр. Рос. зак. Т. I. N. 540.

ясь возстаніемъ Башкирцевъ, во время такъ называемаго Сеитовскаго бунта, и едва ли не повнушенію пришедшаго къ нимъ въ 1673 или 1674 году родственника Дербетовыхъ владѣльцевъ *Соломсереня* съ сыномъ *Мункотемиромъ* и съ четырью тысячами кибитокъ подвластныхъ, въ 1675,1676 и 1677 годахъ производили грабежи на Волгѣ и даже въ предѣлахъ нынѣшнихъ Казанской и Оренбургской губерній.

Послѣ столь явнаго пренебреженія обѣтовъ и вѣроятно въ послѣдствіе принятыхъ мѣръ, Аюка обратясь вновь къ своему долгу, 15 Генваря 1677 года на прежнемъ мѣстѣ (т. е. близъ Астрахани на урочищѣ Соляномъ) предъ Окольничимъ и Воеводою Княземъ Щербатовымъ сознаваясь въ своемъ вѣроломствѣ, присягнулъ вторично на подданство и совершенное повиноеніе Россіи, *по прежнимъ и новымъ* договорамъ. Тутъ же и въ равной силѣ дали присягу, братья его: *Мончакъ* и *Замса* и Тайша *Соломсерень*, какъ сказано выше, не задолго предъ симъ прибывшій. (*) Шертная

(*) Пол. Соб. Рос. Зап. Т II. N. 672.

запись ихъ заключалась слѣдующею клятвою: »за измѣну призываемъ на себя и всѣхъ людей своихъ гнѣвъ Божій и огненный мечь, и тою саблею, которую нынѣ я Аюка и Замса и Соломсеренъ Тайши вынявъ изъ ноженъ на головы свои кладемъ и къ горлу прикладываемъ, головы наши отъ непріятелей нашихъ посѣчены бъ были и будемъ прокляты по своей Калмыцкой вѣрѣ въ семъ вѣкѣ и будущемъ.«

Съ сего времени прошло три года, въ продолженіе коихъ Калмыки поведеніемъ своимъ казалось заслуживали одобреніе и Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь отправляя въ 1687 году въ Астрахань Воеводою Окольничаго Алексѣя Петровича Головина, въ данномъ ему Наказѣ, между прочимъ, повелѣвалъ объявить Аюкѣ и другимъ Тайшамъ слѣдующее: Вѣдомо ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, ЕГО ЦАРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ учинилось, что они Тайши служатъ и во всемъ ЕГО ЦАРСКОЕ велѣніе исполняютъ по своимъ договорамъ и шерти. И Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, ихъ Калмыцкихъ Тайшей и улус-

ныхъ ихъ людей за ихъ службы жалуетъ — милостиво похваляетъ. »Впрочемъ особою статьею сего же Наказа предписывалось:« на съѣздѣ (съ Аюкою и прочими Тайшами) держать береженье и остерегательство великое, что бъ Камлыцкіе Тайши обманомъ какова дурна не учинили.« (*) Но поелику Калмыки оправдывая справедливую къ нимъ недовѣрчивость, сохраняли клятву только до первой возможности нарушить оную, то прежде нежели Воевода Головинъ могъ объявить Аюкѣ Царское благоволеніе, подвластные его Тайши соединились опять съ мятежными Башкирцами, и съ 1681 по 1683-й годъ производили въ областяхъ Уфимской и Казанской набѣги и опустошенія (**).

Россійскій дворъ посредствомъ Уральскихъ Казаковъ усмиривъ Башкирцевъ, въ отношеніи къ Калмыкамъ оказалъ и на сей разъ особенную снисходительность, которая изъясняется постоянною и вполнѣ собразною съ

(*) Наказъ Головину 1681 г.

(**) Шертная запись Аюки 1683 г. Генваря 24. — Полн. Собр. Рос. Зак. Т. II. N. 990.

обстоятельствами того времени политикою: содержать народъ сей въ зависимости мѣрами кротости. Посему виновный Аюка не замедлилъ явиться съ новымъ раскаяніемъ къ Боярину и Воеводѣ, Князю Андрею Ивановичу Голицыну, и 24 Генваря 1683 года обще съ дѣтьми своими; Тайшею *Соломсеренемъ* и сыномъ его *Мункотемиромъ*, принесъ новую присягу Россійскимъ Самодержцамъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, обѣщаясь свято содержать всѣ договоры.

И въ самомъ дѣлѣ, Аюка, хотя не на всегда, однако же на долго отказалъ себѣ въ страсти пріобрѣтать легкую добычу въ мирныхъ селахъ и деревняхъ Россіи. Вмѣсто сего онъ обратился за Уралъ къ Восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, гдѣ успѣхи оружія надъ Киргизъ-Кайсаками, Трухменами и другими племенами, содѣлали его столь извѣстнымъ, что многіе владѣльцы Киргизскіе Хивинскіе и Кубанскіе искали его дружбы и покровительства, а около 1690 года Далай Лама наименовавъ его Ханомъ, прислалъ ему на сіе достоинство печать.

Между тѣмъ безпокойства Зюнгаріи уда-

лили въ Россію еще часть народа. Въ 1686 году явились въ Москву послы отъ владѣльца Черныхъ Калмыковъ *Цаганъ Батыря*, съ просьбою о принятіи его и вышедшихъ съ нимъ людей въ подданство, и о дозволеніи имъ кочевать между Дономъ и Волгою, по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ и Илавлѣ. Но какъ удовлетвореніе таковой просьбы несогласовалось со безопасностію ближайшихъ къ помянутымъ мѣстамъ Рускихъ жителей, и съ соблюдавшимся доселѣ правиломъ: чтобы никого изъ Калмыковъ на правый берегъ Волги для кочевья недопускать, — то въ данной 21 Мая 1687 года ближнему Боярину Князю Василью Васильевичу Голицыну Царской грамотѣ сказано, чтобы означеннымъ Чернымъ Калмыкамъ отвѣсти степи на луговой сторонѣ Волги по рѣкѣ Ахтубѣ (*). Калмыки сіи съ владѣльцемъ ихъ *Цаганъ Батыремъ* на другой послѣ сего годъ отправляли уже службу, находясь вмѣстѣ съ Донскими Казаками въ экспедиціи для искорененія ушед-

---

(*) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. II № 1245.

шихъ къ рѣкамъ Медвѣдицѣ и Кумѣ воровъ и раскольниковъ (*).

Аюка съ своей стороны продолжая оказывать Россіи преданность, время отъ времени входилъ въ большую довѣренность, и наконецъ въ 1697 году бывъ приглашенъ Бояриномъ Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ на рѣчку Камышинку, Іюля 17-го дня заключилъ договорныя статьи, коими между прочимъ полагалось: отпускать ему свинецъ и порохъ, а въ случаѣ походовъ противъ Бухарцевъ, Каракалпаковъ и Киргизцевъ обѣщана была и артиллерія; далѣе дозволялись набѣги въ Крымъ, на Кубань и въ горы; предоставлялось право переправлять Калмыковъ съ луговой стороны Волги на нагорную, начиная отъ Чернаго Яра до Саратова, на казенныхъ судахъ, и обѣщалась помощь противъ Крымцевъ, Донцевъ и Башкирцевъ, съ тѣмъ, чтобы Калмыки, если будутъ преслѣдуемы, прикачевывали къ Русскимъ городамъ и селеніямъ. Заключая сей договоръ,

(*) Полн. собр. Рос. Зак. Т. II. N°. 1310 Похвальная грамота Донскимъ Атаманамъ.

Аюка, въ изъявленіе привязанности его къ Россіи, назвалъ Князя Голицына братомъ, и даже отпускалъ съ нимъ сына своего *Гунжепа*, прося быть ему наставникомъ; но въ то же время сей хитрый Ханъ заботился о продолженіи прочныхъ связей и съ Зюнгаріею, на каковой конецъ въ 1698-мъ году отправилъ дочь свою, *Сетеръ Джапа*, въ замужство *за Цеванъ Раптана*, только что сдѣлавшагося тогда повелителемъ Зюнгаровъ (*).

Сіи благопріятныя для Калмыцкаго народа событія, внезапно прерваны были несогласіями, возникшими въ семействѣ самаго Хана. Въ 1701-мъ году между Аюкою и старшимъ сыномъ его *Чакдоржапомъ* вспыхнула вражда, причиною коей была жена послѣдняго. Чакдоржапу надлежало умереть — и другой сынъ, любимецъ *Аюки*, извѣстный *Гунжепъ*, въ мрачную ночь подослалъ къ кибиткѣ брата своего убійцу, который выстрѣлилъ въ оную изъ ружья, заряженнаго двумя пулями, и нанесъ жертвѣ мщенія сильную рану. Случай сей

(*) Самъ Аюка женатъ былъ на двоюродной сестрѣ Цев. Рап. — *Дармъ Балъ*.

произвелъ въ улусахъ общее смятеніе: *Гунжепъ* бѣжалъ въ Сарашовъ; самъ *Аюка* спѣшилъ искашь безопасносши въ Яицкомъ Казачьемъ городкѣ, а *Чакдоржапъ* съ нѣкоторыми изъ брашьевъ, и съ большею часшію Калмыкивъ, удалился за Уралъ.

По поводу сихъ непріяшныхъ происшесшвій, Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ пріѣзжалъ въ Самару, и былъ сшолько счасшливъ, чшо успѣлъ прекрашишь ссору и возврашишь къ повиновенію Аюкѣ всѣхъ Калмыковъ, изключая однакожъ 15 ш. кибишокъ, кои находясь съ *Чакдоржапомъ* за Ураломъ, не захошѣли съ нимъ возврашишься и послѣдовали за сыномъ же Аюки, *Санжипомъ* и нѣкошорыми владѣльцами въ Зюнгарію, гдѣ *Санжипъ* вмѣсшо ожиданнаго ошъ зяшя, *Цеванъ Рапшана*, покровишельсшва, былъ аресшованъ и препровожденъ обрашно къ ошцу, а пришедшіе съ нимъ Калмыки раздѣлены по Зюнгарскимъ улусамъ.

Спусшя послѣ сего 6-шь лѣшъ, (съ 1707 года), Башкирскіе сшаршины Алдаръ и Кусюмъ произвели около Мензелинска буншъ: Калмыки какъ будшо ожидали эшого, чшобы явишь

новый примѣръ дерзкаго вѣроломства. Они, пользуясь правомъ переходить на правый берегъ Волги, издавна льстившій имъ богатыми добычами, вторглись въ Пензенскую и Тамбовскую области, обратили въ пепелъ болѣе ста селъ и деревень и захватили въ плѣнъ множество земледѣльцевъ, которые потомъ распроданы въ Кизылбаши (Персію), на Кубань, въ Хиву и Бухарію (*). Для изслѣдованія сихъ наглыхъ поступковъ въ 1708 году отправлялся ближній Министръ, Казанскій и Астраханскій Губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, и не далеко отъ Чернаго Яра на рѣчкѣ Даниловкѣ, соединяющей Волгу съ Ахтубою, имѣлъ съ *Аюкою* свиданіе. Здѣсь Калмыцкій Ханъ, слагая всю вину на Тайшей *Мункотемира* и *Чететя*, оправдывалъ себя въ своевольствѣ будто-бы ихъ, тѣмъ, что по отдаленности кочевья ему неизвѣстны были злыя ихъ намѣренія. Апраксинъ видя изъявленную *Аюкою* покорность, и безъ сомнѣнія

(*) Полн. собр. Россійск. Зак. Т. IV. N. 2207. Договорныя статьи Губернатора Апраксина съ Аюкою 1708 г., Сентяб. 30-го.

въ согласность данныхъ ему повелѣній, принялъ помянутыя объясненія достаточными и 30-го Сентября окончилъ дѣло условіемъ, по которому *Аюка* долженъ былъ вмѣстѣ съ строгимъ подтвержденіемъ *Мункотемиру* и *Чеметю*, дать общія повелѣнія, чтобы на нагорную сторону Волги Тайши и владѣльцы отнюдь не переходили и людей своихъ для грабежей не посылали, подъ опасеніемъ смертной казни. Сверхъ сего *Аюка* обязывался по требованіямъ Комендантовъ приволжскихъ городовъ и крѣпости Терской, въ случаѣ надобности оказывать немедленное пособіе, съ тѣмъ, чтобы взаимно и всѣ Коменданты отъ Астрахани до Самары давали ему воинскую помощь противу Крымцевъ, Башкирцевъ и другихъ непріятелей.

Въ это самое время Россія вела войну со Швеціею и въ числѣ войскъ своихъ имѣла уже Калмыковъ: вотъ обстоятельства, кои для *Аюки* при настоящихъ переговорахъ могли быть полезными.

1710-го года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ *Аюка*, изключая пяти тысячнаго отряда, отправлен-

наго для усмиренія Башкирцевъ, во исполненіе объявленнаго ему Губернаторомъ Апраксинымъ собственноручнаго повелѣнія Царя Петра Алексѣевича, присланнаго съ нарочнымъ курьеромъ, назначилъ 10 т. человѣкъ кочевать съ осени до весны отъ Дона по рѣкамъ Салу и Маныгчу, для отвращенія набѣговъ со стороны Кубанцевъ и воровскихъ партій Донскихъ Казаковъ *Некрасова* и прочихъ. Обязанность сія возложена была Ханомъ изъ Тайшей на *Чеметя* и сына Мункотемирова *Четеря*, согласно съ собственнымъ ихъ желаніемъ, вѣроятно въ томъ уваженіи, чтобы дать имъ случай службою загладить вины ихъ предъ Русскимъ Правительствомъ (*). Калмыки сіи (Дербеты) остались въ вѣденіи Донскаго войска и поступили въ управленіе войсковаго начальства.

За симъ слѣдовала эпоха сношеній *Аюки* съ Китайскимъ Императоромъ. — Калмыки, не смотря на отдаленность ихъ отчизны, не-

(*) Договорныя статьи съ Аюкою 5-го Сентября 1810-го года Полн. Собр. Зак. т. IV N. 2291.

*

рѣдко имѣли сношенія съ оставшимися тамъ родственниками; посылали подарки въ Пекинъ и отправлялись въ Тибетъ для поклоненія Далай Ламѣ и для полученія священныхъ книгъ и другихъ потребностей вѣры. Съ сею благочестивою цѣлію еще въ 1698-мъ году, т. е. въ то время, когда *Аюка* отправилъ дочь въ Зюнгарію, племянникъ его *Рабжуръ* сопровождалъ въ Тибетъ мать свою. На обратномъ пути сей *Рабжуръ*, страшась ли вражды народа, преграждавшаго ему дорогу въ Россію, или по порученію дяди, заѣхалъ въ Пекинъ и по распоряженію тамошняго Двора задержанъ былъ въ предѣлахъ Китая, подъ предлогомъ, что Дворъ, будто бы изъ особеннаго расположенія къ *Аюкѣ*, признавалъ опаснымъ дозволить родственнику его возвращеніе чрезъ земли хищныхъ Киргизъ-Кайсаковъ, которые дѣлали нападенія и на свиту дочери его, невѣсты *Цеванъ Раптана*. По сей причинѣ *Аюка* отправилъ въ Пекинъ посланника своего *Самтаня*, и хотя въ возвращеніи съ нимъ *Рабжура* не предстояло никакихъ затрудненій, но Китайскій Дворъ, подъ видомъ вѣжливости и будто для переговоровъ о семъ, въ 1712 го-

ду назначилъ къ *Аюкѣ* посольство и отъ себя.

Послы Китайскіе съ согласія Русскаго Правительства ѣхали чрезъ Сибирь на Казань; весною 1713. достигли Саратова и переправясь чрезъ Волгу нашли *Аюку* въ степяхъ противъ Царицына. Ханъ Калмыцкій встрѣтилъ ихъ съ величайшими почестями, принялъ грамоту Китайскаго Государя стоя на колѣнахъ и потомъ выслушавъ рѣчь о причинѣ посольства, отвѣтствовалъ, что считая и съ своей стороны Южную дорогу изъ Монголіи опасною, будетъ просить Бѣлаго Царя (Русскаго Монарха) о позволеніи *Рабжуру* слѣдовать обратно чрезъ Сибирь, и по полученіи разрѣшенія не преминетъ увѣдомить о томъ Богдо-Хана (святѣйшаго Хана) особеннымъ посольствомъ, коему поручено отъ него будетъ принести благодарность за всѣ попеченія его объ его племянникѣ. Дальнѣйшія за симъ объясненія *Аюки* съ послами состояли въ незначащихъ разговорахъ, среди коихъ однакожъ онъ просилъ увѣрить Богдо-Хана въ его преданности; поручалъ проѣзжая Россіею дѣлать наблюденія, и за-

мѣтилъ, что хотя Калмыки далеко живутъ отъ Срединнаго Государства, но, какъ по одеждѣ можно видѣть, почти ничѣмъ отъ нихъ, пословъ, не различаются. Такъ описываетъ подробности посольства одинъ изъ пословъ — *Тулишень*; но вѣроятно ли, чтобы вся цѣль сношеній Китайскаго Императора съ *Аюкою* состояла только въ *Рабжурѣ*? Напротивъ, видя въ семъ одинъ слабый предлогъ, скорѣе можно согласиться, что для Китайскаго Кабинета, озабоченнаго Зюнгаріею, нужны были свѣденія о состояніи Калмыцкаго народа и объ отношеніяхъ онаго къ единоплеменнымъ Зюнгарамъ. Кромѣ сего Калмыки могли привлечь къ себѣ посольство и однимъ уваженіемъ, какое они всегда оказывали Китайскому Богдо-Хану изъ благодарности за дозволеніе проѣзжать владѣніями его въ Тибетъ, или желая, можетъ быть, на всякій случай, имѣть въ немъ сильнаго покровителя. Какъ-бы то ни было, но важность посѣщенія пословъ ясно обнаружилась тѣмъ, что *Аюка* въ бытность ихъ произвольно объявилъ наслѣдникомъ по себѣ сына *Чакдоржапа*, и вручивъ ему полученную отъ Далай Ламы

Ханскую печать, самъ началъ употреблять другую (*).

Въ началѣ 1715 года Кубанскій Султанъ *Бакши-Гирей* съ толпами Татаръ своихъ явился на берегахъ Волги и близъ Астрахани напавъ неожиданно на Калмыковъ разорилъ нѣсколько улусовъ, при чемъ самъ Ханъ *Аюка*, потерявъ собственныя кибитки и имущество, обязанъ спасеніемъ его и жены, отряду Россійскихъ войскъ, собранныхъ тогда въ Астрахани для похода въ Хиву, подъ начальствомъ Князя Бековича-Черкасскаго. Отрядъ сей, вышедъ въ боевомъ порядкѣ изъ города къ рѣкѣ Болдѣ, принялъ Аюку подъ свою защиту, но остановя движеніе Татаръ, по причинѣ не равенства силъ и не имѣя особаго повелѣнія, въ дѣло съ ними вступить не могъ, хотя *Аюка* и просилъ о семъ Князя Бековича. Потеря Калмыковъ главнѣйше состояла въ томъ,

(*) Аюка имѣлъ отъ разныхъ женъ 8 сыновей, коихъ имена: *Чакдоржапъ*, *Араптанъ*, *Санжипъ*, *Гунжепъ*, *Гундѣлекъ*, *Церенъ-Дондокъ*, *Галданъ-Данжинъ*, и *Церенъ*. Изъ нихъ 2-й Араптанъ, 4-й Гунжепъ (бывшаго Хана Дондукъ-Омбы отецъ, а Князей Дондуковыхъ дѣдъ) и 5-й Гундѣлекъ умерли прежде описываемаго времени.

что зависѣвшіе отъ нихъ Татары: Джетысаны и Джембулуки уведены были единовѣрцами ихъ на Кубань.

Аюка, вооруживъ противъ себя Кубанцевъ набѣгами, которые могъ относить на счетъ услугъ своихъ Россіи, и оскорбясь, что Князь Бековичь не нанесъ имъ при помянутомъ случаѣ пораженія, рѣшился мстить Русскому Правительству. Въ семъ намѣреніи отправилъ онъ къ Хивинскому Хану *Ширгазы* служителя своего Трухменца *Доулата* съ ложнымъ извѣстіемъ, будто Князь Бековичь подъ предлогомъ посольства ведетъ съ собою войско противу Хивы; а потому Хивинцы, соединясь съ Аральцами и Трухменами, и напавъ на слабый Русскій отрядъ, истребили оный совершенно. Послѣ сего, въ слѣдствіе примиренія *Аюки съ Бакши Гиреемъ*, сынъ перваго *Чакдоржапъ*, вооруженною рукою возвратилъ съ Кубани подвластныхъ отца его Джетысанцевъ и Джембулуковъ, заплативъ за сіе Кубанскому Султану тѣмъ, что оставилъ при немъ Зайсанговъ: *Ноемъ - Омбу*, *Буджана* и другихъ Калмыковъ всего 170 человѣкъ, для путеводительства въ Россію. По слѣдамъ

сихъ вожатыхъ Кубанцы, проникнувъ въ Пензенскій и Симбирскій уѣзды, произвели въ оныхъ опустошенія, и взяли въ плѣнъ многія тысячи людей; когда же начальники Волжскихъ городовъ, мимо коихъ проходилъ *Бакши-Гирей*, требовали отъ *Аюки* воинской помощи, то онъ отвѣчалъ, что безъ повелѣнія исполнить сего не можетъ, также какъ и Князь Бековичъ-Черкасскій не могъ дѣйствовать противу Татаръ Кубанскихъ, при нападеніи оныхъ на него *Аюку*, подъ Астраханью (*).

Такого рода поступки указывали на необходимость въ мѣрахъ осторожности, и потому въ 1720 году предписано было Астраханскому Губернатору Волынскому имѣть *при Аюкѣ*, сынѣ его *Чакдоржапѣ* и другихъ главныхъ владѣльцахъ, явно и тайно, довѣренныхъ людей, чрезъ которыхъ можно было бы знать и предупреждать всѣ ихъ вредные замыслы и недопускать до связей и сношеній съ Турками, Крымцами, Кубанцами и другими народами. Тогда же находился при *Аюкѣ* и драгунскій эскадронъ. Но невзирая на сіи мѣры, внукъ

(*) См. Географ. слов. Госуд. Росс. статью: *Калмыки.*

Аюки (Гунжеповъ сынъ): *Дондукъ-Омбо*, оставя жену свою Калмычку *Соломъ*, которая прежде была за отцемъ его (Гунжепомъ), въ 1721 году вступилъ въ брачный союзъ съ дочерью Кабардинскаго владѣльца, *Джанъ*, и въ новомъ родствѣ приготовилъ для Россіи новыя непріятности.

Въ началѣ слѣдующаго 1722 года старшій сынъ и наслѣдникъ *Аюки*, *Чакдоржапъ*, умеръ и оставя послѣ себя отъ разныхъ женъ 12-ть сыновей (*), завѣщалъ всѣмъ быть въ повиновеніи старшаго изъ нихъ *Дасанга*, которому отдалъ и наслѣдственную печать на Ханство, хотя *Аюка* думалъ о семъ иначе.

Въ это время предпринятый Петромъ І-мъ походъ въ Персію и путешествіе Волгою въ Астрахань доставили возможность сему Великому Монарху войти лично въ положеніе дѣлъ до Калмыцкаго народа относящихся. Ханъ *Аюка*, жена его *Дарма-Бала* и дочь ихъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1722 года не далеко отъ Царицына имѣли счастіе представляться на яхтѣ Ихъ Величествамъ Императору и

(*) Князь Тайшинъ былъ изъ числа сихъ сыновей Чакдоржапа.

Императрицѣ, и были приняты съ особенною благосклонностію. Здѣсь между прочимъ Государь изъявилъ желаніе видѣть Калмыковъ подъ знаменами своими, и многочисленная Калмыцкая конница, въ числѣ 40 т. человѣкъ, явилась за Терекъ для наказанія и усмиренія Лезгиновъ, дѣйствовавшихъ въ пользу Персіи. Въ продолженіе пребыванія въ Астрахани имѣвъ случай подробнѣе узнать свойства *Аюки* и членовъ его семейства, равно какъ и другихъ владѣльцевъ, Петръ I, на случай кончины престарѣлаго Хана назначилъ преемникомъ ему родственника его *Дорчжу Назарова*, какъ лучшаго и постояннѣйшаго изъ всѣхъ тогдашнихъ Калмыцкихъ владѣльцевъ. По отбытіи Его Величества въ обратный путь, Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ и Дѣйст. Тайн. Сов. Графъ Толстой, призвавъ помянутаго владѣльца въ Астрахань, объявили ему Высочайшую волю, съ тѣмъ, что при возведеніи его на Ханство, онъ обязанъ будетъ отдать сына своего въ аманаты, въ залогъ вѣрности къ Россіи; ибо послѣ многихъ вѣроломствъ *Аюки*, на однѣ клятвы полагаться было невозможно.

Между тѣмъ *Аюка* имѣлъ свои намѣренія: утвердить Ханство за однимъ изъ оставшихся у него двухъ сыновей — *Черенъ-Дондокомъ*. Съ сею цѣлію, желая обезсилить прежняго наслѣдника *Дасанга*, онъ отклонилъ отъ него родныхъ его братьевъ и въ 1723 году будто за непослушаніе посылалъ противъ него войска, подъ предводительствомъ внука же своего *Дондокъ-Омбы* (сына Гунжепова).

Произведя чрезъ сіе между Калмыками смятеніе, *Аюка* вначалѣ 1724 года умеръ (*). Правленіе его, продолжавшееся слишкомъ 50 лѣтъ, заключаетъ въ себѣ самый занимательный періодъ Исторіи Волжскихъ Калмыковъ, представляя *Аюку* хитрымъ политикомъ, умѣвшимъ, не смотря на двусмысленное поведеніе свое, пользоваться расположеніемъ Россіи и поселить уваженіе къ себѣ не только въ степныхъ владѣніяхъ, но и въ самомъ Китаѣ. Описавъ рядъ измѣнъ Калмыцкаго народа противъ Россіи, которыя впрочемъ состояли въ частныхъ набѣгахъ, проистекавшихъ отъ врожденной склонности къ тому въ семъ на-

(*) Онъ жилъ болѣе 80 лѣтъ.

родѣ, нельзя оставить безъ замѣчанія, что *Аюка* никогда не уклонялся отъ личной покорности его къ Россійскому Двору, и что въ самыя смутныя времена, когда Астрахань была жертвою мятежей, Ханъ сей не только не увлекался возстаніемъ противъ законной власти, но напротивъ являлъ примѣры особенной вѣрности и преданности. Такъ въ 1705-мъ году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда бунтовавшіе стрѣльцы овладѣли городомъ, *Аюка* далъ въ улусѣ своемъ убѣжище Митрополиту Сампсону (*), и въ то же время Калмыки истребили на Волгѣ мятежниковъ, намѣревавшихся приступить къ Царицыну (*).

По смерти *Аюки* оставленныя имъ неустройства увеличены еще со стороны жены его *Дармы-Балы*, которая обнаружила намѣреніе выйти въ замужство за внука ея *Дондокъ-Омбу* и сдѣлать его Ханомъ. Всѣ сіи обстоятельства могли имѣть послѣдствія

(*) Рукопись: записки Астраханской Іерархіи.

(**) Тайша *Мункотемиръ*, разбивъ тогда стрѣльцовъ, пяти стамъ обрѣзалъ уши и представилъ оныя въ Саратовѣ Бояриму Хованскому, за что производилось ему и дѣтямъ его жалованье. (Изъ дѣлъ Астр. Архива.)

весьма важныя, и Россійскій Дворъ въ томъ же 1724-мъ году поспѣшилъ отправить въ Астрахань Губернатора Волынскаго для водворенія согласія между владѣльцами и объявленія Ханомъ *Дорчжа Назарова*; но сей владѣлецъ, имѣя въ виду сильныхъ совмѣстниковъ и раздумавъ дать сына своего въ аманаты, отказался отъ Ханства, представляя ближайшими наслѣдниками Аюки: *Дасанга* и *Церенъ-Дондока.* Послѣ сего, чтобы разрушить недоброжелательные замыслы *Дармы Балы* и внука ея *Дондокъ-Омбы*, Губернаторъ Волынскій нашелъ случай отдѣлить отъ ихъ партіи *Церенъ-Дондока* и для успокоенія народа по необходимости долженъ былъ объявить его намѣстникомъ Ханства, каковое распоряженіе утверждено и Дворомъ.

Дарма-Бала, видя надежды свои тщетными, не могла оставаться равнодушною къ неудачамъ и занялась новыми планами, къ коимъ особеннымъ поводомъ служилъ тогда слѣдующій случай: двоюродный братъ ея Зюнгарскій *Хонгъ-Тайджи* въ 1723 году присылалъ къ *Аюкѣ* нарочныхъ, предлагая дочь свою въ замужство за его сына *Церенъ-Дондока*; но такъ

какъ *Аюка* вскорѣ умеръ, то она (Дарма), подъ предлогомъ дальнѣйшихъ о семъ переговоровъ, отправивъ къ Хонгъ Тайджѣ Зайсанга *Еке-абугай* съ особыми порученіями, склоняла всѣ Калмыцкіе улусы оставить Волгу и отойти въ Зюнгарское владѣніе; однакожъ *Шакуръ-Лама*, владѣльцы, и самый *Церенъ-Дондокъ*, имѣя въ виду жребій удалившихся въ 1701-мъ г. отъ *Аюки* спутниковъ *Чинжипа*, съ таковымъ желаніемъ *Дармы Балы* не согласились и въ 1725 году, выславъ двухъ тысячный отрядъ за Уралъ, къ урочищу Тургай, для принятія невѣсты *Церенъ-Дондока*, поручили развѣдать и о томъ: можно ли симъ путемъ ѣздить далѣе въ Зюнгарію и къ Далай Ламѣ? Отрядъ сей возвратился чрезъ четыре мѣсяца безъ невѣсты и доставилъ свѣденія, что пустыя и безводныя степи до Тургая и обитающіе за онымъ народы, полагаютъ на означенномъ пути непреодолимыя препятствія. Наконецъ смерть Хонгъ Тайджи (*Цеванъ Раптана*) пресѣкла сношенія Волжскихъ Калмыковъ съ Зюнгаріею и *Дарма-Бала* общe съ *Церенъ-Дондокомъ*, отправляя въ 1728-мъ году къ Далай Ламѣ пословъ *Баторъ-Омбо* и *Намки*

Гелюнга съ дарами для поминовенія *Аюки*, должна была во избѣжаніе опасностей назначить имъ путь чрезъ Пекинъ, гдѣ они представлялись Богдо-Хану (Императору) и по повелѣнію его препровождены въ Тибетъ.

Но внутреннія безпокойства въ Калмыцкой ордѣ не прекращались, какъ этого надобно было и ожидать; ибо слабость Намѣстника и вражда противъ него племянниковъ, особенно *Дондокъ-Омбы*, не могли обѣщать ничего хорошаго. Скоро своевольства Калмыковъ и производимые ими по Волгѣ грабежи до того увеличились, что въ 1727-мъ году, сверхъ прежнихъ командъ, надобно было назначить еще 900 человѣкъ Казаковъ для содержанія форпостовъ начиная отъ Саратова и до Царицына. Главнѣйшимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ помянутыхъ случаяхъ былъ *Дондокъ-Омбо*, любимецъ *Дармы-Балы*, который бывъ нѣкогда женатъ на мачихѣ его *Соломъ*, располагался изъ видовъ политики жениться и на бабкѣ своей, хотя уже имѣлъ за собою, какъ объяснено выше, Кабардинку *Джанъ*.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Пекинскій кабинетъ въ началѣ 1731 г.

прислалъ къ Россійскому Двору и къ *Церенъ-Дондоку* посольство для переговоровъ о причинахъ продолжавшейся тогда войны между Китаемъ и Зюнгаріею, и для вооруженія Калмыковъ противъ Зюнгарцевъ, коими по смерти *Цеванъ-Раптана* повелѣвалъ сынъ его, *Галданъ-Церенъ*. А какъ достиженіе сей цѣли требовало сильныхъ убѣжденій, то Китайскіе послы, независимо отъ средствъ открытыхъ, имѣли тайное порученіе, именемъ своего Императора объявить *Церенъ-Дондока* дѣйствительнымъ Ханомъ Калмыцкимъ; но неумѣстная предпріимчивость Китайцевъ была безполезна, ибо прежде нежели они пріѣхали въ улусы, Астраханскій Губернаторъ Измайловъ, на луговой сторонѣ Волги противъ Камышина, въ присутствіи *Шакуръ Ламы* и прочихъ, вручилъ *Церенъ-Дондоку* на достоинство Хана Высочайшую грамоту Императрицы Анны Іоанновны (отъ 17 Февраля 1731 г.) (*), приведя его при томъ и къ присягѣ на вѣрность подданства въ настоящемъ званіи. Послы Китайскаго Пове-

---

(*) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. VIII. N. 5,699.

лишеля возвратились изъ Россіи безъ успѣха, принеся пользу единственно *Церенъ - Дондоку*, который, бывъ наименованъ Намѣстникомъ по необходимости, случайно пріобрѣлъ и титулъ Хана.

Между тѣмъ со смертію старшаго сына *Чакдоржапова*, *Дасанга*, явился новый искатель Ханства: вторый сынъ его, обращенный еще при Петрѣ 1-мъ въ Христіанство, *Петръ Тайшинъ*, коего воспріемникомъ былъ Самъ Великій Монархъ, вѣроятно во время Персидскаго похода, и въ знакъ особеннаго благоволенія наименовавъ его *Петромъ*, (*) пожаловалъ ему походную церковь и при ней служителей (**). Сей владѣлецъ немедленно по утвержденіи *Церенъ-Дондока* Ханомъ прислалъ къ Императрицѣ просьбу изъясняя, что Ханство послѣ *Дасанга* по праву рожденія принадлежитъ ему, подкрѣплялъ доказательство сіе и тѣмъ, что при крещеніи былъ обнадеженъ онъ особенною милостію и покровительствомъ; но

(*) Географ. Слов. Рос. Госуд. статья о Ставропольскихъ Калмыкахъ.

(**) Инструкція Іеромонаху Никодиму 1725 Марта 19.

какъ отвѣтъ Кабинета не удовлетворялъ честолюбивымъ его надеждамъ, то онъ соединился съ двоюроднымъ братомъ *Дондокъ-Омбою* и потомъ оба напали вооруженною рукою на *Церенъ-Дондока*, который потерялъ тогда всѣ свои улусы.

Для прекращенія столь опаснаго возмущенія въ исходѣ 1731-го года отправлены были въ Калмыцкую орду войска подъ начальствомъ Генералъ Поручика Князя Борятинскаго; но виновный *Дондокъ-Омбо* съ значительною частію улусовъ успѣлъ уйти на Кубань, подъ покровительство Турецкаго Султана, и только сообщникъ его, *Тайшинъ*, будучи отрѣзанъ отъ него вбѣжалъ въ городъ Красный Яръ, гдѣ арестованъ и взятъ въ послѣдствіи съ женою его въ Петербургъ.

Исторія *Тайшина*, тѣсно связанная съ Исторіею крещеныхъ Калмыковъ, должна теперь отвлечь на время вниманіе отъ общаго хода произшествій въ улусахъ. Калмыки, вовсе не питающіе религіознаго фанатизма, начали принимать Христіанскую вѣру, какъ можно судить по договорнымъ грамотамъ (*), еще

(*) Полн. собр. Рос. Зак. Т. III. N. 1591.

около 1680 года, безъ сомнѣнія бывъ къ сему привлекаемы не столько познаніемъ святыхъ истинъ, сколько особенными видами или обстоятельствами. Въ началѣ 1700 года число обращенныхъ было уже столь значительно, что выше Саратова, на рѣчкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу, составляли они цѣлую слободу, гдѣ построена была для нихъ и церковь; но Калмыцкому духовенству и владѣльцамъ не могло это нравиться, и помянутая слобода, по приказанію *Аюки* была сожжена, а крещеные Калмыки уведены обратно въ улусы (*). Петръ I-й, послѣ крещенія Петра Петровича *Тайшина* и многихъ его подвластныхъ, убѣдясь, что для распространенія Христіанства между Калмыками нужны основанія болѣе твердыя, Указомъ отъ 19 Апрѣля 1724 г. повелѣлъ Синоду избрать на сей конецъ благонадежныхъ учителей вѣры; въ слѣдствіе чего, по инструкціи 1625 г. Марта 19-го, Іеромонахъ Никодимъ получилъ назначеніе находиться въ Ордѣ; а 17-го Октября того жъ года, состоялся Указъ, чтобы Калмыки, при-

(*) Геогр. слов. Рос. Госуд. статья: *Калмыки.*

нимающіе Св. крещеніе, отправляемы были въ Чугуевъ, для помѣщенія въ число тамошнихъ Казаковъ. Іеромонахъ Никодимъ дѣйствовалъ не безъ успѣха, и въ 1729 году, по донесенію его, Синодъ сообщилъ Правительствующему Сенату на заключеніе, желаніе новыхъ сыновъ церкви: имѣть для жительства одно отдѣльное мѣсто (*). Таковое желаніе въ 1736 году повторилъ и Петръ *Тайшинъ*, прося поселить его близъ Самары за чертою Закамской линіи, основанной тогда для безопасности отъ Калмыковъ и Киргизовъ, и хотя сей владѣлецъ въ слѣдъ за тѣмъ умеръ, но какъ само Правительство находило отдѣленіе крещеныхъ Калмыковъ отъ некрещеныхъ и осѣдлое первыхъ водвореніе полезнымъ, то просьба о семъ не осталась безъ должнаго вниманія. Въ 1737 году вдова Тайшина, нарѣченная въ Св. крещеніи *Анною*, получила отъ Императрицы Анны Іоанновны титулъ Княгини и право быть главою всѣхъ обращенныхъ въ Православную вѣру ея соотечественниковъ; въ согласность чего тогда же предписано Саратовскому Вое-

---

(*) Указъ Св. Синода 1729 Апрѣля 17.

водѣ Беклемишеву, вызвавъ изъ Астрахани, Царицына и прочихъ городовъ всѣхъ крещенныхъ Калмыковъ, поручить Полковнику Змѣеву, вообще съ Княгинею *Тайшиною*, препроводить ихъ на рѣку Сокъ, подъ дирекцію Статскаго Совѣтника Кирилова, на котораго возложено было избрать удобное мѣсто для построенія переселенцамъ крѣпостцы и жилищъ. Вмѣстѣ съ симъ опредѣлено производить Княгинѣ ежегодно по 500 руб., кромѣ хлѣба; а равно положено приличное содержаніе Зайсангамъ ея и прочимъ лицамъ, назначеннымъ для содѣйствія ей въ управленіи переселенцами (*).

Всѣ сіи распоряженія исполнялись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Тайнаго Совѣтника Татищева и Астраханскаго Вице-Губернатора Соймонова. Для обитанія Княгини *Тайшиной* избрано урочище близь Волги на отдѣлившемся отъ нея рукавѣ, именуемомъ *Куньею Воложкою*: здѣсь устроена крѣпость,

(*) Указъ Правит. Сената 1737 года Апрѣля 18 и Докладъ Кабинета Декабр. 7 дня 1738. г.

названная (по Указу 1739 г. Мая 14) Ставрополью (*).

Съ сего времени крещеные Калмыки были предметомъ непрерывныхъ попеченій Правительства, желавшаго видѣть въ нихъ осѣдлыхъ Христіанъ — земледѣльцевъ. На сей конецъ отведены имъ (въ нынѣшнемъ Самарскомъ уѣздѣ) богатѣйшія земли между рѣками Сокомъ и Кондурчею; построены селенія и церкви и независимо отъ различныхъ пособій, выданныхъ при начальномъ обзаведеніи, отпускался казенный хлѣбъ для засѣва полей; а дабы приучить ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ и хозяйству, для сего назначались къ нимъ Русскіе работники, коимъ содержаніе производилось также отъ казны (*). Число крещеныхъ Калмыковъ увеличено въ особенности въ 1743 и 1744 годахъ, многими семействами, переведенными съ Дона и изъ Оренбурга, гдѣ исключая простолюдиновъ приняли законъ Христіанскій владѣльцы: Дербетевскій

(*) Нынѣ уѣздный городъ Симбирской губерніи, и вмѣстѣ Штабъ-Квартира Ставропольскаго Калмыцкаго войска.

(*) Указъ Правит. Сената 1739 Января 15 и опредѣленіе онаго 1745 года Января же 22 и 23 ч.

Чиданъ (*) и Торгоутовскіе *Аюша* и *Тундутъ*, изъ коихъ Аюша нарѣченъ Петромъ, а Тундутъ Павломъ, съ фамиліею Торгоутскихъ (**). Въ тоже время (16 Декабря 1744) въ С. Петербургѣ крестилось семейство *Додокъ-Омбы*, причемъ жена его, бывшая уже вдовою, Джанъ, нарѣчена *Вѣрою*; дочери: Бунигара-*Надеждою* и Делекъ-*Любовью*, и сыновья: Рандулъ-*Петромъ*; Добда-*Алексѣемъ*; Асарай-*Іоною*, и Джабасаръ-*Филиппомъ*. Воспріемницею ихъ отъ Св. купели изволила быть Императрица Елисавета Петровна.

Въ 1744-мъ году Ставропольская крѣпость съ Калмыками, коихъ было обоего пола 3,330 душъ, поступила въ зависимость Оренбургскаго Начальства; (***) а въ послѣдствіи помянутые Калмыки обращены въ Казаки и составляютъ особое *Ставропольское Калмыцкое войско*, причисленное къ Отдѣльному Оренбургскому Корпусу (****).

(*) Указъ 29 Декабр. 1743 г.

(**) Обозрѣніе достопамят. Оренбург. края.

(***) Указъ Ноября 12 дня 1744 г.

(****) Калмыки сіи, (говоря о простолюдинахъ) почти ни чѣмъ неразнятся отъ Калмыковъ, обитающихъ въ Астрахан-

Заключая симъ извѣстія о началѣ Христіанства между Волжскими Калмыками и объ отдѣленіи крестившихся отъ прочихъ, надлежитъ обратиться къ симъ послѣднимъ. Генералъ-Поручикъ Князь Борятинскій, какъ сказано выше, поймавъ Петра *Тайшина*, старался возвратить съ Кубани и *Дондокъ-Омбу*; но сей владѣлецъ нехотѣлъ внимать никакимъ убѣжденіямъ и продолжалъ вредить Россіи. Самъ онъ и сынъ его *Галданъ-Норба* попеременно приходили для грабежей на Донъ и Волгу, брали въ плѣнъ Руcкихъ и переманили къ себѣ большую часть Калмыцкихъ улусовъ. *Церенъ-же Дондокъ*, — не умѣвъ поддержать власти своей, и оставаясь только при одномъ имени Хана, предался непомѣрному пьянству. Послѣ всего этого къ водворенію въ Калмыцкой Ордѣ порядка не

ской губерніи. Они также ведутъ жизнь кочевую и занимаются скотоводствомъ, а о хлѣбопашествѣ, кажется, никогда не думали и не думаютъ, отдавая пожалованныя имъ для сего земли, равно какъ луга, лѣсъ и воды изъ оброка Русскимъ крестьянамъ ближайшихъ селеній, что доставляетъ самимъ имъ возможность быть счастливыми арендаторами. По крайней мѣрѣ въ такомъ положеніи находились они до 1817 года, когда случилось мнѣ быть въ ихъ улусахъ.

оставалось иного средства, какъ призвать *Дондокъ-Омбу* на какихъ бы то условіяхъ ни было. Посему, въ 1744-мъ году отправленъ былъ къ нему на Кубань Донской старшина (бывшій потомъ Тайнымъ Совѣтникомъ) Данило Ефремовъ съ увѣщательною грамотою и обнадеженіемъ въ отпущеніи вины его. *Дондокъ-Омбо* изъявилъ готовность возвратиться на Волгу, но съ тѣмъ, чтобы присоединившіеся къ нему улусы постороннихъ владѣльцевъ оставлены были при немъ, и чтобы поручена ему была главная власть надъ всѣми Калмыками, изключая крещеныхъ, которыхъ предоставлялъ подчинить владѣльцу *Петру Тайшину*; а какъ условія сіи приняты, то онъ не замедлилъ выполнить желаніе Правительства и по возвращеніи на прежнее кочевье, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕЙ Грамоты, состоявшейся въ 7-й день Марта 1735-го года, чрезъ Астраханскаго Губернатора Измайлова объявленъ *Главнымъ Калмыцкаго Народа Управителемъ*. Между тѣмъ *Церенъ-Дондокъ*, отрѣшеный, какъ изъяснено въ Грамотѣ, *за слабость*, и потому что *спился*, вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ.

Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей, *Дондокъ-Омбо* желалъ показать, что онъ достоинъ власти ему дарованной. Сей новый Правитель водворилъ въ улусахъ порядокъ и поселилъ согласіе между владѣльцами, оставшись впрочемъ личнымъ врагомъ двоюроднаго брата (сына Чакдоржапова) *Дондокъ-Даши*, котораго ненавидѣлъ за то, что онъ отличался постоянною преданностію къ Россіи во время ухода его (*Дондокъ-Омбы*) на Кубань. Въ 1736-мъ году, по случаю войны съ Турками, *Дондокъ-Омбо*, предводительствуя сильнымъ корпусомъ Калмыковъ, съ большою пользою дѣйствовалъ противъ Крыма, за что, и вообще за добропорядочное управленіе Калмыцкимъ народомъ, ВЫСОЧАЙШЕЮ Грамотою 11-го Августа того жъ года, повелѣно производить ему въ жалованье, сверхъ прежняго оклада, по 2,500 руб. и муки по 1,000 четвертей на годъ (*), а равно назначены годовые оклады

(*) Прежній окладъ, какимъ пользовались еще *Аюка* и *Церенъ Дондокъ*, состоялъ изъ 1,000 руб. и 2,000 четв. муки. Сверхъ сего означенные Ханы получали: вино, табакъ, медъ, чихирь (виноградное вино), порохъ, свинецъ, сталь и селитру. Въ Астрах. Архивѣ дѣло 1731 г. подъ N. 6-мъ.

и прочимъ владѣльцамъ, какъ то: брату его (Дондокъ Омбы) *Бакшургѣ* 300 руб., сыну Галданъ-Нормѣ 300 руб., зятю *Сербетею* 100 руб., Дорчже Назарову и дѣтямъ его *Лубчже* и *Баю* 600 руб., Чешерю и дѣтямъ его *Лабанъ-Дондоку* и *Тунгѣ Дорчже* 300 руб. *Соломъ Дорчже* съ дѣтьми 200 руб., *Лекъ-Бею* 100 руб., и *Бату Чакдоржапову* 100 рублей. Въ слѣдъ за симъ произведенные Калмыками съ частію Донскихъ Казаковъ воинскіе поиски надъ Кубанцами, и совершенное пораженіе сихъ послѣднихъ, нанесенное имъ въ полѣ и въ самыхъ жилищахъ ихъ на берегахъ Кубани, — пріобрѣли *Дондокъ-Омбѣ* новое благоволеніе: въ 1737 году нарочно посланные отъ Двора Оберъ-Штеръ Кригсъ-Коммисаръ Өедоръ Соймоновъ и Донской старшина Ефремовъ вручили ему ИМПЕРАТОРСКУЮ Грамоту на Ханское достоинство и знаки онаго: знамя, саблю, шубу и шапку собольи (*).

Облагодѣтельствованный толикими милостями *Дондокъ-Омбо* не переставалъ однако же,

---

(*) См. Полн. Собр. Рос. Зак. Т. X. N. 7191

по внушенію вѣры и по примѣру предшественниковъ его, признавать выше всякой власти на землѣ — волю Далай Ламы, и потому въ помянутомъ же году, испросивъ у Правительства дозволеніе отправить въ Тибетъ посольство, будто бы для потребностей духовныхъ, имѣлъ скрытное желаніе предоставить Далай Ламѣ назначеніе по немъ наслѣдника, изъ сыновей его. Посольство сіе, по нѣкоторымъ препятствіямъ, встрѣченнымъ на пути, не могло достигнуть мѣста своего назначенія; а между тѣмъ старшій сынъ *Дондокъ-Омбы*, *Галданъ-Норма* проникнувъ, что намѣренія отца его клонились въ пользу меньшаго сына *Рандула*, рожденнаго отъ Кабардинки Джанъ, въ 1738 году произвелъ въ Калмыцкомъ народѣ возстаніе, которое угрожало Хану величайшею опасностію и прекращено единственно строгостію мѣръ, принятыхъ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны. *Галданъ-Норма*, коего поведеніе противъ отца, по не обнаруженію вначалѣ истинныхъ причинъ, казалось виновнымъ, удаленъ изъ улусовъ и умеръ, содержась въ Казани.

За симъ, спустя около трехъ лѣтъ, въ

1741-мъ году послѣдовала кончина и самаго *Дондокъ-Омбы*, который умирая поручилъ правленіе народомъ десятилѣтнему сыну своему, помянутому *Рандулу*, обнаруживъ, что о пожалованіи его въ Ханы просилъ уже онъ и Далай Ламу; а вмѣстѣ съ тѣмъ мать *Рандула*, хотя обратилась съ просьбою о семъ же къ Правительству, но прежде нежели получила отвѣтъ, рѣшилась утвердить правá сына ея на Ханство, мѣрами насильственными, и перенесла въ Калмыцкія степи кровавыя сцѣны своей отчизны, при чемъ настоящій наслѣдникъ *Галданъ-Данжинъ*, сынъ *Аюки*, а *Церенъ-Дондока* братъ, пользовавшійся народною любовію и слѣдовательно болѣе для *Рандула* опасный, а равно изъ первыхъ владѣльцевъ *Бай*, Дорчжи Назарова сынъ, и дядя его *Убаша* лишены жизни. Всѣ сіи причины были слишкомъ достаточны, чтобы жену Дондокъ Омбы, *Джанъ* и дѣтей ея къ правленію улусами не допускать, и потому отправленный въ Астрахань Тайный Совѣтникъ Татищевъ, съ помощію воинской силы преодолевъ всѣ препятствія, объявилъ Намѣстникомъ Ханства владѣльца *Дондокъ-Дашу*, сына Чакдоржапова,

который за смертію большихъ его братьевъ: *Дасанга* и *Петра Тайшина*, оставался надъ прочими братьями старшимъ, и какъ посему, такъ и по оказанной къ Престолу, во время мятежей *Дондокъ-Омбы*, вѣрности, имѣлъ право на Ханское достоинство. Владѣлецъ сей, по неудовольствіямъ съ означеннымъ *Дондокъ-Омбою* еще въ 1739 году испросивъ дозволеніе удалиться для кочевья за рѣку Самару, при настоящемъ случаѣ вызванъ былъ въ С. Петербургъ, и на отпускной аудіенціи, въ знакъ Высочайшей милости, удостоился получить осыпанный алмазами, портретъ Императрицы Елисаветы Петровны.

Между тѣмъ Тайному Совѣтнику Татищеву было предписано прежнюю Ханшу *Джанъ* и дѣтей ея, если будетъ возможно, взять и подъ присмотромъ отправить въ Казань; но какъ въ исполненіи сего встрѣтились неудобства, то помянутая Ханша съ семействомъ оставлена въ собственномъ мужа ея *Багоцохуровскомъ* улусѣ, съ назначеніемъ отъ казны ежегоднаго жалованья по 500 руб. и по 1000 четвертей ржаной муки. За всѣмъ симъ *Джанъ* не хотѣла отказаться отъ своей цѣ-

ли, и зимою 1642 года бѣжала съ дѣтьми и съ 700 кибитокъ Калмыковъ въ Кабарду, откуда посылала къ Персидскому Шаху, Надиру, нарочныхъ, съ просьбою объ отобраніи Калмыцкаго народа отъ Намѣстника Ханства, и объ отдачѣ онаго въ ея распоряженіе, обѣщая за сіе служить уже ему; каковый обѣтъ и сынъ ея *Рандулъ* утвердилъ присягою. Вскорѣ однакожъ, видя несбыточность столь мечтательныхъ желаній, *Джанъ*, по убѣжденію Татищева возвратилась въ Астрахань; но по причинѣ новыхъ безпокойствъ въ улусахъ, взята въ С. Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи, какъ изложено выше, со всѣми дѣтьми приняла Св. крещеніе, бывъ пожалована титуломъ и фамиліею *Княгини Дондуковой*. Сыновья ея: *Петръ*, *Алексѣй*, *Іона* и *Филипъ* воспитывались въ Кадетскомъ корпусѣ, изъ коихъ *Петръ* скончался послѣ всѣхъ въ 1783 году, въ чинѣ Полковника, проживая Астраханской губерніи въ городѣ Енотаевскѣ; что же касается до дочерей: *Надежды* и *Любви*, то первая изъ нихъ еще въ 1744 году скончалась, а послѣдняя въ 1750 году, по Высочайшему соизволенію, выдана въ замужство въ г. Ставрополь, за вла-

дѣльца тамошнихъ крещеныхъ Калмыковъ, Ивана *Дербетева* (*).

Когда такимъ образомъ прекращены безпокойства со стороны семейства *Дондокъ-Омбы* въ 1745-мъ году обнаружились тайныя сношенія Зюнгорцевъ съ женою Аюки, *Дармою-Балою*, которая не переставала мыслить о возвращеніи въ Зюнгарію и имѣла переписку съ находившимся тамъ братомъ ея, *Гомангъ-Ламою.* По поводу сего она взята была въ Саратовъ; но во уваженіе ходатайства внука ея, Намѣстника *Дондокъ-Даши*, и изъ снисхожденія къ старости лѣтъ ея въ 1747 году отпущена обратно въ улусы. Въ сіе самое время поступки Калмыковъ вообще становились съ часу на часъ не благонамѣреннѣе и сомнительнѣе: сначала увеличили они грабежи по Волгѣ и препятствовали всѣмъ, не только торговымъ, но и начальственнымъ сношеніямъ съ Астраханью, имѣя для разъѣздовъ водою лодки и для неча-

(*) Принадлежавшіе фамиліи Дондокъ-Омбы улусы: Багоцохуровскій и Эркетеневскій, наслѣдниками Князя Алексѣя Дондукова въ 1786 г. уступлены казнѣ, въ замѣнъ коихъ пожалованы имъ въ Могилевской губерніи 1,984 души крестьянъ, кромѣ пенсіи.

янныхъ нападеній на проѣзжающихъ скрываясь между острововъ и кустарниковъ; а потомъ Астраханскій Губернаторъ Брылкинъ доводилъ до свѣденія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что самъ Намѣстникъ Ханства, кочуя въ *Рынъ Пескахъ* намѣренъ со всею Ордою перейти р. Уралъ, разбить Киргизцевъ и отворить себѣ путь въ Бухарію, Персію или Зюнгарію, и что всѣ владѣльцы собираются къ нему по ночамъ для совѣщаній (*). Коллегія, разсмотрѣвъ сіи свѣденія, по принятымъ ею соображеніямъ, побѣгъ Калмыковъ признала невозможнымъ; но между тѣмъ устроеніе въ 1748 году Нижнеуральской линіи служило противъ подобныхъ замысловъ достаточною мѣрою.

Въ 1757-мъ году *Дондокъ-Даши* утвержденъ отъ Россійскаго Двора дѣйствительнымъ Ханомъ, а сынъ его, тринадцати лѣтній *Убаша*, Намѣстникомъ Ханства, о чемъ торжественно объявлено имъ 30 Апрѣля 1758 года, въ при-

(*) Мѣстныя Начальства Астраханскаго и Оренбургскаго края для сохраненія взаимной переписки о намѣреніяхъ и движеніяхъ Калмыковъ въ тайнѣ, на случай перехвата бумагъ, вынуждены были употреблять особенныя буквы.

сутствіи многочисленнаго народа, близь Чернаго Яра на Солѧномъ Займищѣ (*). Казалось что послѣ сего дѣла Калмыцкія получили прочное устройство; но съ смертію *Дондокъ-Даши*, послѣдовавшей въ 21-й день Января 1761 года, въ улусахъ возникли вновь непріятности; ибо внукъ *Дондокъ-Омбы*, (рожденный отъ старшаго сына его *Галданъ-Норбы*), *Цебекъ-Доржа* не хотѣлъ признавать надъ собою власти Намѣстника Ханства *Убаши*, потому, что былъ старѣе его лѣтами и считалъ прямымъ наслѣдникомъ Ханства не *Убашу*, а себя. Не скрывая такого образа мыслей, онъ, подъ предлогомъ собственной опасности въ Ордѣ, удалился съ братомъ своимъ *Аксахаломъ* и съ 65-ю Калмыками на Донъ въ Черкаскъ, откуда вызванъ былъ въ Петербургъ и наконецъ возвратился въ улусы съ покорностію къ Намѣстнику Ханства на словахъ, и съ сокровенною злобою въ сердцѣ, какъ противъ него, такъ и противу Правительства. Здѣсь

(*) Журналъ Губернатора *Жилина*, помѣщенный въ концѣ сей главы, представляетъ подробности сего событія, сопровождавшагося особенною церемоніею.

*

подъ личиною преданности, умѣлъ онъ снискать полную довѣренность юнаго *Убаши* (кому было 17 лѣтъ) и съ помощію Ламы *Лоузангъ-Далчжина*, владѣльца *Сереня* (*) и прочихъ, поселилъ въ немъ мысли и чувства, которыя имѣли послѣдствія самыя гибельныя.

Нѣкоторое ограниченіе правъ Намѣстника въ отношеніи къ членамъ народнаго суда *Зарго*, было первымъ и ближайшимъ средствомъ къ возбужденію въ легковѣрномъ *Убашѣ* непріязненнаго противъ Россіи расположенія, каковое не трудно было внушить и прочимъ владѣльцамъ, указавъ имъ съ невыгодной точки на учрежденіе со стороны Урала, Самары, Царицына и Терека военныхъ линій, и на расположеніе по Волгѣ, отъ Астрахани до Сарапова, Казачьихъ станицъ, такъ какъ все это своевольнымъ Калмыкамъ не могло нравиться. Въ семъ положеніи вещей, распущенные около 1770 года не благонамѣренными людьми слухи, о мнимомъ предположеніи Начальства взять значительную часть земель Калмыцкихъ въ

(*) Не давно пришедшаго отъ р. Или, послѣ совершеннаго паденія Зюнгаріи.

казну, а самихъ Калмыковъ обратить въ военную службу — утвердили *Убашу* въ намѣрении удалиться изъ Россіи; а личное неудовольствіе его противъ завѣдывавшаго тогда Калмыцкими дѣлами Генералъ-Маіора Кишенскаго, ускорило исполненіе сего предпріятія.

Русскіе чиновники, находившіеся въ улусахъ, замѣтя между Ханомъ и владѣльцами необыкновенные съѣзды, проникли тайны ихъ и доносили, что они приготовляются къ побѣгу; но Генералъ-Маіоръ Кишенской, къ неодобрительному обращенію его съ Ханомъ, присоединилъ неумѣстное равнодушіе къ помянутымъ свѣденіямъ, и даже вопреки представленіямъ Губернатора Бекетова, увѣрялъ Правительство въ неосновательности сихъ свѣденій. Между тѣмъ Калмыки для прикрытія движенія своего собрали до 20 т. вооруженныхъ всадниковъ и ожидали зимы, чтобы съ наступленіемъ морозовъ сосредоточивъ всю Орду на лѣвой сторонѣ Волги, немедленно отправиться въ путь. Надобно однакожъ было случиться, что теплая зима не благопріятствовала замысламъ Калмыковъ: наступило 1-е число Января 1771 года,

а Волга не покрывалась еще льдомъ, и *Убаши* съ большею частію народа, находясь на лѣвой сторонѣ сей рѣки, тщетно надѣялся соединиться съ тѣми улусами, которые кочевали на правой сторонѣ, и наконецъ 5 Января, слишкомъ съ 30 т. кибитокъ (*), двинулся къ Уралу, побуждаемый къ поспѣшности тѣмъ болѣе, что Губернаторъ Бекетовъ незадолго предъ симъ отправился въ С. Петербургъ для личныхъ донесеній по сему предмету.

Первые дни побѣга были для Калмыковъ днями празднества; ибо они, захвативъ съ собою множество Армянскихъ и другихъ купцовъ съ товарами, виномъ и съѣстными припасами, не имѣли недостатка въ наслажденіяхъ. Во время ночлеговъ необозримое пространство ихъ стана, охраняемое пикетами, озарялось безчисленнымъ множествомъ огней и оглашалось шумнымъ веселіемъ народа, который въ жалкомъ заблужденіи стремился къ бѣдствіямъ. Такъ шли Калмыки до Урала; но съ первымъ шагомъ за сію рѣку очарова-

(*) Такъ видно по дѣлу; но Калмыки увѣряютъ, что съ 70 т.

ніе ихъ изчезло: здѣсь повсюду окружаемы они были враждебными имъ Киргизъ-Кайсаками, и каждый день несли величайшія потери въ людяхъ, скотѣ и имуществѣ, такъ, что вскорѣ торжество ихъ превратилось въ отчаяніе и, по свѣденіямъ оставленнымъ людьми бывшими у нихъ въ плѣну, одно слово: *прощеніе*, достаточно было бы возвратить ихъ на Волгу. Въ столь горестномъ положеніи, съ нетерпѣніемъ ожидая самаго преслѣдованія Рускихъ, которые могли бы взять ихъ подъ свою защиту, нерѣдко замедляли они движеніе свое; но претерпѣвая чрезъ сіе большее пораженіе, должны были, не теряя времени пробиватъся въ передъ, по направленію къ р. Или. Уральскіе Казаки имѣли при семъ случаѣ ближайшую возможность противустать Калмыкамъ и остановить ихъ, или отправиться за ними въ погоню: но къ сожалѣнію они сами отказались въ то время отъ повиновенія Начальству; а за тѣмъ хотя выступили было въ Киргизскую степь Казаки Оренбургскіе; однакожъ, по недостатку корма для лошадей, возвратились безъ успѣха. Вмѣсто ихъ, уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправленъ былъ

отрядъ регулярныхъ войскъ, подъ командою Генералъ-Маіора Траубенберга, который, дошедъ до горъ *Улы*, равномѣрно принужденъ былъ возвратиться, не имѣвъ возможности настигнуть Калмыковъ въ ихъ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Намѣстникъ *Убаша* и сопровождавшіе его владѣльцы: *Цебекъ-Доржа*, *Серенъ*, *Гунге*, *Мамыньта*, *Шара-Кеукунь*, *Целе*, и нѣкоторые другіе, на пути отъ береговъ Волги до Или, испытавъ всѣ ужасы убійства и грабежей со стороны Киргизцевъ и Бурутовъ, и лишась болѣе половины народа, съ слабыми остатками явились на границахъ Китая, для того, чтобы сдѣлаться навсегда вассалами Китайскаго Императора, при чемъ подвластные имъ Калмыки раздѣлены по разнымъ Кантонамъ Илійской области и частію обращены въ состояніе земледѣльцевъ, съ порученіемъ ихъ строгому надзору Китайскихъ Чиновниковъ; а за симъ въ предѣлахъ Россіи остались удержанные Волгою владѣльцы: Полковникъ Князь *Дондуковъ*, *Цаганъ-Кичикъ*, *Маша*, *Цагалай*, *Цаганъ*, *Тюмень*, *Джальчингъ*, *Нохонъ-Кюбень* съ братомъ, *Габунъ-*

Намки, *Санджиль*, *Ценден-Доржа* и жена владѣльца Яндыка, вдова *Бютека*, у коихъ, по показанію ихъ, состояло тогда подвластныхъ до 13,000 кибитокъ, или семействъ.

Съ побѣгомъ *Убаши* званіе Хановъ и Намѣстниковъ Калмыцкихъ упразднилось, и каждый оставшійся владѣлецъ завѣдывалъ улусомъ своимъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ Начальствъ, какъ о семъ объяснено въ главѣ XIV объ Управленіи и Судопроизводствѣ. в с.

Въ 1799-мъ году большая часть Калмыковъ Большедербетевскаго улуса, зависѣвшихъ издавна отъ Начальства Донскаго Казачьяго войска, перекочевала отъ Дона внутрь степей, въ сосѣдство къ улусу Малодербетевскому. Случай сей подалъ поводъ къ нѣкоторому измѣненію въ образѣ управленія помянутымъ Большедербетевскимъ улусомъ, который однакожъ все еще оставленъ былъ подъ вліяніемъ Войсковаго Начальства; но въ 1800-мъ году владѣлецъ Малыхъ Дербетей *Чучей* и Лама *Собинъ-Бакши*, прибывъ въ С. Петербургъ исходатайствовали у Императора Павла Петровича Высочайшее соиз-

воленіе, которымъ въ 9-й день Августа даровано Калмыцкому народу право: a.) избирать себѣ Начальника; b.) быть независимыми отъ Донцевъ; c.) зависѣть непосредственно отъ ГОСУДАРЯ; d.) переписываться непосредственно съ НИМЪ; e.) по дѣламъ имѣть сношенія съ Иностранною Коллегіею, и f.) по землямъ и проч. съ Генералъ Прокуроромъ. Въ слѣдъ за симъ Высочайшими грамотами, состоявшимися 14 Октября того же 1800 года, *Чучей* возведенъ въ Намѣстники Ханства, а *Сабинъ-Лама* утвержденъ въ достоинствѣ первосвященника, при чемъ пожалованы имъ: первому — знамя, сабля, панцырь, шишакъ и собольи шуба и шапка; а второму шуба же и посохъ. Сверхъ того возстановленъ судъ *Зарго*, дозволено свободное отправленіе Богослуженія по Ламайской вѣрѣ, подтверждены всѣ древнія права народа и упрочено владѣніе онаго землями отъ Царицына по рѣкамъ: Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и по взморью.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ I-й по возшествіи на Престолъ подтвердилъ означенныя права и преи-

мущества во всей ихъ силѣ, оставивъ дѣла до Калмыцкаго народа относящіяся въ заведываніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а Высочайшимъ Указомъ 16 Мая 1806 г. положительно назначены земли Калмыцкаго владѣнія (*) и, между прочимъ, повелѣно, для напоенія скота нарѣзать къ Волгѣ изъ частныхъ дачь прогонныя мѣста.

Непосредственно за симъ, въ 1807 году, скончался Намѣстникъ Ханства *Чугей*, послѣ котораго въ Калмыцкой Ордѣ Намѣстниковъ уже не было.

Въ 1825 году издано особое Положеніе для управленія Калмыцкимъ народомъ (**).

Наконецъ благополучно царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою въ 21-й день Апрѣля 1828 года, утвердивъ права, Августѣйшими предшественниками ЕГО Калмыкамъ дарованныя, въ знакъ особеннаго МОНАРШАГО благоволенія ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожаловать соизволилъ національному Калмыцкому

(*) Такъ какъ значится на картѣ.

(**) См. главу XIV. *Объ Управленіи.*

суду *Заргo* золотую печать, которая и хранится въ семъ судилищѣ, въ городѣ Енотаевскѣ.

Нынѣ Правительство, въ постоянной заботливости о благоденствіи Калмыковъ, руководствуясь долговременными наблюденіями и опытами, занимается усовершенствованіемъ постановленій, какъ по части управленія помянутымъ народомъ, такъ и относительно водворенія между онымъ постепеннаго образованія.

Выписка изъ журнала Астраханскаго Губернатора Жилина, о томъ, какимъ образомъ въ 1758 году происходило объявленіе Хану Калмыцкому Дондукъ-Дашѣ, о пожалованіи его въ сіе достоинство, а сына его Намѣстникомъ Ханства."

„Астраханскій Губернаторъ по предварительному съ Ханомъ соглашенію чрезъ письма и чрезъ Ассесора Бакунина (*), чтобъ имъ для того съѣхаться ниже Чернаго Яра при урочищѣ, называемомъ Соляное Займище, 23-го Апрѣля поѣхалъ изъ Астрахани, взявъ съ собою для ассистенціи тамошняго гарнизона Полковника Юнгера и нѣсколько Оберъ-Офицеровъ, а при томъ одну роту гренадерскую и три полковыя пушки, и музыку полковую, также нѣкоторое число Казаковъ и Татаръ; а между тѣмъ и Ханъ тогда же изъ степи къ тому мѣсту приближался."

(*) Присыланнаго изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

„28-го Апрѣля прибылъ Губернаторъ къ оному, потомъ отъ Хана присланы были къ нему двое изъ знатныхъ его Зайсанговъ, съ поздравленіемъ, а за тѣмъ и самъ Ханъ къ тому жъ мѣсту въ тотъ день дошелъ, и расположился отъ Губернаторской ставки въ верстѣ. Впрочемъ бывшій до того времени при Ханѣ Ассесоръ Бакунинъ Губернатора и словесно тогда увѣдомилъ, что онъ его Хана склонилъ, дабы онъ былъ у Губернатора на визитѣ первой.“

„И такъ послѣ полудня въ тотъ же день посыланъ былъ отъ Губернатора къ Хану берлинъ, цугомъ заложенный, при одномъ Капитанѣ, а предъ берлиномъ было шесть человѣкъ гренадеръ, въ которой Ханъ къ Губернатору и пріѣзжалъ, имѣя на себѣ еще напредъ сего Всемилостивѣйше пожалованной ему Ея Императорскаго Величества портретъ, а сынъ его ѣхалъ при немъ верхомъ, и при нихъ Калмыкъ было до пяти тысячь человѣкъ.“

„Во время приближенія ихъ къ Губернаторской ставкѣ отдана была отъ караула честь, безъ барабаннаго боя, при чемъ и вся

бывшая при Губернаторѣ команда стояла въ парадѣ, а предъ ставкою встрѣтилъ ихъ Полковникъ Юнгеръ съ Оберъ-Офицерами; Губернаторъ же принялъ ихъ въ ставкѣ вставъ съ креселъ, и посадилъ Хана по лѣвую себя сторону въ кресла жъ; а сына его подлѣ отца на стулъ."

„Губернаторъ, по выступленіи изъ ставки Офицеровъ и Зайсанговъ, при Ханѣ бывшихъ, далъ имъ прочесть жалованную Ея Императорскаго Величества грамоту, и объявительную къ народу, и присяги, какія онъ съ сыномъ учинить имѣютъ, которые Ханъ и съ сыномъ стоя и снявъ шапки читали."

„По прочтеніи всего того вставъ Ханъ съ мѣста, а по приказу его и сынъ, и говоря при томъ, что резиденція Ея Императорскаго Величества, какъ ему мнится, лежитъ отъ нихъ на Востокъ, припали оба на колѣни и произнося Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее благодареніе, и обѣщаясь со слезами по жизнь ихъ служить безъ всякой отмѣны, въ ту сторону троекратно въ землю кланялись."

29-го Апрѣля сдѣлалъ Губернаторъ Хану контравизиту имѣя при себѣ Полковника Юнгера, Ассесора Бакунина, Офицеровъ и Секретаря, а по сторонамъ берлина его шли 24 человѣка гренадеръ пѣшіе, безъ ружей, токмо въ палашахъ, да и въ переди ѣхали шесть человѣкъ драгунъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ, а при томъ Казаковъ и Татаръ человѣкъ до ста.“

„Предъ Ханскою кибиткою поставленъ былъ зеленый наметъ, у котораго на дворѣ встрѣчали Губернатора Ханскіе Зайсанги; а у переднихъ онаго дверей и самъ Ханъ встрѣтилъ и просилъ Губернатора, чтобъ онъ первый и въ кибитку вступилъ; бывшіе же тогда въ кибиткѣ Ханша и сынъ его, также и Зайсангскія жены при входѣ Губернатора съ своихъ мѣстъ встали.“

„Ханъ посадилъ Губернатора въ кресла по правую себѣ сторону, а подлѣ его посажены были пріѣхавшіе за Губернаторомъ въ свитѣ Полковникъ и прочіе, на стулья; владѣльцы же Калмыцкіе и Ханскіе Зайсанги сѣли по лѣвую сторону, по ихъ обыкновенію на землѣ, на коврахъ, и Губернаторъ съ Ха-

номъ условились при семъ случаѣ, чтобъ формальному объявленію быть на другой день."

„И потомъ 30-го Апрѣля, въ первомъ часу по полудни, посланъ былъ за Ханомъ Губернаторскій берлинъ, цугомъ заложенный, а при немъ верхомъ сынъ Губернаторскій, Поручикъ Михайло Жилинъ, и шесть человѣкъ гренадеръ съ Унтеръ-Офицеромъ, а за Ханшею Ассесора Бакунина коляска, которую, такожде и оставшую послѣ Хана Аюки, Ханшу, Губернаторъ предъ тѣмъ звалъ, но сія послѣдняя извинилась болѣзнію."

„Ханъ пріѣзжалъ къ Губернатору въ томъ посыланномъ за нимъ берлинѣ, а Ханша въ коляскѣ, а сынъ его верхомъ, а при нихъ были Калмыцкіе владѣльцы: Дербетевъ *Галданъ-Черенъ* Торгоутской *Эмегенъ-Убаши*, и Хошоутовы: *Замьянъ* и *Тукчи*, да поповъ (*), Зайсанговъ, и другихъ Калмыкъ тысячь, до десяти, и знатные всѣ въ парчевомъ и другомъ богатомъ платьѣ; при чемъ стоявшіе въ строю гренадеры и солдаты учинили ему честь поднятіемъ ружья на караулъ, а

(*) Гелюнговъ.

встрѣчали его Хана за ставкою Полковникъ Юнгеръ и Ассесоръ Бакунинъ съ Офицерами, а при самомъ входѣ и Губернаторъ, и посадилъ Хана и сына его по правую сторону стола, въ кибиткѣ приготовленнаго, которая для того взята была отъ Хана, большая десяти рѣшеточная, его Хана въ кресла, а сына на стулъ, а Губернаторъ и Полковникъ Юнгеръ и Ассесоръ Бакунинъ, сѣли по лѣвую сторону стола, Губернаторъ въ кресла же, а прочіе на стулья; Ханша же съ пріѣхавшими съ нею Зайсангскими женами, по собственному ея желанію сидѣла на приготовленномъ особливомъ, по ихъ обыкновенію, мѣстѣ, на землѣ на коврахъ, такъ какъ и прочіе владѣльцы, попы и Зайсанги."

„Потомъ Губернаторъ учинилъ Хану объявленіе въ такой силѣ, что Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссійская, за долговременную, должную и вѣрную его службу, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожаловала его Ханомъ Калмыцкимъ, а сына его Убашу Намѣстникомъ Ханства, и при томъ ему Гу-

бернатору повелѣть соизволила о томъ обоимъ имъ надлежащее объявленіе учинить и обнадежить Калмыцкій народъ своею Императорскою Высочайшею милостію, а отъ нихъ обоихъ въ должной къ Ея Императорскому Величеству вѣрности принять присягу.“

„Когда сія рѣчь переводчикомъ по Калмыцки пересказана, то Ханъ съ сыномъ вставъ съ мѣстъ своихъ и принося Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее благодареніе, припали на колѣна и поклонились къ Востоку въ землю, а Губернаторъ предложилъ имъ присяги, которыя они сперва Ханъ свою, а потомъ сынъ его прочли предъ идоломъ, представляющимъ главнаго ихъ мнимаго бога Шакджимуни, и онаго идола возлагали на чело, а за тѣмъ подъ оными присягами подписались своеручно, и Ханъ къ обоимъ печать свою приложилъ.“

„По принятіи Губернаторомъ сихъ присягъ, читалъ по приказу его Секретарь, въ слухъ всѣмъ, жалованную Ея Императорскаго Величества на Ханство грамоту, съ которыхъ послѣ и на Калмыцкомъ языкѣ пере-

воды прочтеныж были. По окончаніи того Ханъ и сынъ его, такожъ и знатные его Зайсанги паки припавъ на колѣни кланялись въ землю на Востокъ, принося Ея Императорскому Величеству всенижайшее благодареніе, а оныя грамоты и вручены при томъ Хану Губернаторомъ, а между тѣмъ объявительная къ народу грамота и за ставкою Губернаторскою въ четырехъ мѣстахъ, для прочаго народа, на Калмыцкомъ языкѣ читанаж была, при чемъ и прочіе, пожалованные Хану отъ Ея Императорскаго Величества на Ханство знаки, такимъ образомъ онъ получилъ, а именно: саблю опоясалъ на него Асесоръ Бакунинъ, шубу надѣлъ Губернаторскій сынъ Поручикъ Жилинъ, а шапку Полковникъ Юнгеръ, а знамя распущенное держалъ Шпыкъ-Юнкеръ, Губернаторскій, племянникъ Василій Киндяковъ, у котораго принялъ оное Ханскій Зайсангъ и держалъ предъ ставкою распущенноеж, сверхъ того Ханъ въ показаніе народу снявъ съ себя шубу, саблю и шапку отдалъ ономуж Зайсангу и приказалъ равномѣрно предъ ставкою держать.“

„Между тѣмъ какъ Ханъ учинилъ присягу, и Высочайшая Императорская жалованная грамота, такожъ и другая были прочтены, и онъ ихъ и прочіе вышеписанные на Ханство знаки получилъ, тогда Губернаторъ и всѣ при нихъ находившіеся его поздравили, почему и вся бывшая при Губернаторѣ команда учинила Хану честь поднятіемъ ружья на караулъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, а потомъ и троекратно бѣглый огонь учиненъ при пушечной пальбѣ.“

„Послѣ сего, и какъ столъ былъ приготовляемъ, Ханъ съ сыномъ и съ Ханшею, такожъ и со всѣми владѣльцами и Зайсангами вышли изъ ставки предъ парадъ, при чемъ ему въ другой разъ равномѣрная честь учинена.“

„Столъ былъ учрежденъ такимъ образомъ: за первымъ сидѣли Ханъ и сынъ его съ Губернаторомъ, да при ономъ же Полковникъ Юнгеръ, Ассесоръ Бакунинъ, и Секретарь, и Калмыцкіе владѣльцы, и нѣкоторые изъ знатныхъ Зайсанговъ, а Ханша съ Зайсангскими женами, и нѣкоторыми Зайсангами и попами осталась на прежнемъ ея мѣстѣ; а за тѣмъ

еще въ двухъ ставкахъ для прочихъ Зайсанговъ, столы жъ были приготовлены, и въ продолженіе оныхъ, при питіи за Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе и Высочайшей Фамиліи, производима была пушечная пальба, а для народа выставлено было шесть цѣлыхъ жареныхъ быковъ, да десять барановъ, а сверхъ того частями нѣсколько быковъ же и барановъ и хлѣба, а при томъ горячее вино, пиво и медъ. Ханъ при возвращеніи отъ Губернатора просилъ его со всѣми при немъ находящимися и къ себѣ на обѣдъ; а какъ поѣхалъ, то пожалованное ему на Ханство знамя везено было предъ нимъ распущенное.“

„2-го Мая Губернаторъ былъ у Хана на обѣдѣ и какъ пили за Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе и Высочайшей Фамиліи, тогда отъ приведенныхъ туда гренадеръ и въ парадъ поставленныхъ, чинима была залпами пальба и музыка играла, а бывшіе за Губернаторомъ Казаки и Татара въ другихъ палаткахъ подчиваны были.“

„По окончаніи стола происходила обыкновенная въ Калмыцкомъ народѣ, при ихъ праз-

никахъ и торжествахъ борьба, а потомъ зазженъ приготовленный по приказу Губернатора фейерверкъ, на что Ханъ и весь народъ смотрѣли съ удовольствіемъ, а когда Губернаторъ отъ него отъѣзжалъ, провожалъ онъ его и съ сыномъ до самаго берлина.“

„3-го Мая былъ Губернаторъ у Хана на прощаніи, и когда выходилъ отъ него, то Ханъ, провожая его и указывая на одинъ высокій бугоръ, объявилъ при томъ Губернатору, что онъ на томъ бугрѣ въ память показанной къ нему, и къ сыну его, Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, принялъ намѣреніе поставить каменный столпъ съ вырѣзаніемъ пристойныхъ надписей на Русскомъ и Калмыцкомъ языкахъ, и поручилъ попеченіе о томъ имѣть находящимся въ Черномъ Яру его Бодокчеямъ (*), прося Губернатора, дабы приказано было и Черноярскому Коменданту вспоможеніе чинить; почему Губернаторъ бывшему тогда

(*) Повѣренные отъ Хана для суда между Россіянъ и Калмыковъ.

при немъ Черноярскому Коменданту Капитану Племянникову и приказалъ, а за тѣмъ и отправился обратно въ Астрахань, а Ханъ по немъ имѣлъ возвратиться въ свои улусы."

ГЛАВА III.

ЧИСЛО НАРОДА И РАЗДѢЛЕНІЕ ОНАГО НА УЛУСЫ И СОСЛОВІЯ.

Калмыцкому народу никогда и никакой переписи дѣлаемо не было, а потому и не находится положительныхъ свѣденій о настоящемъ числѣ онаго. Начальство, до времени — не приступая къ истребленію вкоренившихся въ Калмыкахъ предразсудковъ, по которымъ они, вѣроятно изъ опасенія налоговъ или другихъ повинностей, всегда уклонялись отъ вѣрнаго изчисленія, — довольствуется тѣми свѣденіями, какія назадъ тому нѣсколько лѣтъ были доставлены ему отъ самихъ владѣльцевъ и улусныхъ Правителей о количествѣ однихъ кибитокъ (семей). По свѣденіямъ симъ хотя и считается вся Калмыцкая Орда

только въ 11,026-ти кибиткахъ; но между тѣмъ извѣстно, что въ одномъ улусѣ Малодербетевскомъ болѣе 10 т. кибитокъ; во всѣхъ же улусахъ, по долговременнымъ и ближайшимъ наблюденіямъ Частныхъ Приставовъ, полагается *тысячъ до тридцати.* И такъ если въ каждой кибиткѣ (т. е. въ каждомъ семействѣ) считать среднимъ числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ человѣкъ обоего пола, то народонаселеніе въ Калмыцкихъ улусахъ предполагается свыше *ста тысячъ* душъ.

Калмыки дѣлятся на *три главные рода*; роды сіи составляютъ *девять улусовъ*, а улусы подраздѣляются на аймаки, т. е. участки Зайсанговъ, и на частные роды. Главные роды или поколѣнія остаются тѣ же, какіе раздѣляли Калмыковъ еще въ прежнемъ ихъ отечествѣ — Монголіи. Они суть:

а.) *Торгоуты.* b.) *Дербеты* и с.) *Хошоуты.*

О происхожденіи сихъ названій, существуютъ между Калмыками самыя темныя преданія. По увѣренію людей, на свѣденія коихъ сколько нибудь можно положиться, Торгоуты или Торготы обязаны симъ наименованіемъ отлич-

ной своей силѣ и твердости, такъ какъ они въ одномъ сраженіи, гдѣ Монголы были опрокинуты превосходнѣйшимъ въ числѣ непріятелемъ, остановили натискъ сего послѣдняго, и съ того времени выводятъ они настоящее свое названіе отъ слова *Торгоху*, т. е. остановить или остановившій. Дербеты составляли нѣкогда четвертую часть, или четвертый корпусъ войскъ въ Монголіи, а какъ по Калмыцки *четыре* изъясняется словомъ *дербюнъ*, то по сему и дано имъ означенное названіе. Хошоуты же (Хошоты) называются симъ именемъ отъ слова *Хошъ*. Какъ слово сіе по Руски значитъ станъ или лагерь, то можно заключить, что народъ сей въ особенности велъ жизнь воинственную, и потомки онаго можетъ быть справедливо приписываютъ предкамъ честь, что они во времена Чингисъ-Хана составляли гвардію сего великаго завоевателя.

Торгоуты, которые подъ предводительствомъ Хорлюка, первые водворились на степяхъ приволжскихъ, послѣ безразсуднаго побѣга въ 1771 году значительной части ихъ

въ предѣлы Китая, составляютъ нынѣ шесть улусовъ:

1.) Экицохуровскій.

2.) Яндыковскій.

3.) Харахусовскій.

4.) Эрдени - Кичиковскій.

5.) Богацохуровскій.

6.) Эркетеневскій.

Дербеты раздѣляются на два улуса:

7.) Большедербетевскій.

8.) Малодербетевскій.

Хошоуты составляютъ одинъ улусъ,

9) Хошоутовскій.

Изъ сихъ улусовъ два: Богоцохуровскій и Эркетеневскій казенные; прочіе же всѣ принадлежатъ владѣльцамъ, а кому именно и сколько въ каждомъ улусѣ считается Зайсанговъ, Духовенства и кибитокъ, о томъ прилагается у сего табель, извлеченная изъ дѣлъ Калмыцкаго Управленія.

Слѣдующія сословія составляютъ народъ Калмыцкій:

I.) *Владѣльцы*; II.) *Зайсанги*; III.) *Духовенство*; IV.) *Простолюдины*.

I.) Владѣльцы, по Калмыцки Ноины или Нойоны, имѣютъ права наслѣдственныя. Начальное пріобрѣтеніе сихъ правъ теряется въ глубокой отдаленности, а потому и основанія ихъ остаются неизвѣстными. Полагаютъ однако же, что достоинство Нойоновъ и соединенныя съ онымъ преимущества, зависѣли отъ верховныхъ повелителей Монгольской Имперіи, и были жалованы знаменитымъ ихъ полководцамъ или родственникамъ. Въ отношеніи къ простому народу власть Нойоновъ, даже послѣ подданства ихъ Россіи, была до того неограниченна, что они могли располагать не только собственностію и свободою, но даже самою жизнію людей, имъ принадлежащихъ. Въ послѣдствіи при постепенномъ вліяніи благотворныхъ законовъ Россійскихъ на нравы и образъ мыслей сего народа, помянутое самовластіе хотя утратило силу свою, но за всѣмъ тѣмъ собственное безпредѣльное уваженіе Калмыковъ къ владѣльцамъ, — въ коихъ привыкли они видѣть существа высшія и какъ бы священныя, и которымъ придается общее названіе *Цаганъ Ясанъ* (бѣлыя кости), — утверждаетъ за сими

послѣдними полное владычество надъ умами и волею ихъ подвластныхъ.

II.) *Зайсанги*, находясь въ зависимости владѣльцевъ, имѣютъ въ распоряженіи своемъ наслѣдственныя аймаки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, также какъ и Нойоны, носятъ титулъ *Цаганъ Ясанъ*. Права Зайсанговъ состоятъ въ томъ, что они пользуются отъ аймаковъ своихъ, по очереди, прислугою и денежными доходами. Что же касается до обязанностей, то оныя заключаются въ соблюденіи по аймакамъ порядка и въ исполненіи владѣльческихъ приказаній. Каждый владѣлецъ, въ случаѣ неудовольствія на подвластнаго Зайсанга, можетъ, не смотря на бѣлыя кости, наказать его, на что нѣтъ и претензій; но лишать званія, отъ предковъ наслѣдованнаго, или отобрать у него аймакъ безъ суда, права не имѣетъ. Впрочемъ по смерти такихъ Зайсанговъ, которые оставляютъ много дѣтей, владѣльцы властны отдавать аймаки ихъ въ управленіе тѣхъ изъ наслѣдниковъ, коихъ найдутъ болѣе достойными, не стѣсняясь старшинствомъ оныхъ по рожденію.

Такъ какъ аймаки вообще переходятъ въ

наслѣдство отъ отца къ одному изъ сыновей, безъ раздѣла съ другими, то остающіеся за симъ Зайсанги *безъаймачные*, получаютъ содержаніе отъ добровольныхъ пособій наслѣдующихъ аймаками, или владѣльцевъ, бывъ употребляемы сими послѣдними въ разныя при нихъ должности.

III.) *Духовенство*, называемое по Калмыцки *Хуваракъ*, не есть классъ потомственный. Каждый Калмыкъ, имѣющій трехъ, или болѣе сыновей, одного съ младенчества назначаетъ въ духовный санъ, и, посвящая въ Манжи (ученики вѣры), водитъ съ обритою головою и въ красномъ платьѣ. Около десятилѣтняго возраста такой Манжи поступаетъ въ Хурулъ (главное капище), для изученія Тангутскаго языка, и полученія дальнѣйшихъ степеней.

Законъ Ламайскій предписываетъ Калмыцкимъ духовнымъ лицамъ правила, весьма близкія къ монашескимъ. Всѣ они должны быть безбрачны, жить при Хурулахъ и имѣть общій столъ; безъ дозволенія Ламы или другаго старшаго, никуда, даже для самыхъ требъ, не отлучаться; наблюдать

во всемъ благочестіе, и въ особенности, подъ опасеніемъ штрафа, воздерживаться отъ употребленія горячихъ напитковъ. Но къ сожалѣнію нѣкоторыя изъ сихъ правилъ вовсе позабыты, а другія, если и исполняются, то весьма слабо. Нынѣ при Хурулахъ остается только самое ничтожное количество духовныхъ, и то по настоянію улусныхъ Приставовъ; прочіе же всѣ разсѣяны по кочевьямъ, такъ, что почти во всякой кибиткѣ встрѣчаются Гелюнги или Манжи, подающіе собою примѣръ праздности и разврата. Бѣдные Калмыки и Калмычки, по жалкому своему невѣжеству и суевѣрію, благоговѣя предъ сими тунеядцами, слѣпо исполняютъ всѣ ихъ желанія и дорожатъ ихъ присутствіемъ, какъ средствомъ удалять отъ себя эрликовъ (чертей). И подлинно, въ кибиткѣ, гдѣ Гелюнгъ расположится, эрлику ничего уже не останется дѣлать; — но, не довольствуясь обманами, доставляющими покойную и веселую жизнь, Гелюнги и прочіе сотоварищи ихъ позволяютъ себѣ гораздо болѣе: по Калмыцкому управленію нѣтъ ни одного уголовнаго дѣла, гдѣ бы не были они замѣшаны въ гра-

бежахъ, отгонахъ скота, и проч. Если ко всѣмъ симъ преимуществамъ духовнаго званія присоединить совершенную независимость членовъ онаго отъ личныхъ повинностей, то не удивительно покажется, что изъ числа 100 т. человѣкъ Калмыцкаго народа, 30 т. щеголяютъ въ красныхъ кафтанахъ и желтыхъ шапкахъ.

Сословіе духовное, начиная съ меньшихъ, дѣлится на слѣдующія степени:

a.) *Манжи* — ученикъ вѣры.

b.) *Гецуль* — служитель вѣры.

c.) *Гелюнгъ*, жрецъ.

d.) *Бакши*—высшій учитель вѣры.

e.) *Цорджи*, — жрецъ высшей степени.

и f.) *Лама* верховный первосвященникъ.

Сверхъ сего при Хурулахъ есть особенныя званія, означающія духовныя должности, и именно:

a.) *Гепко* — благочинный.

b.) *Геикъ* — ключарь, завѣдывающій Хурульною утварью.

c.) *Нирба* — экономъ, у коего на рукахъ часть продовольственная.

d.) *Гунзудъ* — начальникъ хора.

e.) *Бурхачи* — блюститель чистоты и цѣлости жертвъ въ Хурулахъ.

Посвященіе въ Манжи и Гецули производится Гелюнгами, а удостоеніе въ высшія степени, зависитъ отъ Ламы. Самые же Ламы, почитаемые почти наравнѣ съ бурханами, въ древности получали сей важный санъ отъ верховнѣйшаго, обожаемаго Калмыками *Далай Ламы*, изъ Тибета; но въ послѣдствіи времени, по отдаленности того края, утверждались въ сихъ званіяхъ Россійскимъ Дворомъ, какъ напримѣръ Дербетевскій *Чунчей Бакши* и Богацохуровскій *Орочи Лама*. Нынѣшніе Ламы назначаются изъ числа извѣстныхъ хорошею нравственностію и познаніями людей, владѣльцами и народомъ, безъ дальнѣйшаго утвержденія. Теперь ихъ только два: одинъ въ улусѣ Богацохуровскомъ, а другой въ Эрдени-Кичиковскомъ. При возведеніи въ сіе достоинство, избранный Лама становится въ полномъ жертвенномъ одѣяніи предъ дверьми Хурула, гдѣ начально владѣлецъ, а потомъ и народъ ему поклоняются.

Кто изъ Гелюнговъ или прочихъ лицъ не

пожелаетъ быть въ духовномъ званіи, тотъ безъ всякаго затрудненія слагаетъ съ себя оное, и, отростя на головѣ волосы, возвращается въ первобытное состояніе.

IV.) *Простолюдины* называютъ себя *Хара*, т. е. черные. Они, не имѣя семейственныхъ фамилій и никакихъ прозваній, кромѣ однихъ собственныхъ именъ, носятъ цѣлыми поколѣніями или родами имена древнихъ родоначальниковъ. Посему, если нужно найти въ улусѣ какого нибудь Калмыка, то кромѣ имени его непремѣнно надобно знать какого онъ рода. Не считая нужнымъ означать роды сіи, я обращаюсь къ описанію различія, полагаемаго между простолюдинами разнообразіемъ ихъ обязанностей. Простолюдины сіи въ каждомъ улусѣ раздѣляются на Калмыковъ:

a.) *Аймачныхъ*, которые, состоя подъ управленіемъ владѣльцевъ и Зайсанговъ, несутъ надлежащія общественныя повинности.

b.) *Кеточинеровъ*, которые составляютъ особые удѣлы владѣльческихъ фамилій. Изъ числа ихъ обыкновенно бываютъ при владѣльцахъ: *Онисчи* — ключникъ или казначей, *Маанчи* или *Тукчи* — знаменоносецъ, *Морчи*, — конюхъ,

Зама,—поваръ, *Цайчи*—варитель чая и *Засакчи* —наказатель, и если бы владѣльцу случилось быть въ походѣ, то Кешочинеры, избавленные отъ всѣхъ общихъ повинностей, были бы обязаны слѣдовать за нимъ, какъ тѣлохранители.

с.) *Шабинеровъ*, которые подраздѣляются еще на два разряда: 1.) Ламаинъ-Шабинеровъ и 2.) Хурульскихъ Шабинеровъ, т. е. на зависящихъ отъ Ламы и Хуруловъ, коимъ они издавна пожертвованы владѣльцами, точно такъ, какъ нѣкогда были приписываемы крестьяне къ монастырямъ въ Россіи. Шабинеры сіи, не зная другихъ повинностей, составляютъ при Ламахъ и Хурулахъ прислугу, пасутъ принадлежащія онымъ стада, и доставляютъ молоко и разныя изъ него приготовленія, о коихъ подробно говорится въ статьѣ о пищѣ и питьѣ Калмыковъ. Владѣльцы же и Зайсанги никакого уже вліянія на нихъ неимѣютъ.

Кромѣ сихъ состояній есть еще два, преимущественно въ древности между Калмыковъ существовавшія, и именно: *Тарханы* или *Дархагуты* и *Андыны*. Къ числу первыхъ т.

	ЗВАНІЕ УЛУСОВЪ.	ВЛАДѢЛЬЦЫ.	ЧИСЛО.		
			Зайсанговъ.	Духовенства.	Кибитокъ.
	А.) *Торгоуты:*				
1.	Экицохуровскій	.... *Церенъ Убуши.*	32	373	783
2.	Яндыковскій		23	Свѣдѣній нѣтъ	1485
3.	Харахусовскій	За смертію владѣльцевъ и по малолѣтству наслѣдниковъ состоятъ въ	1	162	411
4.	Эрдени Кичиковскій....	завѣдываніи избираемыхъ Правителей.	9	144	347
5.	Багацохуровскій	Казенные, состоятъ въ	24	638	1255
6.	Эркетеневскій	завѣдываніи Правителей.	9	112	1000
	Б.) *Дербеты:*				
7.	Большедербетевскій	Капитанъ *Очиръ Хапчуковъ.*	9	62	588
8.	Малодербетевскій.......	*Диджитъ Замбо Тайши Тундутовъ.*	53	651	3470
	Особое отдѣленіе сего же улуса Абганерова рода.	*Менко Очиръ*	6	80	261
	В.) *Хошоуты:*				
9.	Хошоутовскій	Полковникъ *Князь Сербеджапъ Тюменевъ* съ братьями	26	108	1235
	Примѣчаніе. Сверхъ сего при улусахъ есть участки владѣльцевъ мелкопомѣстныхъ.	Влад. *Убуши Джиргаловъ*	—	—	55
		— *Цой Арши Гахаевъ*	—	—	16
		— *Шамбай*........	—	—	11
		— *Чюрюмъ*	—	—	26
		— *Менко Насунъ* ...	—	—	
		— *Тонъ*	—	—	3
		— *Табка*	—	—	4
		— *Джалчинъ гелюнъ*	—	—	4
		— *Иджилъ*	—	—	3
		— *Амха*	—	—	8
		— *Мукукенъ*... ...	—	—	11
		— *Джиргалъ и сетеръ*	безпомѣстные.		
		— *Убушіевы*			
			192	2330	11026

Табель сію въ отношеніи количества духовенства и кибитокъ вѣрною считать нельзя: ибо количество сіе показано съ чрезвычайнымъ уменьшеніемъ.

е. Дархачутовъ принадлежали люди, которые въ сраженіяхъ избавляли владѣльцевъ отъ явной смерти, или производили другіе отличные подвиги, за что и получали означенное названіе, освобождаясь навсегда съ потомствомъ ихъ отъ всякихъ повинностей. Вторые—же Андыны, т. е. отверженные, пріобрѣтали себѣ имя сіе и полную независимость тѣмъ, что для изкупленія больныхъ владѣльцевъ своихъ отъ смерти, жертвовали собою Эрлику (чорту), какъ о семъ объяснено въ статьѣ о способахъ врачеванія.

ГЛАВА IV.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Калмыки проводяшъ жизнь въ безпрерывномъ сшраншвованіи, кошорое совершаюшъ переходя изъ одного мѣсша въ другое для доставленія сшадамъ своимъ свѣжаго подножнаго корма. Сообразно сему и жилища ихъ не имѣюшъ ничего общаго съ жилищами людей, ведущихъ жизнь сколько нибудь посшоянную. Одна кибишка изъ деревянныхъ рѣшешокъ и палокъ, соединенныхъ въ верху конусомъ, покрышая кошмами или сплешенными изъ камыша рогожами, сосшавляешъ все необходимое для Калмыка зданіе, кошорое сооружаешся въ полчаса, а разбираешся еще поспѣшнѣе.

Кибишки въ вышину имѣюшъ до $2\frac{1}{2}$, а въ діамешрѣ до 5 саженъ, и основаніе ихъ состоишъ изъ нѣкошораго числа обыкновенныхъ, отъ 4-хъ до 8 складныхъ рѣшешокъ различной величины, которыя называются *терминами*. Сперва сшавишся на землю одна рѣшешка, составляющая часшь круга, пошомъ присоединяюшся къ ней по порядку другія и связываюшся между собою шерсшяными шесьмами, исключая отверсшіе (на Восшокъ), гдѣ прикрѣпляешся створчашая изъ двухъ половинокъ дверь. Когда же все эшо образуешъ круглую загородку, шогда надъ ценшромъ оной, посредсшвомъ *унинъ* (длинныхъ палокъ), ушверждаешся горизоншально деревянный кругъ, имѣющій въ діамешрѣ отъ полушора до двухъ аршинъ и называемый *харачи*. Поднявъ сей кругъ начально на нѣсколькихъ унинахъ, кои въ верхнихъ концахъ заосшрены, а въ нижнихъ снабжены пешельками, Калмыки продолжаюшъ сшавишь досшальныя унины, для чего каждую изъ нихъ однимъ концемъ вкладываюшъ въ выдолбленное на харачи мѣсшо, а другимъ чрезъ пешлю прикрѣпляюшъ къ верхней оконечносши рѣшешки. За симъ двѣ дуги, сдѣ-

ланныя крестообразно надъ харачею, сообщаютъ конусу кибитки округлость, и заключаютъ собою всѣ деревянныя принадлежности, прикрывающіяся кошмами. Кошмы на сей предметъ шьются такъ, что сперва четырьмя боковыми полостями закрывается нижняя часть кибитки съ половины унинъ, или конуса, до земли, а послѣ того двумя другими закрывается верхняя часть до харачи; далѣе навѣшивается особая кошма надъ дверью и другая полагается на харачи. Всѣ сіи кошмы, исключая послѣдней, посредствомъ пришитыхъ къ нимъ широкихъ тесемъ привязываются къ кибиткѣ, которая отъ сего и представляется опоясанною въ разныхъ направленіяхъ. Кошма же, покрывающая самый верхъ (харачи) и именуемая *орько*, всегда можетъ сколько надобно открываться, такъ какъ харачи служитъ вмѣстѣ окномъ и трубою. Въ зимнее время, чтобы защищаться по возможности отъ холода, Калмыки окапываютъ кое какъ кибитки свои землею, а въ случаѣ сильныхъ вѣтровъ и бурь привязываютъ ихъ веревками къ кольямъ; ибо безъ сей предосторожности нерѣдко подвижныя жилища сіи низ-

вергаются, и люди съ имуществомъ, иногда почью среди сна, остаются безъ всякаго крова.

Внутренность кибитокъ вообще столь же единообразна, какъ и наружность. Посреди каждой изъ нихъ стоитъ, поддерживаемый таганомъ, чугунный котелъ — единственная кухонная посуда, въ которой приготовляется чай и прочая пища; прямо у противоположной дверямъ стѣны находится кровать, отъ земли вышиною на четверть аршина, покрытая *ширдыками* кошмами, въ лѣвой сторонѣ, на устроенномъ въ видѣ столика возвышеніи, помѣщаются Бурханы или однѣ написанныя по Тангутски молитвы; на право расположены различныя домашнія вещи, какъ то: деревянныя чайныя чашки и коническія кружки, называемыя домбами, и кожаныя: *бартоги* для вина; *архоты* употребляемые вмѣсто кадочекъ; *уты* — мѣшки для собиранія аргасуна (*) и особо мѣшки же, привязанные на длинныхъ палкахъ, коими достаютъ изъ ко-

(*) *Аргасунъ* сухой пометъ скота, замѣняющій у Калмыковъ дрова.

лодцевъ воду. Къ рѣшеткамъ въ разныхъ мѣстахъ привѣшены бараньи или лошадиныя головы, ноги и другія части мяса, сырыя кожи, ружья и проч. Зимою нераздѣльно съ людьми помѣщаются въ кибиткахъ молодыя и больныя овцы, телята и жеребята, и довершаютъ семейственныя картины, въ коихъ главную сцену занимаютъ маленькія дѣти, сидящія на цыпочкахъ около огня, нагія или только съ зади чѣмъ нибудь прикрытыя, и вооруженныя мослами и трубками. Но сколь ни мало въ сихъ картинахъ пріятнаго и занимательнаго, однакожъ я никогда не забуду того удовольствія, какое приносили онѣ мнѣ во время проѣзда моего чрезъ пустыя, поглощенныя снѣгами степи, частію вовсе необитаемыя, гдѣ не имѣя по цѣлымъ суткамъ и болѣе пристанища, страдая отъ нестерпимаго холода и не видя ни какихъ дорогъ, — даже одинъ слѣдъ человѣческій надлежало считать большою находкою. Иногда ночью завидя неожиданно привѣтный огонекъ, я съ моими спутниками спѣшилъ къ нему съ такою радостію, какая конечно не всякому извѣстна и понятна. Тутъ полузамерзшіе выходя изъ экипажей и

забывая о снѣ, мы проводили время покоя въ дымной кибиткѣ близъ тлѣющаго аргасуна, и хотя согрѣвались болѣе воображенiемъ, нежели существенною теплотою, но находили себя довольными. Между тѣмъ, для утоленiя голода нашего, въ растаянной снѣговой водѣ варился передъ нами на скорую руку Калмыцкiй чай. Надобно знать вкусъ сего чая, и видѣть какъ онъ кипятится въ котлѣ, въ которомъ можетъ быть за полчаса прежде приготовлялось какое нибудь нечистое кушанье, и который хозяева Калмыки при насъ *изъ опрятности* вытирали отрывкомъ старой запачканой кошмы; надобно быть свидѣтелемъ какъ кладется въ чай молоко, хранящееся въ кожаномъ сосудѣ, на который нельзя взглянуть безъ ощущенiя дурноты, и изъ коего невозбранно пьютъ собаки, — и тогда только можно представить себѣ, сколь велика была крайность, заставлявшая употреблять сей Калмыцкiй нектаръ, оживотворявшiй насъ своею теплотою и питательностiю. Съ наступленiемъ осени, когда земля обнажена еще была отъ снѣга и морозы казались сносными, мы, останавливаясь въ безлюдной и безводной

степи для облегченія верблюдовъ, не терпѣли нужды въ продовольствіи, ибо проворные Казаки набирали аргасунъ, и разводя огонь, тотчасъ приготовляли намъ изъ запасной баранины жаркое, употребляя при семъ вмѣсто вертеловъ ружейные шомполы; но когда въ одну бурную ночь, проведенную нами въ открытомъ полѣ, выпавшій глубокій снѣгъ сокрылъ отъ взоровъ нашихъ безцѣнный аргасунъ, тогда изчезла всякая возможность готовить пищу и потому-то мы, открывая дымъ или огонекъ, съ восторгомъ приближались къ первымъ хотонамъ отыскиваемаго улуса. Впрочемъ и въ самыхъ жилищахъ Калмыковъ, не смотря на то, что они ищутъ на зиму пріюта близь камышей, неизбѣжны иногда чрезмѣрныя крайности: такъ, на примѣръ, во время продолжительной и суровой зимы 1831-го года, Калмыки нѣкоторыхъ улусовъ должны были многими семействами собираться въ чужія кибитки, а свои жечь вмѣсто дровъ, для приготовленія пищи (*)!

(*) Я позволяю себѣ надѣяться, что нѣсколько строкъ о волжѣ моемъ по улусамъ, помѣщенныхъ кое гдѣ съ цѣлію при-

Владѣльцы имѣютъ у себя по нѣскольку кибитокъ: собственно для нихъ самихъ, для семействъ ихъ и прислуги. Въ кибиткѣ владѣльческой все отличается опрятностію и даже роскошью. Внутренность ея обтянута шелковою матеріею, скрывающею рѣшетки, унины и кошмы; постель на обыкновенномъ мѣстѣ, противъ двери, покрыта одѣялами и украшена богатымъ пологомъ, въ видѣ балдахина; по сторонамъ возвышаются сундуки, одинъ на другой поставленные, и покрытые коврами, среди коихъ на лѣвой отъ входа сторонѣ, въ особыхъ рѣзныхъ и разкрашенныхъ кумирняхъ, присутствуютъ Бурханы; земля служащая вмѣсто пола, устлана кошмами и коврами; но въ срединѣ все-таки курится огонекъ, зимою для тепла, а лѣтомъ для раскуриванія трубокъ. Богатыя сѣдла и ружья принадлежатъ къ числу необходимыхъ украшеній. Сему домашнему устройству владѣльцевъ подражаютъ и нѣкоторые Зайсанги; но большую часть ихъ нельзя различать отъ простолюдиновъ.

дать описанію жизни Калмыковъ болѣе полноты, не вмѣнится мнѣ въ преступленіе.

Послѣ описанія внѣшняго вида кибитокъ и внутренняго въ оныхъ расположенія, слѣдуетъ обратиться къ порядку кочевки. Кому не случалось быть въ Калмыцкихъ улусахъ, тотъ подъ словомъ *улусъ* можетъ представлять себѣ соединенное жительство всѣхъ Калмыковъ, котораго либо изъ владѣній, въ родѣ одного селенія или аула. Для устраненія подобной мысли нужно знать, что каждый улусъ раздробляется въ кочевьѣ на множество частей, *хотонами* именуемыхъ, и заключающихъ въ себѣ отъ 3-хъ до 12-ти кибитокъ. Сіи хотоны одного улуса иногда бываютъ разсѣянныя на пространствѣ до 300 верстъ и болѣе. Главное мѣсто улуса есть владѣльческая ставка; оно называется *орьгою*; при ней обыкновенно находится хурулъ и базаръ, и сверхъ сего тутъ же пребываютъ Частный Приставъ и Улусные Судьи. Въ улусахъ казенныхъ, гдѣ нѣтъ владѣльцевъ, подвижныя резиденціи называются уже не орьга, а *куря*, т. е. ставка главнаго хурула.

Кибитки владѣльческія бываютъ располагаемы отъ прочихъ въ нѣкоторомъ отда-

ленін и кромѣ лучшей наружности отличаются тѣмъ, что при дверяхъ каждой водружается пика, на длинномъ черенкѣ, остріемъ вверхъ. Ночью покой владѣльца и его семейства охраняютъ караульные. Въ хурулѣ *Бурхани Орьгё*, т. е. кибитка, вмѣщающая въ себѣ Бурхановъ, находясь также отдѣльно отъ другихъ, осѣняется однимъ или двумя флагами, на высокихъ шестахъ развѣвающимися, съ различными на оныхъ изображеніями, и ограждается круглою цѣпью другихъ кибитокъ, въ которыхъ живутъ Лама, Гелюнги и прочее духовенство. За симъ особая группа кибитокъ представляетъ базаръ. Кибитки съ товарами, для безопасности отъ похищеній, становятся плотно одна возлѣ другой и соединяются въ отдѣльный кругъ, имѣя двери обращенными во внутренность образующейся площадки, куда ведетъ небольшой переулокъ, въ одномъ мѣстѣ оставляемый. Здѣсь занимаются мелочною, но весьма прибыточною торговлею Армяне и Татары, у которыхъ кромѣ разныхъ товаровъ, вина и винушекъ, по сношеніямъ ихъ съ ближайшими городами и по всегдашнему сбору къ

нимъ пріѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ Калмыковъ, можно получать свѣдѣнія о всѣхъ степныхъ и прочихъ новостяхъ; а потому кочующій базаръ имѣетъ въ улусѣ большое значеніе.

Во время праздниковъ, на прим. цаганъ-сары и т. п. собирается въ орьгу, или курю, множество духовенства, и тогда число кибитокъ въ оной увеличивается до двухъ сотъ; постоянно же въ самой большой орьгѣ бываетъ оныхъ не болѣе тридцати.

Въ продолженіе весны, лѣта и осени, начиная съ первыхъ чиселъ Февраля до половины Ноября, народъ Калмыцкій на однихъ мѣстахъ не держится болѣе недѣли, останавливаясь при худукахъ (колодцахъ), коими испещрены всѣ степи. Когда травы въ окрестностяхъ худука истребляются, тогда владѣлецъ, въ разговорахъ съ приближенными своими, даетъ замѣтить, что скоро надобно откочевать на другое мѣсто. Вѣсть о семъ разносится по всѣмъ кибиткамъ главной ставки, и каждый Калмыкъ, выходя по утру изъ своего жилища, прежде нежели выгонетъ на паству скотъ (всегда проводящій ночи око-

ло хозяйской кибитки), смотритъ нѣтъ - ли сигнала къ походу? Во время сихъ ожиданій, въ одно какое нибудь утро, является среди орьги воткнутая въ землю владѣльческая пика — и мгновенно приводитъ всё въ движеніе. Калмыки и Калмычки ловятъ верблюдовъ, разбираютъ кибитки, укладываютъ домашній скарбъ, и не далѣе какъ чрезъ часъ огромный караванъ трогается съ мѣста, почти не оставляя признаковъ обитанія.

За исключеніемъ нѣсколькихъ арбъ (двухъколесныхъ телегъ), заложенныхъ волами, весь караванъ состоитъ изъ верблюдовъ, навьюченныхъ разобранными кибитками, сундуками, котлами и разными другими принадлежностями. Процессія открывается всадникомъ, который везётъ владѣльческую пику; за нимъ слѣдуетъ семейство владѣльца, окруженное Зайсангами и служителями; далѣе — въ сопровожденіи Ламы и прочаго духовенства везутся на бѣлыхъ верблюдахъ уложенные въ ящикахъ Бурханы (*). Ламы и владѣльческіе дѣти

(*) Калмыки изъ набожности посвящаютъ Бурханамъ верблюдовъ, лошадей и быковъ, преимущественно бѣлыхъ, называя ихъ *сетеря*. Посвященіе сіе означается привязанными за

для спокойствія ѣздяшъ иногда въ особенныхъ экипажахъ (*денгъ-тергинъ*), состоящихъ изъ арбы, къ оглоблямъ коей, между заложеннымъ воломъ и колесами, привѣшивается на четырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлоками. Дѣти прочихъ Калмыковъ качаются на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязанныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами, изъ коихъ видны однѣ головы. Старики и старухи помѣщаются также среди вьюковъ, на самомъ верху; а молодые люди: мущины, женщины и дѣвушки въ нарядныхъ платьяхъ, верхами на лучшихъ лошадяхъ, спорятъ между собою въ быстротѣ бѣга коней и собственной ловкости, и тутъ-то амуръ разставляетъ сѣти свои, неизбѣжныя для всѣхъ смертныхъ! По сторонамъ, на всемъ пространствѣ, какое взоръ обнять можетъ, тянутся стада и разъ-

---

гриву или повѣшенными на шеѣ Тангутскими молитвами, съ коими счастливыя животныя остаются на всю жизнь свободными отъ всѣхъ работъ, кромѣ перевозки нѣкоторыми изъ нихъ священныхъ предметовъ.

ѣзжаютъ кавалькады охотниковъ съ собаками, ястребами и балабанами (*).

Такимъ образомъ движеніе главной ставки даетъ общее направленіе и всѣмъ хотонамъ, или всему улусу. Весною Калмыки проходятъ въ одинъ день отъ 15-ти до 20-ти верстъ; лѣтомъ, въ жары, отъ 10-ти до 15-ти, а осенью отъ 25-ти до 40, останавливаясь послѣ каждаго перехода, какъ сказано выше, только на короткое время. Къ осени же всѣ улусы занимаютъ для зимовки постоянно одни мѣста, а именно: улусы Эркетеневскій и Яндыковскій между заливовъ Каспійскаго моря, близъ почтовой дороги отъ Астрахани къ Кизляру; Екицохуровскій, Харахусовскій, Эрдени-кичиповскій и Малодербешевскій при рѣкахъ Кумѣ и Манычѣ; Богоцохуровскій и Хошоутовскій при рѣкѣ Волгѣ по обѣимъ сторонамъ, первый выше города Енотаевска, а послѣдній между Енотаевскомъ и Астраханью и наконецъ Большедербетевскій при рѣкахъ Калаусѣ и среднемъ Егорлыкѣ въ предѣлахъ

(*) Балабаны принадлежатъ тоже къ роду ястребовъ и замѣняютъ здѣсь соколовъ.

Кавказской области. На сихъ мѣстахъ, гдѣ камышъ, или около Волги кустарникъ, доставляютъ нѣкоторую защиту отъ бурь и средства имѣть огонь, Калмыки остаются съ Ноября мѣсяца до главнаго ихъ праздника цаганъ - сары, который бываетъ въ первыхъ числахъ Февраля, и послѣ коего немедленно начинаютъ они вновь свое странствованіе, подвигаясь всегда во внутренность степей въ противоположныя зимнему кочевью стороны; при чемъ хотя не наблюдается ни какого разграниченія, ни раздѣленія между улусами земель, но это не нарушаетъ согласія. Впрочемъ въ лѣтнее время выгоднѣйшія мѣста занимаютъ: во 1-хъ улусъ Малодербетевскій въ урочищахъ *Иргени*, на границахъ Донскихъ и Саратовскихъ, гдѣ умѣренный климатъ, превосходныя пастбища и избытокъ прѣсной воды доставляютъ большія удобства, и во 2-хъ улусъ Хошоутовскій, который въ дачахъ своихъ на луговой сторонѣ Волги пользуется исключительно хорошими пажитями, и что всего важнѣе, значительными лѣсными угодьями (*).

(*) Владѣлецъ сего улуса Князь Тюменевъ, пріобрѣлъ многіе участки покупкою у помѣщиковъ, и сверхъ того для выгодъ

Другіе улусы, при худомъ состояніи травъ, на пещано-глинистыхъ и солонцеватыхъ степяхъ произрастающихъ и выжигаемыхъ при томъ въ началѣ лѣта солнцемъ, терпятъ въ особенности недостатокъ въ водѣ, и Калмыки для напоенія стадъ своихъ должны повсюду рыть новые или разчищать старые худуки, которые доставляютъ воду бѣловатую, соленогорькую и при томъ не рѣдко превращающуюся въ навозную жижу; но и сей воды бываетъ столь мало, что она вся каждый день вычерпывается. Въ бытность мою въ нѣкоторыхъ улусахъ надобно было посылать за водою всякое утро до разсвѣта, чтобы въ противномъ случаѣ не остаться безъ нея на цѣлый день.

Хотоны, разсѣянные среди степей, при первомъ взглядѣ на нихъ наводятъ уныніе. Обыкновенный шумъ городовъ и селъ замѣняется здѣсь единственно лаемъ собакъ и крикомъ верблюдовъ, смѣшеннымъ съ блеяні-

---

скотоводства ежегодно нанимаетъ удобныя земли у частныхъ людей.

емъ овецъ, мычаніемъ коровъ и ржаніемъ лошадей — гармонія, интересная развѣ для слуха Калмыковъ, которыхъ звуки сіи баюкаютъ еще въ колыбели. Утро въ улусахъ начинается просто, т. е. тамъ никто не заботится ни о убранствѣ ни о посѣщеніяхъ. Однѣ изъ женщинъ только что оставивъ ложе, спѣшатъ доить коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ, отправляются въ поле за аргасуномъ и къ худукамъ за водою; мущины отгоняютъ на водопой и на паству стада, и потомъ каждая семья собирается около котла, въ которомъ приготовляется чай. Далѣе — женщины занимаются шитьемъ одежды и другими, свойственными ихъ быту, работами; что же касается до мущинъ, то за исключеніемъ не многихъ, охраняющихъ скотъ, всѣ другіе, и особенно пожилые, имѣющіе лѣтъ за 40, остаются въ совершенной праздности: курятъ табакъ и бродятъ по сосѣдственнымъ кибиткамъ, въ надеждѣ найти гдѣ нибудь маханъ или арьки (*). Наконецъ день заключается тѣмъ, что Калмы-

(*) *Маханъ* — мясо, *арьки* — вино.

ки, напившись еще разъ чаю или будану (*), погружаются въ сонъ, для того, чтобы вновь пробудиться къ услугамъ желудка. Такъ проходитъ жизнь этихъ людей, чуждая всего возвышеннаго, и какъ бездѣйствіе и пресыщеніе принято у нихъ символомъ блаженства, то владѣльцы и Зайсанги всегда стараются превосходить въ сихъ наслажденіяхъ простолюдиновъ, въ доказательство правъ и преимуществъ, дарованныхъ имъ породою. Нѣкоторые изъ нихъ почти никогда не оставляютъ кибитокъ своихъ, и если выходятъ на воздухъ, то единственно по самымъ необходимымъ побужденіямъ. Спросятъ — что они дѣлаютъ? — Сидятъ, поджавши ноги и попеременно перебираютъ четки, курятъ табакъ и — ѣдятъ! Другіе разнообразятъ иногда праздность слушая сказки, или выѣзжаютъ въ поле на охоту съ гончими собаками и балабанами.

Неопрятность въ Калмыцкомъ народѣ возбуждаетъ удивленіе. Не зная омовенія, не перемѣняя никогда бѣлья, и въ зимнее время

(*) *Буданъ* — родъ супа.

не снимая верхней одежды, Калмыки и Калмычки дѣлаются всегдашними жертвами насѣкомыхъ, которыя, благодаря предразсудкамъ о переселеніи душъ, пользуются совершенною неприкосновенностію къ ихъ жизни, или, лучше сказать, привиллегіею терзать несчастныхъ Ламистовъ (*). Вмѣстѣ съ симъ кожа Калмыковъ, теряя натуральный цвѣтъ, получаетъ грубое свойство и покрывается какъ будто корою. Все это имѣло-бы, можетъ быть, послѣдствія гораздо важнѣйшія, если бы непрерывное куреніе табаку и всегдашній въ кибиткахъ дымъ не составляли собою средствъ противодѣйствующихъ. Не менѣе отличаются Калмыки неопрятностію и въ употребленіи пищи: ѣдятъ, пьютъ изъ однихъ и тѣхъ же котловъ и чашекъ, замѣняя при семъ ложки и вилки пальцами; а вмѣсто салфетокъ служатъ имъ кошмы, на которыхъ сидятъ, или шерсть овецъ, собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, нерѣдко присутствующихъ при трапезахъ своихъ хозяевъ.

(*) Калмыкъ поймавши такое насѣкомое не только не убиваетъ, но осторожно кладетъ возлѣ себя на полъ.

Въ короткое время, испытавъ въ улусахъ всѣ невыгоды зимней кочевой жизни, прокоптѣвши дымомъ, какъ говорится до послѣдней нитки, и выкуривши глаза, я терпѣлъ много между прочимъ и отъ неудобства заниматься письмоводствомъ, которое по несчастію было обширно. Сначала я даже не постигалъ какъ можно писать при жестокомъ морозѣ въ 25° и болѣе, когда нельзя ни на минуту обнажить рукъ, и когда чернила мгновенно замерзаютъ. Гдѣ взять столы и стулья, или покрайней мѣрѣ чѣмъ замѣнить оные? Но нужда научаетъ всему! Чернилицу обыкновенно приказывалъ я ставить близъ пылающаго аргасуна въ чашку съ горячею водою, и разогрѣвая чернила писалъ лежа возлѣ огня на коврѣ. Впрочемъ и тутъ, омоченнымъ разъ въ чернильницѣ перомъ, не отогрѣвъ его и руки на огнѣ, едва можно было успѣть написать одну букву: ибо чернила на перѣ, равно какъ и въ словахъ на бумагѣ, мгновенно замерзали. Такимъ образомъ все написанное составляло въ прямомъ смыслѣ *мерзлую прозу*. Оканчивая дневныя занятія, поздно вечеромъ искалъ я успокоенія на холодномъ, осеребрен-

номъ морозною пеленою ложѣ, тщательно завернутый въ нѣсколько шубъ и одѣялъ; и если въ продолженіе ночи удавалось хотя не много согрѣться и воспользоваться благодѣтельнымъ сномъ, то по утру разлука съ постелью была всего тягостнѣе. Почтенный Т., заслуженный Офицеръ, по обязанности раздѣлявшій со мною поѣздку мою, неоднократно повторялъ мнѣ, что ни во всю кампанію 1812 года, ни въ послѣднюю Турецкую войну за Балканами, не находилъ онъ положенія своего столь непріятнымъ, какъ въ улусахъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь однѣ уже болѣзни, и особенно простуда, по неимѣнію ни малѣйшей надежды на какую либо помощь, или возможность выздоровленія, — подвергаютъ человѣка всегдашней и самой близкой опасности.

Изобразивъ въ слабыхъ чертахъ бытъ Калмыцкаго народа, заключу статью сію утѣшительною мыслію, что время и обстоятельства, безъ сомнѣнія, убѣдятъ народъ сей въ необходимости оставить полудикое состояніе и обратиться къ постепенному образованію, пользы коего разительно доказываетъ имъ Князь Тюменевъ. Владѣлецъ сей, прежде все-

го заплатив долгъ Царю и отечеству служ-бою на военномъ поприщѣ, и пріобрѣтя чрезъ то полное право на уваженіе, постоянно про-водитъ теперь дни въ улусѣ своемъ, въ пре-восходномъ домѣ, имѣетъ изъ подвластныхъ Калмыковъ оркестръ хорошихъ музыкантовъ, отличную прислугу и прекрасныхъ поваровъ, словомъ: не уступаетъ въ образѣ жизни до-статочнѣйшимъ изъ Русскихъ помѣщиковъ. Въ улусѣ его господствуетъ довольство и поря-докъ, потому что тамъ мало Гелюнговъ и тѣ не смѣютъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, а Кал-мыки его въ сравненіи съ другими трудолюби-вы и ведутъ себя осторожно. Необыкновен-ная перемѣна въ здѣшнемъ климатѣ, не бла-гопріятствующая кочевой жизни, въ свою оче-редь неминуемо должна произвести въ сте-пяхъ значительный переворотъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ болѣе полезенъ не-жели вреденъ; ибо суровыя зимы однихъ изъ Калмыковъ вынудятъ узнать, хотя въ нѣко-торой степени, осѣдлость, для удобнаго и прочнаго ихъ со стадами существованія; а другіе, жившіе на счетъ излишней щедрости природы, и умножавшіе собою число праздно-

любцевъ, займутся работами у рыбопромышлениковъ, увеличатъ рабочій классъ скуднаго народонаселенія Астраханской губерніи и чрезъ соединеніе съ Русскими получатъ новыя понятія и лучшій образъ мыслей.

ГЛАВА V.

ФИЗИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА.

Взглядъ, брошенный на кочевье Калмыковъ, можетъ внушать справедливое удивленіе: какимъ образомъ народъ сей въ отношеніи физическомъ существуетъ? Свойство безплодныхъ степей, въ коихъ онъ обитаетъ; соленогорькія и то весьма рѣдкія воды; нестерпимый зной во время лѣта, и мучительный холодъ зимою, противъ коихъ слабый изъ кошмы кровъ служитъ единственною защитою; величайшая неопрятность въ содержаніи тѣла, и наконецъ пища, состоящая въ мясѣ, большею частію не свѣжемъ. — суть причины, которыя въ совокупности составляютъ, кажется, все, что только можетъ быть гибельнымъ для

человѣка; но за всѣмъ тѣмъ Калмыки вообще наслаждаются весьма хорошимъ здоровьемъ. Кочевая жизнь съ младенчества сообщаетъ тѣлеснымъ силамъ ихъ особенную крѣпость, а врожденная безпечность, праздность и всегдашнее спокойствіе духа, дополняютъ средства къ достиженію глубокой старости. Проѣзжая почти всѣ улусы, я всюду находилъ большое количество стариковъ, изъ коихъ 70-ти и даже 80-ти лѣтніе, по наружности и твердости ихъ, кажутся не старѣе 50-ти или 60-ти лѣтъ.

При наступленіи зимы и весны переходъ отъ тепла къ холоду и обратно имѣетъ болѣе или менѣе неизбѣжныхъ слѣдствій, порождая иногда въ Калмыкахъ болѣзни скоротечныя, преимущественно горячки, свойственныя вообще здѣшнему климату; но болѣзни хроническія у нихъ чрезвычайно рѣдки. Къ сожалѣнію нельзя не замѣтить, что зло, которымъ свѣтъ старый обязанъ новому, имѣетъ и здѣсь свои жертвы; оно распространилось послѣ похода въ 1812 году за границу, когда кочующіе витязи, удостоясь побывать въ мірѣ просвѣщенія, возвратились

оттуда, почти всѣ безъ изъятія, больные и конечно увѣковѣчатъ среди степей своихъ имя Франціи живыми воспоминаніями.

Главнѣйшая же и гибельнѣйшая для нихъ болѣзнь есть оспа, по Калмыцки *цецикъ*, т. е. цвѣтокъ. Дѣйствія ея столь ужасны, что для Калмыка заболѣть оспою, значитъ умереть неизбѣжно: ибо изъ 10-ти человѣкъ, пораженныхъ ею, едва выздаравливаютъ трое. Необыкновенная злокачественность и прилипчивость оспы въ Калмыцкихъ улусахъ имѣетъ три начала: а.) особое расположеніе тѣла Калмыковъ къ принятію и развитію жестокихъ ея припадковъ; б.) кочевой образъ жизни, по которому больные въ своихъ кибиткахъ, отовсюду продуваемыхъ вѣтромъ, лишены средствъ къ защитѣ отъ сыраго, холоднаго воздуха; и с.) производимый появленіемъ сей болѣзни ужасъ, заставляющій Калмыковъ, для сохраненія себя удаляться отъ заболѣвшихъ, при чемъ сіи послѣдніе съ кибитками и со всемъ имуществомъ оставляются на произволъ судьбы, такъ, что уже не одно дѣйствіе болѣзни, а голодъ, или въ зимнее время суровость воздуха, прекращаетъ

дни страдальцевъ. Въ приволжскихъ кочевьяхъ жители ближайшихъ селеній и Казачьихъ станицъ нерѣдко находятъ оставленныхъ такимъ образомъ младенцевъ, и Христіанская любовь возвращаетъ ихъ къ жизни; но въ глубинѣ степей чуждо спасеніе; тамъ вопли несчастныхъ разносятся пустынными вѣтрами, и самый ихъ прахъ среди полуразрушенныхъ кибитокъ, служа предметомъ ужаса для Калмыковъ, возмущаетъ душу случайно приближающагося путника.

Для прекращенія зла сего Правительство съ давняго времени печется о распространеніи между Калмыками оспопрививанія; но тяготѣющее надъ ними невѣжество, не дозволяетъ еще вполнѣ пользоваться послѣдствіями сей спасительной мѣры. За всѣмъ тѣмъ постоянныя усилія Начальства и собственное убѣжденіе Калмыковъ въ пользѣ оныхъ, безъ сомнѣнія восторжествуютъ надъ всѣми препятствіями (*). Въ 1832 году привита оспа

(*) Нынѣшній Инспекторъ Астраханской Врачебной Управы Г. Саломонъ обратилъ на сей важный предметъ особенное вниманіе, и дѣятельно занимается всѣмъ тѣмъ, что только можетъ содѣйствовать успѣхамъ оспопрививанія.

въ улусахъ вообще 2,650-ти младенцамъ, тогда какъ сначала введенія сей операціи по означенный годъ, привито было оной въ сравненіи съ симъ менѣе половины.

Живущій близъ города Енотаевска, въ сосѣдствѣ съ Багоцохуровскимъ улусомъ, помѣщикъ А. В. Кахановъ, имѣя небольшую домашнюю аптеку и обучивъ дворовыхъ людей своихъ оспоприививанію, пріобрѣлъ у Калмыковъ столь большую довѣренность, что они сами ежедневно приходятъ къ нему въ домъ съ просьбою привить имъ оспу.

Коръ, и вообще сыпи, по Калмыцки *тургунъ киликъ* (шелковая рубашка), не имѣющія особенно вредныхъ послѣдствій, полагаются въ числѣ болѣзней обыкновенныхъ.

Черты лица Калмыковъ имѣютъ весьма близкое сходство съ Китайскими или Манжурскими. Калмыки вообще черноволосы; имѣютъ узкіе черные глаза, большіе скулы, плоскій носъ и прекрасные бѣлые зубы. Цвѣтъ лица ихъ смуглый и все тѣло лишено бѣлизны; но сіе происходитъ не столько отъ при-

роды, сколько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и отъ вѣчнаго въ кибиткахъ ихъ дыма. За всѣмъ тѣмъ есть мущины и женщины, которымъ самый разборчивый вкусъ не отказалъ бы въ своемъ вниманіи.

Зрѣніе ихъ, по привычкѣ ли всегдашняго созерцанія предметовъ на обширныхъ степныхъ равнинахъ, или по особенной организаціи, одарено рѣдкою быстротою, такъ, что когда обыкновенный глазъ только еще замѣчаетъ что нибудь въ отдаленности, Калмыкъ безошибочно объяснитъ подробности едва мелькающаго признака; но жаль, что дымъ, причиняя глазныя боли, вредитъ сей *дальнозоркости.*

Крѣпость тѣлесная и силы даютъ Калмыкамъ большое преимущество предъ другими кочующими народами. Ростъ ихъ большею частію средній, станъ довольно стройный, и только искривленныя отъ верховой ѣзды ноги, измѣняютъ общей правильности въ фигурѣ. Тучные Калмыки встрѣчаются очень рѣдко, и то изъ сословія Гелюнговъ, упитанныхъ жертвами.

Борьба, замѣняющая въ Калмыцкомъ народѣ рыцарскіе турниры, часто доставляетъ случаи видѣть необыкновенныхъ силачей, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣтаютъ самое громкое во всѣхъ Монгольскихъ племенахъ имя: *батырь*, т. е. богатырь.

Въ доказательство необыкновенной силы Калмыковъ можно привести и то, что они, нанимаясь въ Астраханской губерніи для разъѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, нерѣдко въ продолженіе цѣлыхъ дней, безъ отдохновенія и пищи, работаютъ веслами и, нечувствуя изнуренія, преодолѣваютъ порывы вѣтровъ или быстроту теченія, будучи при томъ палимы солнцемъ и терзаемы безчисленнымъ множествомъ комаровъ. Труды сіи возбуждаютъ общее удивленіе, и многіе здѣсь, чтобы выразить твердость Калмыковъ, въ шуткахъ называютъ ихъ водяными лошадями.

Но видя Калмыка идущаго пѣшкомъ, не мудрено подумать, что онъ только еще учится ходить: такъ неловка его походка, затрудняемая кривизною ногъ и неудобными сапогами. За то верхомъ на лошади, онъ гораздо

тверже, нежели на ногахъ, и даже тотъ изъ нихъ, кто пьяный не сдѣлаетъ шагу не упавши, никогда не свалится съ лошади, если его посадятъ на нее. Женщины ихъ въ наѣздничествѣ столь же искусны, какъ и мущины.

ГЛАВА VI.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Находя въ пищѣ одну необходимую потребность—утоленіе голода, Калмыки не имѣютъ ни утонченнаго вкуса, ни разборчивости. Домашнія животныя всякаго рода и дикіе звѣри равно удовлетворяютъ ихъ аппетиту; но какъ первыхъ они (здѣсь должно разумѣть простой классъ народа) рѣжутъ только въ случаяхъ особенныхъ, напримѣръ: для больныхъ, гостей и т. п., а ловля послѣднихъ сопряжена съ нѣкоторыми заботами, то всегдашній столъ ихъ состоитъ въ лѣтнее время изъ кирпичнаго чаю и молочныхъ приготовленій, зимою же, когда доеніе прекращается, кромѣ чаю, преимущественно изъ будана.

Чай, называемый по внѣшнему виду его кирпичнымъ, есть стебли и испорченные листочки чая обыкновеннаго, которые въ Китаѣ не пропадаютъ, а посредствомъ клейкихъ веществъ соединяются и высушенные въ формахъ, получаютъ видъ кирпича, или четвероугольной, немного продолговатой дощечки. Дощечки сіи продаются въ Астрахани каждая отъ 4 до 4 руб. 50 коп. и составляютъ значительный предметъ торговли. Калмыки наливъ въ котелъ воды, кладутъ туда не большое количество искрошеннаго ножемъ чая, и кипятятъ дотолѣ, пока жидкость сдѣлается красноватою; потомъ прибавляютъ соли и молока, и вскипятивши вновь, разливаютъ деревянными половниками въ такія же чашки, для употребленія. Чай сей, похожій болѣе на бульонъ, весьма питателенъ и служитъ вмѣстѣ пищею и питьемъ. Сначала кажется онъ непріятнымъ; но въ нѣсколько дней привычка, или лучше сказать необходимость, заставляетъ находить его довольно вкуснымъ; ибо дурная вода степныхъ худуковъ, не представляя другихъ средствъ къ утоленію жажды, только въ

составѣ Калмыцкаго чая бываетъ еще сколько нибудь сносною. Калмыки пьютъ его чрезвычайно много, кушая при томъ привозимыя къ нимъ изъ Астрахани и Царицына, сухія кольцеобразныя витушки.

Кобылье молоко, квашеное, доставляетъ имъ близкій къ вину напитокъ, называемый *Чиганъ*, а коровье молоко составляетъ особую жидкость *айрекъ*, и сверхъ сего за излишествомъ гонится изъ того и другаго *арьки*, т. е. вино, которое передвоенное называется *арза*. Оба сіи напитка довольно крѣпки и, если вылить на огонь, пылаютъ какъ спиртъ; но употребленіе ихъ, по словамъ самихъ Калмыковъ, причиняетъ большую головную боль, и вмѣсто обыкновенной опьянѣлости, приводитъ въ какое-то помѣшательство или одурѣлость, которая продолжается нѣсколько дней. Вкусомъ они могли бы быть не противны, если бы дурнота обработки не сообщала имъ отвратительнаго запаха.

Выдѣлка *арьки* производится скоро и просто: въ чугунный котелъ, поставленный на таганѣ, наливаютъ кислое молоко, плотно закрываютъ крышкою, которую обмазываютъ гли-

ною или коровьимъ каломъ; потомъ ставятъ въ наполненное водою корыто другой котелъ, также закрытый, и соединяютъ ихъ посредствомъ небольшой деревянной кривой трубы, утверждая концы ея въ отверстіяхъ, которыя для сего на крышкахъ у котловъ оставляются. Устроивъ все такимъ образомъ, начинаютъ кипятить молоко и проводя пары его въ порожній котелъ, имѣющій отдушину, часа чрезъ полтора получаютъ готовое вино. Остающуюся при семъ винокуреніи *бузу*, т. е. барду, процѣживаютъ и густыя частицы оной сушатъ на солнцѣ, въ запасъ на зимнее время. Этотъ родъ запаса, называемый *шурьмукъ*, кладется въ буданъ и употребляется въ пищу съ масломъ.

Буданъ есть жидкость; онъ варится въ котлѣ изъ воды и муки, съ прибавленіемъ молока или масла и *шурьмука*, а иногда и крошенаго мяса.

Изъ овечьяго молока дѣлаютъ маленькіе сыры, называемые *эзге*.

На зиму Калмыки покупаютъ въ Астрахани и другихъ близкихъ къ нимъ мѣстахъ, по немногу муки, изъ которой иногда

пекутъ что-то похожее на лепешки. Для сего мука замѣшивается на водѣ, и образующееся тѣсто кладется въ горячую золу, гдѣ и печется не только вмѣстѣ съ золою, но иногда и съ неперегорѣлымъ еще аргасуномъ, или остатками камыша.

Скотъ палый и умерщвленный или поврежденный звѣрями, часто доставляетъ Калмыцкой кухнѣ обиліе и въ мясѣ; тогда предъ аппетитомъ нѣсколькихъ человѣкъ, изчезаютъ цѣлыя лошади съ удивительною быстротою.

Владѣльцы и богатые изъ Зайсанговъ и Калмыковъ имѣютъ самое счастливѣйшее въ Калмыцкомъ народѣ преимущество: кушать всегда свѣжую жареную и вареную баранину. Мясо молодыхъ жеребятъ, питающихся еще молокомъ, для гастрономовъ составляетъ верхъ наслажденія.

Изъ царства растеній Калмыки, кочующіе близъ болотистыхъ мѣстъ, употребляютъ въ пищу: a.) коренья шишковатаго медвяжьяго уха (Phlomis tuberosa), по Калмыцки *ботманцукъ*: b.) головатую осоку (Spicis capitatis) по Калм. *алцинхо*; c.) водяные остроган-

ные орѣхи (trapa natans) называемыя въ Астрахани *чилимъ*; d.) спорышъ или растъ (Ornithogalum bicolor), по Калм. *буулукъ*, коего луковица имѣетъ большую мочку. Всѣ сіи растенія или коренья Калмыки пекутъ въ золѣ или сушатъ на солнцѣ, толкутъ въ крупу и варятъ какъ кашу, или ѣдятъ сырыя.

ГЛАВА VII.

ОДѢЖДА.

Одежда Калмыковъ состоитъ зимою изъ овчинныхъ шулуповъ, а лѣтомъ изъ китайчатыхъ кафтановъ или чапановъ обыкновеннаго покроя, подпоясываемыхъ кушаками изъ китайки же. На голову надѣваютъ они, соотвѣтственно времени года: шапки и войлочныя шляпы. Шапки бываютъ суконныя и матерчатыя, большею частію желтыя, съ лисьими и другихъ звѣрей узкими околышами, вышиною отъ околыша вершка въ два или три, четвероугольныя и къ верху нѣсколько расширены; кромѣ сихъ шапокъ нарядныхъ, есть другія, извѣстныя во многихъ мѣстахъ Россіи подъ названіемъ Калмыцкихъ малахаевъ, которыми, въ случаѣ сильныхъ морозовъ, съ боль-

шею удобностію можно сохранять не только голову, но лице и уши. Шляпы Калмыцкія чрезвычайно плоски, едва съ примѣтною тульею и съ маленькими полями. Какъ къ шапкамъ, такъ и къ шляпамъ пришиваются на верху шелковыя кисти краснаго цвѣта, называемыя *зала*. Кисти сіи служатъ не для одного украшенія, а составляютъ какой-то особый религіозный символъ, весьма уважаемый.

Богатые Калмыки носятъ верхнее платье длинное и широкое на распашку, а подъ нимъ парчевыя, и изъ другихъ матерій, узкія полукафтанья или бешмети; но молодые люди употребляютъ особенные кафтаны, съ закидными назади рукавами.

Бѣлье состоитъ изъ холстинной распашной рубахи, простирающейся не много далѣе поясницы, и исподняго платья. Изключая владѣльцевъ и богатыхъ Зайсанговъ, ни одинъ Калмыкъ не заботится имѣть болѣе одной пары, которую носитъ на себѣ, и которая замѣняется новою не прежде, какъ превратясь въ рубище. Лѣтомъ Калмыки и Калмычки бѣлье свое иногда моютъ, оставаясь до того времени, когда оно просохнетъ, на-

гими, или прикрываясь кафтанами; но въ продолженіе зимы и того не наблюдается.

Платье женское отличается отъ мужскаго тѣмъ, что лѣтніе кафтаны не имѣютъ рукавовъ, и какъ у оныхъ, такъ и у тулуповъ, на одной полѣ сверху дѣлается выемка, застегиваемая на полъ-аршина пуговицами. Шапки противъ мужскихъ менѣе, а шляпъ онѣ не носятъ.

Сапоги, общая обувь, шьются съ каблуками столь высокими, что безъ привычки, совершенно невозможно ходить въ нихъ; но за то они, при обыкновеніи Калмыковъ имѣть у сѣдел короткія стремяна, удобны въ верховой ѣздѣ. Въ холодное время надѣваются подъ сапоги валяные кошемные чулки.

Говоря о костюмахъ Калмыковъ, здѣсь прилично упомянуть и о другихъ принадлежностяхъ степнаго ихъ наряда. Волосы на лбу мущины подбриваютъ, а на затылкѣ заплетаютъ въ косу; бороду же выщипываютъ до чиста, оставляя одни усы.

Женщины заплетаютъ волосы надъ висками въ двѣ косы, которыя обшиваются въ китайку, или шелковую темную матерію, и

упадаютъ на грудь; дѣвицы напротивъ имѣютъ нѣсколько косъ. Въ ушахъ носятъ серги: замужнія въ обѣихъ, а дѣвицы въ одномъ, въ чемъ подражаютъ имъ и многіе мущины, протимая также одно ухо.

Лицамъ духовнаго званія присвоенъ самою религіею цвѣтъ одежды красный и желтый. Кафтаны ихъ, или плащи съ рукавами, бываютъ красные, а шапки и шляпы желтыя съ красною кистью (*залу*). Исподнее платье замѣняютъ они короткою до колѣнъ юбочкою. Волосы на головѣ брѣютъ, какъ Магометане, съ бородою же и усами поступаютъ по общему всѣхъ Калмыковъ обыкновенію.

ГЛАВА VIII.

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ.

Объ религіи Калмыковъ напрасно былобы искать извѣстій, вполнѣ удовлетворительныхъ; ибо самое духовенство Калмыцкое, имѣя всѣ книги до вѣры относящіяся на языкѣ Тангутскомъ, сколько можно замѣтить, не понимаетъ въ подробности своей религіи; а потому при каждомъ покушеніи начать о семъ разговоръ, духовныя лица отзываются, что по закону ихъ говорить о вѣрѣ не позволительно; если же иногда случается воспользоваться со стороны нѣкоторыхъ откровенностію, то объясненія ихъ большею частію бываютъ разнообразны, сбивчивы и неудобопонятны.

По сему, оставляя все то, что можетъ

казаться темнымъ, и придерживаясь единственно тѣхъ свѣдѣній, кои будучи почерпнуты изъ разныхъ источниковъ, оказываются между собою согласными и представляются болѣе достовѣрными, я считаю приличнѣйшимъ ограничиться здѣсь только главными предметами Калмыцкаго Вѣроученія, которое имѣетъ начала общія съ ученіемъ Браминовъ (*).

Исторія міра.

До сотворенія міра, по мнѣнію Калмыковъ, существовало неизмѣримое пространство пустоты, хаосъ. Потомъ (неизвѣстно когда) поднявшаяся со всѣхъ десяти сторонъ свѣта буря, породила множество облаковъ, которыя пролили столь сильный дождь, что изъ онаго составилось величайшее море. На поверхности сего моря, движимаго бурею, накопилось чрезмѣрное множество пѣны, изъ коей уже образовалась земля, и воздвигнувшая-

(*) Въ этомъ убѣдился я личнымъ наблюденіемъ богослуженія Индѣйцевъ въ Астрахани.

ся среди моря гора *Сюммеръ-ула* (ханъ или царь всѣхъ горъ), утвержденная на произенной Бурханомъ *Манцзошири* черепахѣ, составила средопочіе всей земной тверди.

Гора сія, имѣя четыре стороны — одну серебряную, другую изъ лазури, третью изъ рубиновъ и четвертую изъ золота, — возвышается надъ поверхностію моря на 80 т. беръ (*), семью уступами, изъ коихъ на каждомъ обитаютъ различнаго рода Тенгери (духи, парри): въ низу злые, въ верху добрые; на самой же вершинѣ помѣщаются 33 Тенгерія, самые добродѣтельные, подъ начальствомъ *Хурмусты*. Наконецъ еще выше сего, вѣроятно уже въ странахъ небесныхъ, находится царство боговъ и жилище праведныхъ въ области Бурхана *Абида*.

Вмѣстѣ съ горою *Сюммеръ-ула*, возникли окружающіе оную четыре огромные острова.

Первый изъ нихъ называется *Зангбутипъ*, земля, вмѣщающая въ себѣ всѣ драгоцѣнности.

Вторый — *Улюмджи Біитъ Типъ*, земля великановъ.

(*) Беръ есть мѣра, содержащая въ себѣ 8 верстъ; она упоминается только въ духовныхъ книгахъ.

Третій — Укюръ Эделекги Типъ, земля питающая рогатый скотъ.

и *Четвертый — Му ду-ута Типъ*, земля производящая зловѣщій голосъ.

Всѣ сіи острова или міры, имѣющіе при себѣ еще по два небольшихъ острова, обитаемы. 1-й изъ нихъ занимаетъ Европа, на 2-мъ и 3-мъ живутъ великаны, одни другихъ превышающіе, а на 4-мъ помѣщаются люди, безъ болѣзней достигающіе до тысячи лѣтняго возраста и о времени кончины за нѣсколько дней извѣщаемые какимъ-то таинственнымъ голосомъ. Между всѣми помянутыми людьми нѣтъ никакихъ сношеній: ибо переходъ съ одного острова на другой возможенъ только для однихъ Бурхановъ.

Первые люди, получившіе бытіе вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра, отъ нѣкоего *Тодорхо герельту тенгери*, т. е. свѣтлаго духа, осчастливлены были всѣми дарами благодати: они издавали отъ себя сіяніе, имѣли крылья, не требовали пищи, жили по 80 т. лѣтъ и всѣ были *Хубилганъ*, т. е. возраждались вновь чрезъ переселеніе душъ.

Сколько времени продолжалось такое за-

видное состояніе людей — неизвѣстно; но оно утрачено невоздержаніемъ одного человѣка, который съѣвъ земное произрастеніе называмое *шиме* (*), соблазнилъ къ тому и другихъ. Сіе невоздержаніе было причиною, что исполинскій ростъ, долголѣтіе, сіяніе, способность летать — словомъ все изчезло и люди долго оставались во тмѣ, пока не учредились солнце, луна и звѣзды. Но среди таковаго переворота были еще люди, сохранившіе святость: они въ числѣ 1000 существъ переселились на небо и сдѣлались Бурханами.

Съ сего времени солнце, состоящее изъ огня и стекла, ежедневно обращается около горы *Сюммеръ-ула.* Когда оно, движимое воздушными конями, выходитъ противъ серебряной стороны означенной горы, тогда начинается разсвѣтъ; когда равняется со стороною лазурною, тогда наступаетъ полдень; когда приближается къ сторонѣ рубинной, тогда день склоняется къ вечеру и наконецъ со стороны золотой отражается ночь. Лу-

(*) Что именно означаетъ *Шиме* — Калмыки не разумѣютъ: ибо многія слова Тангутскаго писанія для нихъ непонятны.

ну, подобно солнцу также странствующую около *Сюммеръ-улы*, почитаютъ Калмыки соединеніемъ стекла и воды, и какъ оную, такъ и звѣзды представляютъ себѣ обителями свѣтлыхъ Тенгерій (*).

Потерявъ, какъ сказано, жизнь благодатную, люди довольствовались сначала различными питательными растеніями, но какъ оныя скоро перевелись, то всѣ впали въ неизъяснимую крайность, за которою слѣдовали: необходимость пріобрѣтать пищу трудами и водвореніе на землѣ пороковъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи, для сохраненія порядка, бла-

(*) Затмѣніе солнца и луны Калмыки приписываютъ какому-то злобному духу, который, за причиненное Бурханамъ оскорбленіе, приковывается попеременно къ симъ свѣтиламъ. Духъ сей нерѣдко покушается освободить себя, и при сихъ-то случаяхъ солнце и луна начинаютъ тускнѣть. А какъ таковое освобожденіе неминуемо должно произвести величайшія бѣдствія, то Калмыки, чтобы испугать и усмирить духа и сохранить чрезъ сіе свѣтила, подпимаютъ ужасный шумъ, скачутъ на лошадяхъ, кричатъ, стрѣляютъ изъ ружей и проч. Сверхъ того, о знакахъ видимыхъ въ лунѣ они думаютъ, что тамъ изображается заяцъ, въ память подвига Бурхана Шакджимуни, который бывши нѣкогда зайцемъ, позволилъ съѣсть себя умиравшему съ голода страннику. Паденіе звѣздъ означаетъ у нихъ переселеніе Тенгери.

горазумнѣйшій изъ людей выбранъ былъ Ханомъ.

Бурханы съ своей стороны, видя землю осиротѣвшую добродѣтелями, рѣшились посѣтить оную, и когда вѣкъ людей отъ 80 т. уменьшился до 40 т. лѣтъ, тогда изъ числа тысячи, явился первый *Эбдекчи Бурханъ*, т. е. разоритель (*), названный такъ можетъ быть потому только, что въ то время міръ начиналъ клониться къ разоренію или разрушенію. Впрочемъ цѣль его была — проповѣдываніе вѣры. Послѣ сего, когда люди не могли уже жить болѣе 30 т. лѣтъ, сошелъ второй *Алтанъ Чидыкчи Бурханъ*, строитель міра (**); за нимъ, когда люди жили по 20 т. лѣтъ, послѣдовалъ третій *Герель Сакикчи Бурханъ*, блюститель міра (***); далѣе являлся четвертый *Манцзошири Бурханъ*, а потомъ, когда люди жили по сту лѣтъ, сошелъ на землю Бурханъ *Шакджимуни*, указавшій настоящую Ламайскую вѣру и управляющій міромъ

(*) Индѣйское божество *Шивенъ*.

(**) — — — — *Брама*.

(***) — — — — *Вишну*.

донынѣ. Не смотря однако же на покровительство всѣхъ сихъ Бурхановъ, уменьшеніе лѣтъ и роста земнородныхъ все-таки не прекратится и достигнетъ до того, что человѣкъ будетъ жить только 10-ть лѣтъ, ростъ ему дастся не болѣе одного аршина, и самыя лошади будутъ не болѣе зайца. Наконецъ ужасныя бѣдствія истребятъ почти всѣхъ живущихъ; послѣ чего земля очистится огнемъ и водою и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. Люди получатъ опять долголѣтіе и, слѣдуя внушеніямъ добродѣтельнѣйшаго *Бурхана Майдри*, — который долженъ поступить тогда вмѣсто Шакджимуни и удивить смертныхъ своими совершенствами, величіемъ, сіяніемъ и красотою, — пріобрѣтутъ возможность пользоваться возрастомъ до осьмидесяти тысячъ лѣтъ, и, что всего важнѣе, въ этомъ вѣкѣ будутъ владычествовать на землѣ уже не мущины, а женщины.

Все описанное здѣсь относительно земныхъ событій подлежитъ еще особому изъясненію. По ученію Ламайскому, существованіе міра полагается безконечнымъ; но безпредѣльность таковая имѣетъ періоды, называе-

мые *Галъ-апъ*, огненное истребленіе (*). Каждый періодъ содержитъ въ себѣ седмью семь (49) малыхъ эпохъ или галаповъ, изъ коихъ каждые семь огненные сопровождаются осьмымъ изъ воды — потопомъ; всѣ же вообще заключаются разрушеніемъ міра: *Галапъ Эргиху*. Независимо отъ сего помянутое число галаповъ, въ началѣ, продолженіи и окончаніи оныхъ, раздѣляется на четыре степени: 1-я.) *Аха-галапъ* т. е. главный или старшій галапъ, объемлющій время уменьшенія вѣка человѣческаго отъ 80 т. до 10-ти лѣтъ; 2-я.) *Эбдереху галапъ* т. е. галапъ разрушительный, въ продолженіе коего на землѣ все истребляется; 3-я.) *Хоосунъ галапъ* т. е. галапъ пустой, или время пустоты на землѣ; и 4-я.) *Тохтоху галапъ*, знаменующій возстановленіе, ибо къ сему галапу относится время, когда буря возвращаетъ изъ ада души для новаго населенія земли.

(*) *Галъ* по Калмыцки огонь, *апъ* возьми.

Ученіе Вѣры.

Калмыки хотя не нарицаютъ Творца вселенной ни какимъ особеннымъ именемъ, но за всѣмъ тѣмъ они не рѣдко упоминаютъ „существо всевидящее, непостижимое, невидимо всемъ управляющее, духомъ святымъ преображеніе имѣющее и спасающее всѣхъ животныхъ“ (*). При сихъ высокихъ понятіяхъ о Богѣ, не умѣя представить себѣ идеала, который являлъ бы зрѣнію подобіе непостижимаго, народъ Калмыцкій, согласно ученію вѣры онаго, воздаетъ божескія почести *Бурханамъ*, добрымъ и злымъ, имѣющимъ будто-бы ближайшее вліяніе на судьбу міра. Исторія сихъ Бурхановъ, раздѣленіе между ними власти, ихъ свойства и даже самыя изображенія представляютъ весьма близкую картину языческой миѳологіи.

Слѣдующіе изъ Бурхановъ считаются главными:

(*) Сими словами начинается сообщенная мнѣ на Калмыцкомъ языкѣ бумага, писанная о вѣрѣ однимъ изъ высшихъ лицъ Калмыцкаго духовенства.

1.) *Шакджимуни*, онъ же и *Бакши* т. е. учитель. Онъ, какъ основатель вѣры, почитается источникомъ святыни и изображается сидящимъ по Калмыцкому обыкновенію, сложа ноги, правую руку имѣетъ опущенною, а въ лѣвой, прижатой къ поясу, держитъ чашу съ аршаномъ (животворною водою); чрезъ плечо у него находится перевязь (оркимджи).

Древнее Монголо-Калмыцкое Уложеніе начинается молитвою къ нему въ сихъ выраженіяхъ: „Яко пучина великаго моря всѣми добродѣтелями исполнившемуся, и тѣми украсившемуся, и самою вѣрою безплотнымъ уподобившемуся, и три существа въ себѣ вмѣстившему, и обо всемъ вѣдѣніе и самодержавную власть получившему — Шакджимуни Ламѣ поклоняемся.“

2.) *Манцзошири*, нестарѣющійся или вѣчный. Сей Бурханъ, какъ изложено выше, былъ на землѣ еще прежде Шакджимуни и онъ же, будучи нѣкогда Хубилганъ, т. е. перерожденный, съ именемъ *Ямандаги* побѣдилъ *Эрликъ-Хана*. Посему изображенія его различны: въ первомъ случаѣ представляется онъ съ наруж-

ностію божества добраго, а въ другомъ — ужаснаго.

3.) *Майдри*, Бурханъ долженствующій послѣ Шакджимуни управлять міромъ. Изображенію его, съ особенною тщательностію, придается видъ совершенства; ибо его описываютъ блестящими красками. Иногда представляется онъ съ четырьмя лицами и десятью руками, имѣя въ одной изъ сихъ послѣднихъ чашу аршана, а въ другой очиръ (скиптръ или жезлъ).

4.) *Абида*, Бурханъ завѣдующій раемъ. Онъ изображается похожимъ на Шакджимуни, съ тою только разницею, что чашу съ аршаномъ держитъ обѣими руками.

5.) *Нидуберъ Узюкчи*, — всевидящій. Соотвѣтственно своему названію, Бурханъ сей имѣетъ множество головъ, одна на другую пирамидально поставленныхъ, и сверхъ того нѣсколько рукъ снабженныхъ различными магическими знаками.

6.) *Эрликъ-Ханъ*, судья всѣхъ мертвыхъ и повелитель ада (*). Изображеніе сего Бур-

---

(*) Онъ же называется иногда *Цоирджилъ*, или *Махалага*.

хана есть образецъ всего ужаснаго и отвратительнаго. Голова его окружена пламенемъ и увѣнчана мертвыми человѣческими головами; въ одной рукѣ у него *очиръ*, а въ другой колокольчикъ, употребляемый Калмыками при богослуженіи, ногами подавляетъ какого-то злаго духа. Нѣкогда самовластно присвоилъ было онъ себѣ владычество въ странахъ міра вышняго, но побѣжденный Ямандагою получилъ въ удѣлъ царство тьмы.

7.) *Оточе-Бурханъ*, богъ врачевства. Въ изображеніи подобенъ онъ Шакджимуни, исключая того, что не имѣетъ въ рукахъ чаши.

8.) *Дайчинъ*, богъ брани. Его представляютъ всадникомъ.

9.) *Хурмуста*, защитникъ или хранитель земли. Хурмуста, обитающій съ 33-мя подвластными ему Тенгеріями на высотахъ Сюмеръ-улы, есть благодѣтельный духъ, пекущійся о всѣхъ тваряхъ. Онъ изображается въ видѣ старца, разъѣзжающаго на слонѣ, который называется: *Газыръ Сакикчи Кюбенъ*, т. е. мальчикъ, сынъ защитника земли. Слонъ

сей отличается необыкновенною бѣлизною шерсти и огромностію; ибо вышина и длина его полагается въ нѣсколько верстъ. Пасется онъ въ очаровательной долинѣ и утоляетъ жажду водою, сладкою какъ медъ. Особенное свойство сего животнаго состоитъ въ томъ, что при отправленіи Хурмусты въ путь, оно получаетъ 33 красныя головы, изъ коихъ на каждой по 6-ти хоботовъ; на всякомъ хоботѣ по 7 бассейновъ; въ каждомъ бассейнѣ растетъ по стольку же (т. е. по 7) водяныхъ лилій; а на сихъ лиліяхъ сидятъ воздушныя дѣвы, которыя поютъ и ударяютъ въ литавры. Между тѣмъ самъ Хурмуста помѣщается на средней головѣ слона, уступая прочія 33 сопутствующимъ ему Тенгеріямъ.

10.) *Очирбани.* Во власти сего Бурхана, обитающаго на пустынномъ хребтѣ горъ, состоятъ бури, непогоды и облака. Слѣдовательно его можно сравнить съ Бореемъ.

Сверхъ сего къ сонму боговъ надлежитъ причислить Тенгери, имѣющаго нѣкоторое

сходство съ Юпитеромъ. Сей Тенгери, съ начала весны, лѣтомъ и осенью разъѣзжаетъ по воздуху верхомъ на какомъ-то чудовищѣ, называемомъ *Лоу-Ханъ*, и посылаетъ на землю громовыя стрѣлы, употребляя при семъ рога Лоу-Хана вмѣсто лука. Когда онъ натягиваетъ тетиву, то Лоу-Ханъ, отъ сильной боли, производитъ ужасный ревъ и испускаетъ ртомъ пламя, а отъ сего происходятъ громъ и молнія. Въ зимнее время Лоу-Ханъ покоится въ глубинѣ морей.

Послѣ Бурхановъ невидимыхъ, пользующіеся правами божескими на землѣ представители ихъ: *Далай Лама и* вообще всѣ *Ламы*; за ними же слѣдуютъ Тенгеріи обоего пола (добрые духи), кои, рождаясь отъ взаимныхъ лобзаній и даже отъ взоровъ, или одной улыбки любви, существуютъ не только десятки, но цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ и изчезая вселяются въ благочестивыхъ людей.

Солнце, луна и звѣзды, какъ жилища Тенгерій, и даже огонь, равномѣрно принадлежатъ къ предметамъ обожанія.

Обширныя преданія о подвигахъ Бурха-

новъ, ихъ непорочности и стяжанномъ величіи, и наконецъ ученіе Шакджимуни, — написанныя въ огромныхъ книгахъ, заключаютъ въ себѣ *Номъ*, т. е. законъ Калмыцкой вѣры.

Въ тѣсномъ смыслѣ вся сущность сего закона выражается символическими словами: *Гурбунъ-Эрдени*, т. е. тройственная драгоцѣнность или святыня, въ соединеніи коей Калмыки разумѣютъ: *Божество*, *Законъ* (писаніе) и *Духовенство*.

Далѣе предписываются подробныя правила, основанныя на раздѣленіи *добра и зла* и чистотою понятій внушающія справедливое удивленіе. Главнѣйшія изъ сихъ правилъ, коихъ десять, указываютъ дурныя дѣла (грѣхи) въ слѣдующемъ порядкѣ: а.) грѣхи приписываемые произволу: 1.) *ами тасалху*, — убійство, отнятіе жизни; 2.) *Кючеръ - Абху* — всякое насиліе; 3.) *Тачанку Седкель*, — всякое тѣлесное оскверненіе. b.) Грѣхи происходящіе отъ языка или словъ: 4.) *Шюрюнъ* или *Докшинъ - Ёгё* — злословіе; 5.) *Цалга - Ёгё* празднословіе; 6.) *Алгіязъ*, или *Худулъ*, — клевета, ложь; 7.) *Хопъ*, — смуты, подстреканія. и с.) Грѣхи душевные 8.) *Хоб-*

доголху, — зависть; 9.) *Хоролху-Секдиль*, — мщеніе; и 10.) *Буру-Ӧзюль*, — безбожіе, непризнаніе святости закона.

Воспрещая сіи пороки, Калмыцкая религія строго повелѣваетъ наблюдать противуположныя онымъ добродѣтели и обѣщаетъ по смерти за дѣла добрыя награды, а за худыя — наказаніе. Отсюда слѣдуетъ толкованіе о душѣ и о мѣрахъ воздаянія.

Души людей, совершенно непорочныхъ, или занимавшихъ высшій санъ духовный, по отлученіи отъ тѣла, немедленно переселяются въ жилище блаженства; но, за исключеніемъ оныхъ, всѣ прочія представляются на судъ грознаго *Эрликъ-Хана*. Здѣсь, соображаясь съ книгою дѣлъ человѣческихъ: *бе алтанъ толи*, т. е. золотое волшебное зеркало, сравнивая число пороковъ съ числомъ добродѣтелей и въ случаѣ сомнительномъ взвѣшивая тѣ и другія на вѣсахъ, Эрликъ-Ханъ дѣлаетъ свои опредѣленія, по которымъ души получаютъ различныя назначенія: однѣ изъ нихъ отправляются къ Бурханамъ; другія поступаютъ въ число добрыхъ Тенгерій; третьи въ число злыхъ духовъ; четвертыя

возвращаются на землю, будучи поселяемы или возраждаемы въ людяхъ или безсмысленныхъ тваряхъ, и наконецъ пятыя осуждаются на мученія.

По окончаніи процесса, который совершается по смерти въ продолженіе 49 дней, души, согласно назначенію, препровождаются въ свои мѣста; для чего отъ жилища Эрликъ-Хана устроены три дороги: золотая, серебряная и желѣзная.

Первая (т. е. золотая) ведетъ на небеса въ царство Абида, гдѣ въ очаровательныхъ странахъ, въ чертогахъ, сооруженныхъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, среди цвѣтовъ, дышащихъ ароматами и орошаемыхъ источниками аршана, покоятся Бурханы, раздѣляя блаженство съ праведными.

Вторая дорога (серебряная) пролегаетъ къ жилищу Тенгерій, на высоты Сюммеръ-улы, гдѣ тѣ же наслажденія достаются въ удѣлъ людямъ добродѣтельнымъ.

Третья дорога (желѣзная) — есть путь адскій. Дорога сія проведена надъ пространнымъ моремъ, составленнымъ изъ всѣхъ нечистотъ, и имѣетъ такое свойство, что

подъ ногами тѣхъ изъ осужденныхъ, кои пренебрегли въ жизни хотя что либо изъ *Гурбунъ-Эрдени*, дѣлается чрезмѣрно тонкою, разрывается и ввергаетъ несчастныхъ въ отвратительную влагу.

Самый адъ состоитъ изъ 18-ти отдѣленій, окружающихъ жилище Эрликъ-Хана. Сими отдѣленіями завѣдываютъ особенныя злыя существа, называемыя *Эзѣдъ* (смотритель), кои имѣютъ головы козлиныя, змѣиныя и другихъ звѣрей и чудовищъ, и вообще представляются ужасными.

Безбожники, неуважавшіе духовенства, убійцы (лишавшіе жизни безъ нужды не только людей, но и насѣкомыхъ), тираны, клятвопреступники и прочіе злодѣи и грѣшники, терпятъ въ аду, по мѣрѣ преступленій, различныя наказанія. Тамъ безпрерывно растираютъ ихъ жерновыми каменьями; варятъ въ котлахъ; жарятъ на вертелахъ; разрываютъ желѣзными крючьями; толкутъ въ ступахъ; морозятъ среди вѣчныхъ льдовъ; заставляютъ плавать въ кровавыхъ моряхъ и проч. Богатые, которые проводя жизнь въ пресыщеніи, презирали бѣдныхъ и оставляли безъ

помощи, наказываются подобно Танталу тѣмъ что имѣя передъ глазами пищу, не могутъ ею пользоваться: ибо они превращаются въ уродовъ съ огромною головою и маленькимъ, не болѣе иголочнаго ушка, ртомъ; шея у нихъ дѣлается тонкою какъ волосъ, и въ добавокъ ко всему, брюхо величиною съ гору, поддерживается ногами не толще спичекъ.

Домашнія животныя, дикіе звѣри и всѣ твари равномѣрно подвергаются наказаніямъ ада, если они, вмѣщая въ себѣ души людей, ведутъ себя худо. Наказанія сіи состоятъ въ томъ, что злые звѣри раздираютъ другъ друга; лѣнивыя животныя изнуряются перевозкою тяжестей; прожорливыя непрерывно ѣдятъ безъ утоленія голода, и т. д.

Пребываніе въ аду по закону Калмыцкому не вѣчно; но сроки для сего назначаемые почти безпредѣльны. Впрочемъ отъ добрыхъ Бурхановъ иногда зависитъ сокращать время мученія и освобождать души, особенно такихъ людей, кои, въ теченіе жизни уважая духовенство, приносили оному обильныя жертвы, и читали, списывали и имѣли при себѣ духовныя книги, изъ коихъ полезнѣйшею въ

семъ случаѣ считается одна, называемая *Доржо Джотбо*. Кромѣ сего частое повтореніе молитвы: *омъ ма ни патъ ме хоумъ*, при перебираніи четокъ (*эркинъ*), по мнѣнію Калмыковъ избавляетъ ихъ отъ всѣхъ несчастій, какъ въ жизни, такъ и по смерти.

Праздники и обряды богослуженія.

Въ каждомъ мѣсяцѣ Калмыки постоянно празднуютъ 8-е, 15-е и 30-е числа. Въ сіи дни, называемые *мацакъ* и посвящаемые молитвамъ и благочестію, Калмыцкое духовенство не употребляетъ ни какой пищи кромѣ молочной, что наблюдаютъ нѣкоторые и изъ свѣтскихъ; вообще же всѣ Калмыки считаютъ тогда за величайшій грѣхъ лишить жизни какое бы то ни было животное или насѣкомое (*).

Но въ продолженіе года бываютъ въ Калмыцкомъ народѣ три главные праздника:

(*) Въ мацаки ни одинъ Калмыкъ не дастъ ножа и ни какого орудія, если узнаетъ, что они нужны для зарѣзанія чего либо въ пищу.

цаганъ-сара, въ первыхъ числахъ Февраля, въ день рожденія луны; *юрюсь-сара*, въ концѣ Мая или началѣ Іюня; и *зулу-сара* въ Ноябрѣ мѣсяцѣ.

Цаганъ-сара (бѣлый мѣсяцъ) продолжается семь дней и считается особенно важнымъ, сколько по цѣли учрежденія онаго, въ память побѣды, одержанной однимъ Бурханомъ надъ злымъ духомъ, столько и потому, что съ сего времени начинается у Калмыковъ весна и они, оставляя зимнія кочевья, выходятъ изъ состоянія оцѣпенѣлости. Въ цаганъ-сару Калмыки, встрѣчаясь между собою, оказываютъ всѣ знаки радости и взаимно дарятъ другъ друга, или мѣняются различными вещами, фруктами и деньгами.

Юрюсь-сара, праздникъ лѣтній, въ который хурулы и всѣ кибитки украшаются зеленью изъ травы и древесныхъ вѣтвей. Сверхъ того Гелюнги, изъ приносимой къ нимъ въ сіе время Калмыками муки, приготовляютъ круглые, къ верху нѣсколько острые хлѣбы, съ изображеніемъ *очира* (жезла), имѣя для сего нарочно сдѣланныя формы. Хлѣбы сіи ста-

вяшся предъ Бурханами и потомъ, въ видѣ жертвоприношенія, пускаются въ воду.

Зула-сара, праздникъ зимній, бывающій предъ наступленіемъ, по Калмыцкому изчисленію, новаго года, 25 Ноября. Въ этотъ день во всѣхъ хурулахъ и въ каждой кибиткѣ возжигается предъ Бурханами коровье масло.

Сверхъ сего въ осеннее время празднуется *Галь-таяхо* — жертвоприношеніе огню, при чемъ каждый Калмыкъ, убивая барана или другое изъ домашнихъ животныхъ, отрѣзываетъ отъ каждаго члена онаго лучшія части и кладетъ въ огонь на сожженіе. Полагая, что самое солнце есть огонь и слѣдовательно считая стихію сію источникомъ теплоты въ мірѣ, Калмыки приносятъ означенныя жертвы осенью, вѣроятно для того, чтобы теплота не оставляла ихъ въ продолженіе наступающихъ зимнихъ мѣсяцевъ и сохраняла отъ гибели стада, единственное ихъ благосостояніе (*).

(*) Калмыки считаютъ за большой грѣхъ лить въ огонь воду или другую жидкость, полагая, что это раздражаетъ обѣ стихіи. Напротивъ, остатки костей, мяса и т. п. бросаютъ всегда въ огонь, какъ будто въ пищу пламени.

Въ простые дни, если нѣтъ особенныхъ пожертвованій отъ больныхъ, богослуженіе Калмыцкое отправляется по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ день; въ мацаки трижды: рано по утру, въ полдень и вечеромъ; а въ помянутые большіе праздники продолжается цѣлые дни почти безпрерывно.

Мѣстомъ богослуженія во всякомъ улусѣ есть *кюря* или *хуруль* (родъ монастыря). Подъ словомъ хурулъ разумѣютъ иногда собственно одну кибитку, назначенную для моленія, называя кюрею особыя жилища духовенства, а иногда неправильно именуютъ хуруломъ вообще и то и другое; впрочемъ для кибитки посвященной молитвамъ есть названіе приличнѣйшее: *бурхани орьгэ*, т. е. жилище Бурхановъ. Въ каждой изъ такихъ кибитокъ на первомъ мѣстѣ противъ двери устроивается возвышеніе, на которомъ помѣщаются истуканы Бурхановъ, литые изъ мѣди и густо вызолоченные, (зимою одѣваемые въ теплое платье). За ними бываютъ развѣшены такія же изображенія, писанныя Китайскою живописью на шелковыхъ тканяхъ. Предъ возвышеніемъ ставится столъ для жертвенныхъ приноше-

ній. На семъ столѣ представляются искусно сдѣланныя изъ серебра цвѣты, лиліи; а между ними Тибетскія курительныя свѣчи и множество серебряныхъ сосудцевъ, наполненныхъ: коровьимъ и деревяннымъ масломъ, медомъ, сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, мукою, сухими фруктами, пряниками и т. п. Посреди же всего этого имѣетъ мѣсто серебряный сосудъ въ видѣ вазы, украшенный павлиными перьями и сохраняющій въ себѣ аршанъ — воду подслащеную сахаромъ и подкрашенную шафраномъ (*); отъ помянутаго жертвеннаго сто-

---

(*) *Аршанъ*, приготовляемый съ особенными молитвами, почитается священною водою, и Гелюнги даютъ онаго по нѣскольку капель Калмыкамъ: больнымъ для изцѣленія, а здоровымъ для охраненія отъ всякаго вреда. Происхожденіе аршана весьма занимательно: Бурханы Манцзошири, Шакджимуни и Майдри, разсуждая нѣкогда о средствахъ сообщить людямъ безсмертіе, составили животворную воду (аршанъ); но когда они отлучились искать для сей же влаги ароматическихъ растеній, то *Эрликъ* (злой духъ), выпивъ помянутую воду, бывшій съ оною сосудъ наполнилъ нечистотою. (По словамъ другихъ Эрликъ успѣлъ сдѣлать сіе въ присутствіи самихъ Бурхановъ, въ то время когда они сидѣли, по Калмыцкому обыкновенію, въ благоговѣйномъ положеніи — съ закрытыми глазами). Симъ случаемъ Бурханы приведены были въ недоумѣніе: они долго не знали что предпринять, и полагая, что если нечистоту выплеснуть на воздухъ или вылить на землю, то отъ

ла по направленію къ дверямъ разстилаются въ два ряда кошмы и ковры для засѣданія духовенства.

Время моленія возвѣщается звуками трубъ или бубенъ. Услыша сіи призывные звуки, Гелюнги, въ красныхъ и желтыхъ кафтанахъ, съ такими же чрезъ плечо перевязями (оркимджи) и съ четками въ рукахъ стекаются къ кибиткѣ *бурханц орьгэ* и по старшинству, слѣдуя одинъ за другимъ, долго ходятъ (по теченію солнца) около жилища своихъ боговъ; при чемъ, проходя мимо дверей, дѣлаютъ по три земныхъ поклона. Совершивъ такимъ образомъ нѣсколько круговъ, и снявъ обувь, вступаютъ они босыми ногами въ кибитку, берутъ принадлежащіе каждому инструменты духовной музыки, и съ непокровенными головами садятся на свои мѣста, одни противъ другихъ въ двѣ линіи. Въ слѣдъ за симъ изъ общей кухни приносится къ нимъ

сего истребится все живущее — рѣшились выпить оную сами. Подвигъ сей хотя не причинилъ вреда Бурханамъ, однако же у одного изъ нихъ, которому досталось выпить остатки, лице сдѣлалось навсегда синимъ. Исторія сія по видимому имѣетъ связь съ исторіею злаго духа, производящаго затмѣніе солнца и луны.

огромный ушатъ Калмыцкаго чаю или будану. Частицу принесеннаго главный жрецъ вливаетъ въ сосудъ и оставляетъ предъ Бурханами; а потомъ начинается братская трапеза, въ продолженіе коей нѣсколько служителей, имѣя въ рукахъ деревянные уполовники, едва успѣваютъ наполнять чашки, съ неподражаемымъ проворствомъ Гелюнгами опорожниваемыя (*). Такимъ образомъ удовлетворивъ сперва аппетиту, Гелюнги приступаютъ къ богослуженію, которое состоитъ попеременно — въ пѣніи и музыкѣ. Духовное пѣніе ихъ довольно согласно и благозвучно; что же касается до музыки, то въ ней соединено все, что только можетъ раздирать слухъ и душу. Инструменты, при семъ употребляемые: a) *хонхо*, колокольчики не много менѣе почтовыхъ; b) *цангъ*, разной величины мѣдныя блюды, литыя съ частію серебра и имѣющія назади ручки; c) *гандама*, не большія трубы, сдѣланныя изъ человѣческихъ берцовыхъ костей,

(*) Гелюнги, безъ особенной крайности, изъ чужихъ чашекъ пищи не употребляютъ, имѣя всегда при себѣ собственныя. Чашка, чернильница и мѣдный пузырекъ съ аршаномъ — суть необходимыя принадлежности каждаго Гелюнга.

оправленныя серебромъ и перевязанныя человѣческими же волосами; d) *кенгерге*, въ родѣ литавръ или Турецкихъ барабановъ; e) *дунгъ*, большія морскія раковины, въ серебряной оправѣ и безъ оной; f) *бишкюръ*, трубы въ видѣ гобоевъ и g) *бюря*, огромныя мѣдныя трубы, длиною аршина въ три, съ широкими на подобіе волторнъ отверстіями. Когда весь сей оркестръ дѣйствуетъ, то звонъ колокольчиковъ, удары блюдъ, громъ литавръ, дикій ревъ трубъ, и пронзительные звуки раковинъ, сливаясь вмѣстѣ, приводятъ душу въ содроганіе и оставляютъ столь сильное впечатлѣніе, что эта, можно сказать, адская ораторія (*), при каждомъ воспоминаніи объ ней отзывается въ ушахъ и тревожитъ чувства. Кромѣ описанныхъ инструментовъ, Гелюнги молятся посредствомъ особой машинки—*кюрдэ*, которая, имѣя сходство съ утвержденнымъ на шпилѣ барабаномъ, приводится шнуромъ въ движеніе. Наружность сего барабана бываетъ украшена разными, краскою написанными, Тангутскими молитвами, наполняющими и

(*) Такая музыка гремитъ безпрестанно въ жилищѣ Эрликъ Хана.

внутренность онаго. Калмыки считают, что верченіе такой машинки замѣняет чтеніе молитв, и когда один Гелюнг дѣйствует шнуром, то другіе вмѣстѣ с ним повторяют едва слышным голосом слова: *ом ма ни пать ме хоум*. Подобныя машинки за большую цѣну пріобрѣтаются от духовенства и свѣтскими людьми, как рѣдкій способ — молиться не молясь: ибо независимо от шнура к нѣкоторым *кюрдэ* придѣлываются еще маленькія крылья, и кому лѣнь или не когда дергать за шнур, тот может выставлять *кюрдэ* на воздух, предоставляя приводить молитвы в пользу его в движеніе вѣтру. В большіе праздники, привлекающіе в хурулы Гелюнгов до пяти сот и болѣе, к обыкновенной церемоніи богослуженія прибавляется то, что старшія духовныя лица отправляют оное в жертвенных одеждах. Для сего каждый из них надѣвает короткую краснаго цвѣта юбку и опоясывается широким желтым поясом; далѣе возлагает на себя, по голому тѣлу, красное безрукавное, не длиннѣе как до пояса, платье, у коего на боках оста-

влены парчевыя полосы, а на спинѣ нашитъ такой же четвероугольный знакъ. Потомъ, съ лѣваго плеча подъ правую руку надѣваются три покрывала желтаго и краснаго цвѣта. На головѣ у нихъ бываетъ красная шапка на подобіе вѣнца, съ изображеніемъ на острыхъ концахъ оной Бурхановъ и съ привѣшенною назади изъ чернаго шелку косою, коей части распускаются чрезъ плеча на грудь. Надъ ушами отъ сей же шапки висятъ разноцвѣтныя парчевыя ленты, длиною въ аршинъ, а шириною вершка въ два. Ноги, руки (до плечь) и грудь остаются обнаженными.

Ламы, по важности ихъ, совершаютъ богослуженіе очень рѣдко и въ торжественныхъ случаяхъ показываются народу не иначе, какъ поддерживаемые на носилкахъ, покрытыхъ богатыми коврами. Въ кибиткахъ, гдѣ они живутъ, въ меньшемъ видѣ устроено все такъже, какъ и въ *бурхани орьгэ*, и проходящіе съ благоговѣніемъ покланяются предъ оными до земли. Уваженіе Калмыковъ къ симъ особамъ простирается до того, что въ Харахусовскомъ улусѣ, по смерти Ламы, жилище его со

всею утварью и одеждою перевозится на кочевкахъ вмѣстѣ съ *бурхани орьгэ*: въ ней устроенъ занавѣсъ, за которымъ, какъ думаютъ Калмыки, невидимо присутствуетъ самъ умершій Лама.

Простой народъ, и вообще люди свѣтскіе, не принимаютъ въ богослуженіи другаго участія кромѣ того, что ходятъ кругомъ *бурхани орьгэ* и въ честь боговъ усердно питаютъ Гелюнговъ различными жертвами. Женщинамъ входить въ *бурхани орьгэ* ни въ какое время не дозволяется.

Въ дополненіе къ сему описанію прилагается рисунокъ, снятый съ натуры и представляющій внутреннее расположеніе *бурхани орьгэ*, молящихся Гелюнговъ, всѣ ихъ инструменты и сверхъ того изображенія главнѣйшихъ Бурхановъ.

ГЛАВА IX.

НРАВЫ.

Сравнивая Калмыковъ съ прочими кочевыми племенами и вообще Азіатскими народами, находишъ между нравами шѣхъ и другихъ великую разницу.

Калмыкъ слѣпо покоренъ волѣ высшихъ; но покоренъ безъ униженія. Если онъ проситъ о чемъ нибудь, шо говоришъ просто, не зная поклоновъ и не измѣняя ни вида, ни голоса, шакъ, чшо просьба его бываешъ болѣе похожа на шребованіе.

Гордосшь или надменносшь, сшоль же какъ и униженіе, Восшочнымъ народамъ свойсшвенныя, среди Калмыковъ, изключая владѣльцевъ, кажешся вовсе неизвѣсшны. Бѣд-

нѣйшій изъ нихъ принимается въ кибиткѣ богатаго наравнѣ съ другими; онъ также садится близъ хозяйскаго котла, и если тутъ нѣтъ никого старѣе его лѣтами, то ему подается первая чашка чаю или будану. Говоря о бѣдныхъ Калмыкахъ пріятно сказать, что они, при всей крайности, не имѣютъ привычки бродить за милостынею и всегда находятъ средства жить въ своихъ хотонахъ, около людей избыточныхъ.

Гостепріимство у нихъ есть добродѣтель не только освященная обычаями, но и предписанная законами. Всякій пріѣзжающій въ улусъ входитъ прямо въ любую кибитку и вездѣ встрѣчаетъ одинаковый пріемъ: хозяева тотчасъ приготовляютъ для него чай, или рѣжутъ барана, хотя такое вниманіе бываетъ иногда гостю и тягостно. Къ изъясненію сего приведу слѣдующій случай: въ одномъ улусѣ, Зайсангъ N N. убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нему въ хотонъ и прислалъ за мною верховыхъ лошадей. Желая удовлетворить просьбѣ его, а болѣе собственному любопытству: видѣть домашній бытъ Калмыцкаго вельможи, имѣющаго ай-

мачныхъ до 300 кибитокъ, я отправился къ нему въ сопровожденіи переводчика и, за отсутствіемъ хозяина, принятъ былъ его супругою, женщиною лѣтъ 18-ти, пріятной наружности. Она сидѣла на небольшемъ, покрытомъ коврами возвышеніи, которое служило ступенью къ постелѣ. Одежда ея состояла изъ покрытой парчею лисьей шубы и изъ такой же на головѣ шапки; двѣ длинныя косы довершали сей пышный костюмъ. При входѣ моемъ въ кибитку, *Эрдени* (*) (имя хозяйки) привѣтствовала меня легкимъ наклоненіемъ головы, и сказавъ чрезъ переводчика, что мужъ скоро будетъ, просила садиться. Между тѣмъ не замедлилъ явиться и самъ Зайсангъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, прекрасный собою, живой и пылкой, но къ сожалѣнію ни слова не понимающій по Русски. Извинясь въ своемъ отсутствіи, онъ съ искренними знаками радушія заботился угостить меня Русскимъ, то есть обыкновеннымъ, чаемъ, увѣряя, что вода въ его худукѣ не такъ солона и горька, какъ въ

(*) Т. е. Драгоцѣнность.

другихъ. „Но умыселъ иной тутъ былъ“ — онъ хотѣлъ блеснуть передо мною своею образованностію, хотя послѣ вѣроятно въ томъ и раскаялся, ибо большія хлопоты служителей около самовара, покрытаго ржавчиною, показывали едва ли не первое еще здѣсь употребленіе сего премудренаго сосуда. Сначала бѣдные Калмыки долго шумѣли между собою, ворочая самоваръ во всѣ стороны; но наконецъ ухитрились: кругомъ трубы, гдѣ наливается вода, наложили угольевъ, а въ трубу налили воды! Зайсангъ, видя худые успѣхи, жаловался, что теперь нѣтъ при немъ людей, которымъ дѣло сіе извѣстно, и переводчикъ мой, принявъ главное по сей части распоряженіе уже на себя, устранилъ дальнѣйшія затрудненія. Самоваръ былъ готовъ и Калмыкъ, по порядку обмывъ чайныя чашки, вытеръ взятымъ изъ шапки его платкомъ, до того запачканнымъ, что не льзя было опредѣлить настоящаго его цвѣта! Дорого заплатилъ-бы я за то, чтобы избавиться отъ этого чая; но переводчикъ увѣрилъ меня, что отказаться отъ сего, значитъ оскорбить хозяина, и я изъ вѣжливо-

сти долженъ былъ проглотить двѣ чашки самой отвратительной микстуры. Провожая меня, Зайсангъ приказалъ Гелюнгу, занимающему при немъ должность Совѣтника и Секретаря, записать мой чинъ, имя и фамилію и подарилъ мнѣ пойманнаго его балабанами лебедя (*).

Но пора возвратится къ своему предмету. Кромѣ гостепріимства Калмыки обязательны и между собою въ жизни общественной. На примѣръ: если у Калмыка падетъ верблюдъ, лошадь и тому подобное, или онъ зарѣжетъ что нибудь изъ домашняго скота, то къ нему будто на праздникъ собираются всѣ сосѣди и онъ усердно ихъ угощаетъ, несмотря на то, что послѣ самъ терпитъ недостатокъ въ пищѣ. Равнымъ образомъ если изъ находящихся вмѣстѣ десяти Калмыковъ, одному даны будутъ въ подарокъ деньги, пища, табакъ или что нибудь другое,

(*) Нѣкогда лебеди считались у предковъ нашихъ лучшимъ кушаньемъ и даже принадлежностію Царскаго стола. Я въ степяхъ, по необходимости, питался ими, и не нашелъ въ нихъ ничего пріятнаго: мясо ихъ грубо и тяжело для желудка.

въ какомъ бы то количествѣ ни было, получившій непремѣнно раздѣляетъ все съ товарищами по равной части.

Полная свобода женщинъ и худая оцѣнка со стороны Калмыковъ добродѣтелей прекраснаго пола, не подаетъ повода къ разрушенію въ семъ народѣ благонравія. Напротивъ того, тамъ не найдешъ примѣра, который гласностію непозволительныхъ связей, или явнымъ пренебреженіемъ цѣломудрія, служилъ бы для другихъ открытымъ соблазномъ. Вообще о Калмыкахъ можно сказать, что они при самой полудикости ихъ, во всемъ томъ, что представляется порокомъ или неблагопристойностію, стараются быть осторожными.

Впрочемъ, будучи склонны къ пьянству и воровству, они сохраняютъ слабости сіи въ нравахъ, какъ будто врожденныя и по видимому даже не считаютъ ихъ въ числѣ пороковъ или преступленій; ибо въ пользу невоздержанія въ самомъ степномъ уложеніи помѣщена особая статья, освобождающая пьяныхъ отъ всякой отвѣтственности за нарушеніе нѣкоторыхъ приличій; а воровство производимое

взаимными отгонами скота, Калмыки донынѣ называютъ не болѣе какъ шалостью, или удальствомъ молодечества.

Ссоры и драки между Калмыками также довольно обыкновенны, но они всегда скоро прекращаются, не оставляя ни какихъ послѣдствій; изъ чего, равно какъ и изъ прочихъ наблюденій, видно, что духъ мщенія и непримиримости, обладающій всѣми Азіатцами, для Калмыковъ чуждъ совершенно.

Лѣность и празднолюбіе на каждомъ шагу въ семъ народѣ встрѣчаемыя, суть свойства общія всѣмъ кочующимъ племенамъ, и проистекаютъ собственно отъ того, что племена сіи, занимаясь скотоводствомъ и почти безъ всякихъ заботъ находя въ ономъ достаточныя средства къ своему существованію, не имѣютъ побудительныхъ причинъ знакомиться съ трудами и дѣятельностію. Впрочемъ тѣ изъ Калмыковъ, коихъ нужды заставляютъ наниматься у Астраханскихъ рыбопромышлениковъ, доказываютъ собою, что помянутыя свойства не сообщаютъ имъ слабой изнѣженности и не лишаютъ способности переходить къ трудамъ, такъ, что они

по крѣпости силъ, проворству и усердію считаются лучшими работниками.

Здѣсь приходитъ чреда съ сожалѣніемъ замѣтить, что двухъ-вѣковое пребываніе Калмыковъ въ предѣлахъ Россіи, слишкомъ мало подѣйствовало на улучшеніе нравовъ сего народа, и что Калмыки не принявъ доселѣ ничего полезнаго и хорошаго, переняли только дурное и вредное, а именно: сдѣлались страстными любителями картёжной игры (*) и получили наклонность къ тяжбамъ и ябедамъ, составляющимъ главныя причины настоящей ихъ бѣдности, которая порождаетъ уже грабежи и убійства, тогда, какъ до сего подобныя преступленія между ними были чрезвычайно рѣдки.

Между прочимъ особенною чертою характера Калмыковъ, есть суевѣріе, коему преданы они въ высшей степени и которое поддерживается въ нихъ ученіемъ духовенства. Въ глазахъ Калмыка весь міръ представляется

(*) Употребительнѣйшія между ними игры: 1 (*горька*) горка; 2) *долонъ цасунъ* (7-мь взятокъ); 3) *марья* (марьяжъ); 4) *панбиль* (панфилъ); 5) *цыхра* (Армянская игра безъ козырей); сверхъ сего есть и другія игры интересныя и азартныя. Кар-

полнымъ очарованій; самые обыкновенные случаи въ жизни и даже явленія природы, на примѣръ: бури, громъ и тому подобное кажутся имъ дѣйствіями сверхъ-естественными. Такимъ образомъ приписывая все Эрликамъ, повсюду преслѣдующимъ человѣчество, каждый Калмыкъ запасается противъ нихъ всѣми возможными талисманами, у Гелюнговъ покупаемыми, и сверхъ того, признавая существованіе счастливыхъ и несчастныхъ дней, ничего важнаго не начинаетъ дѣлать не посовѣтовавшись напередъ съ *Зурхачеями*, (*) которые, по ихъ увѣренію, умѣютъ постигать таинства судебъ. Неразлучно съ сими суевѣрными идеями соединяется довѣренность и къ волшебству. Калмыцкіе ворожеи (*бӧ*—колдунъ, *удугунъ* — колдунья) славятся между своими однородцами необыкновеннымъ даромъ всевѣдѣнія. Они ворожатъ различно: смотрятъ на воду, раскладываютъ чотки, но болѣе упо-

---

ты покупаются ими по большей части уже играныя, у степныхъ торговцевъ, по 1 р. и по 2 р. колода; а если кто заводитъ особую игру у себя въ кибиткѣ, то за новую колоду беретъ съ запальчивыхъ игроковъ отъ 5-ти и до 20-ти рублей.

(*) Астрологами.

требляютъ баранью кость, лопатку передней ноги, которую жгутъ на угольяхъ и по линіямъ трещинъ дѣлаютъ заключенія, примѣшивая ко всему этому странное коверканье и впадая въ изступленіе. Посредствомъ сего чародѣйства Калмыки стараются открывать похищаемый у нихъ скотъ и узнавать вообще будущее.

Далѣе замѣчательна въ Калмыкахъ неимовѣрная привязанность къ своимъ степямъ. Удаленіе отъ оныхъ навсегда ужаснѣе для нихъ самой смерти. Мнѣ извѣстны случаи, гдѣ два Калмыка, обличенные въ воровствѣ и взятые подъ арестъ, желая избавиться отъ ссылки въ Сибирь, рѣшились умертвить себя и самымъ ужаснымъ образомъ: каждый распоролъ себѣ брюхо и умеръ такимъ образомъ въ неизъяснимыхъ мукахъ, при чемъ орудіями смерти служили одному ножъ, другому — гвоздь! Съ другой стороны нельзя не удивляться привязанности ихъ къ своимъ привычкамъ. Видя зимою престарѣлыхъ людей, страдающихъ отъ холода, я представлялъ имъ счастливое состояніе Русскихъ стариковъ, которые во время бурь и непо-

годъ укрываются въ теплыхъ избахъ и спокойно поваливаются на печкахъ или полатяхъ; меня слушали съ примѣтнымъ удовольствіемъ и даже съ завистію; соглашались въ выгодахъ осѣдлой жизни; но на вопросъ: почему сами они не хотятъ сими выгодами пользоваться и изъ доброй воли терпятъ крайности? отвѣтствовали, что такъ жили ихъ предки и они слѣдуютъ ихъ примѣру.

Относительно религіи, Калмыки почти вовсе не озабочены ея правилами, ибо духовенство Калмыцкое, присвоивъ себѣ изключительное право сношеній съ Бурханами, заставляетъ простолюдиновъ знать единственно себя. А за симъ каждый Калмыкъ старается только о томъ, чтобы получить отъ Гелюнга *мани*, небольшой лоскутъ какой нибудь матеріи, который вѣшается на палкѣ внѣ кибитки, съ полною увѣренностію, что онъ имѣетъ силу отгонять прочь Эрликовъ и охранять людей отъ всякаго несчастія. Кромѣ сего залогомъ безопасности служатъ хранящіяся къ кибиткѣ Тангутскія письмена, и послѣ всего этого о чемъ Калмыку молиться? Но положимъ, что онъ, по какимъ либо про-

некамъ Эрлика, сдѣлается болѣнъ, — тогда, чтобы изцѣлиться, стоитъ только призвать Гелюнга; положимъ, что онъ даже умретъ — тогда Гелюнгъ также поможетъ, и если не возвратитъ души, то дастъ ей хорошее назначеніе, лишь было бы чѣмъ за все это заплатить. Вотъ понятія, внушаемыя несчастнымъ Калмыкамъ корыстолюбивыми Гелюнгами, для собственной пользы и оставляющія ихъ почти безъ всякой религіи.

Но и окруженные заблужденіями, нѣкоторые Калмыки пожилыхъ лѣтъ, по чувствамъ, безъ сомнѣнія болѣе или менѣе знакомымъ каждому смертному, увлекаясь порывами къ достиженію верховнаго блага, принимаютъ на себя временно, или на цѣлую жизнь, обѣты благочестія и ведутъ жизнь монашескую. Люди сего рода не отнимаютъ жизни ни у какой твари; не употребляютъ въ пищу падали, а въ *мацаки* и никакого мяса; не пьютъ горячихъ напитковъ; оставляютъ супружескія права; чуждаются свѣтскихъ удовольствій и упражняются въ чтеніи молитвъ. Они называются: мущина — *убуша*, а женщина *шабганца* или *убусанца*, и для отличія отъ

другихъ носятъ *оркимджи.* Изъ свѣтскихъ же людей иные считаютъ подвигомъ спасительнымъ вертѣть *кюрдэ,* и перебирать четки, повторяя молитву: *омъ ма ни патъ ме хоумъ.*

Наконецъ нравы Калмыковъ дополняются смѣсью хитрости, любоцытства, легковѣрія и непостоянства.

ГЛАВА X.

ОБЫЧАИ.

Рожденіе, имена и воспитаніе.

Разрѣшеніе женщинъ отъ бремени совершается въ Калмыцкихъ улусахъ, благодаря натурѣ, при пособіи однакожъ бабокъ, весьма благополучно.

Мать, разрѣшившаяся двумя младенцами, пріобрѣтаетъ право на похвалу. Новорожденнымъ, по просьбѣ родителей, Гелюнги назначаютъ такія имена, которыя должны приносить благополучіе, за что обыкновенно щедро платится. Впрочемъ это наблюдается преимущественно въ семействахъ людей зажиточныхъ, имѣющихъ средства покупать у Гелюнговъ счастіе; у бѣдныхъ же дѣло об-

ходится безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ и имена даются слѣдующимъ порядкомъ: когда младенецъ родится, то отецъ его или бабка, немедленно выходятъ изъ кибитки и первый предметъ, какой встрѣчается ихъ глазамъ, служитъ названіемъ для новорожденнаго. По сей причинѣ Калмыки носятъ названіе рѣкъ, звѣрей, птицъ, различныхъ вещей и т. п. Вотъ нѣкоторые образцы ихъ именъ мужескихъ:

Иджиль, по переводу: — Волга.
Нохо . . . . — Собака.
Чоно . . . . — Волкъ.
Нохонъ-Кюбень . . . — Собачій сынъ.
Нохонъ-Басынъ . . . — Собачій пометъ.
Ишига . . . . — Кошма и козленокъ.
Мого . . . . — Змѣя.
Мекле. . . . . — Лягушка.
Шара-Манжи. . . . — Рыжій дьячекъ.
Ухуръ. . . . . — Ложка.
Сюка . . . . — Топоръ.
Эмгень . . . . — Старуха.
Мукукень . . . . . . — Дрянная дѣвка.
Залу . . . . — Молодецъ.
Поручикъ . . . . . . —

Маіоръ . . . . . —
Сенаторъ . . . . . —
Василій . . . . . —
Марфа . . . . . — (*)

Женщинамъ выбираются названія съ бо́льшею разборчивостію: иную изъ нихъ жалуютъ лисою, другую куницей, кукушкой и т. д. Сверхъ сего есть и общія имена пріятныя, напримѣръ:

Амгулунгъ, по переводу: — Спокойствіе.
Уту-Насунъ . . . . — Долголѣтній.
Эрдени . . . . — Драгоцѣнность.
Менко-Джиргалъ . . . — Вѣчное веселіе.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ именъ, или послѣ, Гелюнги пишутъ для новорожденныхъ на Тангутскомъ языкѣ молитвы, которыя носятся всѣми Калмыками на шеѣ зашитыя въ кожѣ. По разрѣшеніи, женщина часто на другой же день занимается работою. Дитя завертываютъ лѣтомъ въ какую нибудь тряпку, а зимою въ баранью овчину и, можно ска-

(*) Подобныя имена на Русскомъ языкѣ, не имѣющія Калмыцкаго перевода, даются по случаю встрѣчь съ Чиновниками и Русскими простолюдинами.

зашь, закупориваюшъ въ небольшой деревянный, или изъ лубьевъ составленный ящикъ, въ копоромъ ребенокъ укладываешся, и съ верхней стороны вмѣсто крышки зашнуровываешся. Для глазъ и дыханія и для другихъ необходимыхъ отправленій, оставляющся въ приличныхъ мѣстахъ отверстія. Въ шакомъ положеніи, съ кускомъ сыраго сала во рту, малюшка не обременяешъ родителей своихъ излишними забошами, и только плачемъ напоминаешъ изрѣдка о своемъ существованіи.

Въ семейсшвахъ малолюдныхъ, гдѣ некому присматривать за дѣтьми начинающими ползать, машери, отлучаясь изъ кибитокъ, опоясываюшъ ихъ веревкою, копорую привязавъ однимъ концомъ къ упвержденному въ землѣ колу, даюшъ возможносшь ползашь на привязи по шакому пространству, чтобы нельзя было попасть въ огонь или золу. Грудью кормяшъ ихъ до двухъ и шрехъ лѣтъ, когда они куряшъ уже и шабакъ.

До осьмилѣтняго возраста мальчики ходяшъ совершенно нагіе, прикрываясь лишь въ зимнее время овчинами или шулупами; изъ дѣвочекъ же иныя имѣюшъ лѣтомъ одно ко-

ропкое исподнее платье. Вообще ихъ никогда не моюпъ и послѣднимъ не спригутъ волосовъ, и потому легко себѣ представить жалкую наружность сихъ малюпокъ, которыхъ только даръ слова отличаетъ отъ живошныхъ. У мальчиковъ волосы на головѣ иногда брѣюпъ, оставляя часть оныхъ только на самой маковкѣ.

Воспитаніе ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи предоставлено одной натурѣ. Сынъ Калмыка, если не посвященъ въ духовный санъ, имѣя назначеніе быть не болѣе какъ пастухомъ, съ дѣтства привыкаетъ къ немногимъ и простымъ занятіямъ сего состоянія, и только женщины, родясь быть хозяйками и работницами въ домѣ, учатъ дочерей своихъ, лѣтъ съ 10-ти или 12-ти, необходимымъ въ ихъ быту рукодѣліямъ.

Лѣта свои Калмыки считаютъ не со дня рожденія, а со времени зачатія, и кто родится въ концѣ года, на примѣръ 24-го Ноября (это у нихъ послѣдній мѣсяцъ), тому считается уже цѣлый годъ, и родившемуся

во вновь наступившемъ году, хотя 1-го числа перваго мѣсяца, считается два года.

Сватовство и браки.

Калмыкъ, желающій жениться, избираетъ себѣ партію по своему произволу, и чрезъ постороннихъ людей или родственниковъ дѣлаетъ предложеніе родителямъ невѣсты. Здѣсь надо замѣтить, что для пріобрѣтенія побѣдъ надъ сердцами, степная красавица должна имѣть самые узенькіе, будто едва прорѣзанные глазки, какъ можно болѣе сплюснутый носъ, и далеко выдавшіяся скулы; напротивъ дѣвушка, одаренная — какъ случалось мнѣ видѣть, — открытыми пламенными очами, соразмѣрнымъ носикомъ и правильными щечками, не такъ легко находитъ поклонниковъ: Калмыкамъ не можетъ она нравиться потому, что имѣетъ обликъ не совершенно Калмыцкій, который, по ихъ мнѣнію, есть очаровательнѣйшій.

Если начальные переговоры обѣщаютъ успѣхъ, и *Зурхачей* посредствомъ книгъ своихъ найдетъ, что свойство планетъ,

подъ которыми родились будущіе супруги, не препятствуетъ ихъ союзу, то женихъ собираетъ въ сосѣдственныхъ хотонахъ сколько можно болѣе *арьки* (вина), закалываетъ и варитъ нѣсколько барановъ и, пригласивши родныхъ и друзей, все приготовленное отвозитъ къ родителямъ невѣсты для угощенія. Событіе сіе, называемое *шагата*, составляетъ сговоръ или помолвку, на которой всѣ присутствующіе пьютъ и ѣдятъ, а молодые люди сверхъ того занимаются пѣніемъ и пляскою. Въ заключеніе же женихъ условливается съ будущимъ тестемъ въ томъ, какую сумму денегъ, или какое количество скота долженъ онъ заплатить за невѣсту, или лучше сказать, дать ей на приданое: ибо Калмыкъ, отдавая дочь въ замужество, почти все приданое устроиваетъ на счетъ жениха. Таковъ въ степяхъ обычай, которому, безъ сомнѣнія, позавидуютъ многіе отцы въ просвѣщенной Европѣ! Къ сему обычаю древнее Калмыцкое и Монгольское Уложеніе присоединяло правило, нынѣ потерявшее уже силу, чтобы каждыя сорокъ кибитокъ ежегодно женили четырехъ человѣкъ,

доставя имъ отъ себя нужное для сего вспоможенiе.

По доставленiи всего положеннаго, въ назначенный Зурхачеемъ счастливый день, женихъ съ близкими своими отправляется за невѣстою, которую однакожъ получаетъ не иначе, какъ съ большимъ усилiемъ, потому, что подруги обыкновенно защищаютъ ее и стараются не отдавать, при чемъ женихова свита не рѣдко претерпѣваетъ отъ прекраснаго пола порядочные побои, и бѣда, если амазонки сiи одержатъ преимущество: тогда свадьба отлагается еще на годъ; но для избѣжанiя сей отсрочки и самаго стыда быть побѣжденными отъ женщинъ, Калмыки, расплачиваясь въ свою очередь ударами нагаекъ, вырываютъ невѣсту изъ рукъ защитницъ, сажаютъ или просто кладутъ ее на приготовленную верховую лошадь и скачутъ стремглавъ въ путь, какъ похитители. Проѣхавъ такимъ образомъ версты три и уже не опасаясь преслѣдованiя, останавливаются, приводятъ поѣздъ свой въ порядокъ, и съ торжествомъ возвращаются въ свой хотонъ, т. е. мѣсто своего кочевья. Здѣсь Гелюнгъ

сажаетъ жениха и невѣсту предъ дверьми родительской кибитки, и въ знакъ изобильной жизни вручивъ имъ обоимъ берцовую кость задней бараньей ноги, совершаетъ обрядъ бракосочетанія, состоящій въ чтеніи молитвъ объ ихъ благоденствіи и въ наставленіяхъ о почтеніи, какое должна имѣть жена къ отцу и вообще родственникамъ мужа. Послѣ сего новобрачную сопровождаютъ въ новую, изъ бѣлыхъ кошмъ приготовленную, кибитку, гдѣ заплетя ей волосы въ двѣ косы и пронявъ для серги другое ухо, оставляютъ одну принять посѣщеніе супруга (*). Невинность не считается здѣсь въ числѣ необходимыхъ добродѣтелей, а потому при бракахъ не обращаетъ на себя никакого вниманія, и даже самое нарушеніе супружескихъ обязанностей не сопровождается особенною взыскательностію.

Новобрачная до нѣкотораго времени не показывается никому изъ родныхъ, въ осо-

(*) Всѣ сіи духовные и свѣтскіе обряды наблюдаются только тогда, когда женихъ и невѣста вступаютъ въ супружество въ первый разъ. Другіе же браки заключаются просто и утверждаются однимъ взаимнымъ согласіемъ.

бенности же съ собственной стороны. По рожденіи ею перваго младенца, если будетъ сынъ, отправляется она къ отцу своему, который и вообще всѣ родственники дѣлаютъ ей тогда подарки скотомъ, смотря по состоянію. У владѣльцевъ подарки сіи бываютъ весьма значительны и заключаютъ въ себѣ цѣлые стада барановъ и лошадей, до нѣсколькихъ тысячъ головъ.

Кромѣ браковъ обыкновенныхъ, бываютъ въ Калмыцкихъ улусахъ и романическія похищенія, вынуждаемыя отказами на предложеніе жениховъ, или требованіями за невѣсту слишкомъ большаго количества денегъ. Въ такихъ случаяхъ влюбленный Калмыкъ, приглася извѣстныхъ удальствомъ пріятелей своихъ, является неожиданно въ хотонъ возлюбленной и, нимало не заботясь о ея склонности, по праву сильнаго, отнимаетъ ее у родителей и увозитъ безъ всякой церемоніи въ какое нибудь безопасное мѣсто, гдѣ проведя нѣсколько времени въ неизвѣстности, ищетъ примиренія съ новыми родственниками, чѣмъ обыкновенно все и оканчи-

вается. Въ бытность мою въ улусѣ Хараху-совскомъ, одинъ бѣдный Калмыкъ, влюбленный въ дѣвушку, сосватанную уже за другаго, богатаго жениха, вечеромъ, наканунѣ того дня, въ который надлежало быть свадьбѣ, похитилъ ее, когда она вблизи своей кибитки занималась собираніемъ *аргасуна*, и скрылся. Старики, отцы этой романической четы, и несчастный женихъ, просили Пристава отыскать похитителя и похищенную, навлекшую впрочемъ на себя подозрѣніе въ согласіи на побѣгъ; но всѣ усилія и поиски остались безполезными. Калмыки увѣряли меня, что бѣглецы сіи скрываются гдѣ нибудь среди отдаленныхъ камышей рѣки Кумы или Каспійскаго моря, и на вопросъ: чѣмъ они тамъ питаются? отвѣчали, что пищею могутъ имъ служить лошади, на которыхъ они уѣхали! Въ сіе время (въ концѣ Ноября) пятьнадцати градусный морозъ достаточенъ былъ для прохлажденія самыхъ пылкихъ ощущеній даже и подъ кровомъ Калмыцкой кибитки, но провести цѣлыя недѣли, и день и ночь, подъ открытымъ небомъ, а при томъ лакомиться однимъ конскимъ мясомъ — это доказательства

такой любви, которая не испортила бы ни одного чувствительнаго романа. Въ обиженномъ женихѣ не замѣтилъ я ни малѣйшаго расположенія къ мщенію противъ похитителя невѣсты его, ни негодованія против самой невѣсты, подозрѣваемой въ измѣнѣ и принадлежащей уже другому; напротивъ онъ сохранялъ намѣреніе по отысканіи все-таки взять ее за себя, если она только изъявитъ на сіе желаніе. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ получить отъ счастливаго соперника вознагражденіе за понесенные имъ во время сватовства расходы.

Брачные союзы Калмыковъ весьма непрочны, и твердость оныхъ зависитъ отъ большаго или меньшаго постоянства мужей. Безплодіе есть главнѣйшая изъ причинъ, по которой всякій мужъ можетъ оставить свою жену; а иногда довольно для сего и одного каприза. Оставленныя такимъ образомъ жены выходятъ за другихъ, и случается, что нѣкоторыя изъ нихъ, послѣ многихъ браковъ, соединяются вновь съ прежними мужьями. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что случаи сіи не столь часты, и что поря-

дочные Калмыки никогда не обольщаются возможностію перемѣнять женъ своихъ, или имѣть ихъ по нѣскольку вдругъ; что же касается до сихъ послѣднихъ, то вообще не смотря ни на жалкое состояніе женщинъ въ Калмыцкомъ быту, ни на особенныя въ семейственной жизни ихъ страданія, трудно найти примѣръ, чтобы жена добровольно оставила своего мужа, хотя самаго безнравственнаго.

Самое отдаленное родство по мужеской линіи, то есть съ отцовой стороны, препятствуетъ совершенію браковъ; но въ отношеніи родства со стороны матери подобныхъ затрудненій не представляется. Равнымъ образомъ два брата могутъ жениться на двухъ сестрахъ, и братъ послѣ умершаго брата, отецъ послѣ сына и сынъ послѣ отца берутъ вдовъ за себя въ замужство.

Погребеніе и поминки.

Со времень глубокой древносши, почши во всѣхъ сшранахъ, люди дорожили прахомъ усопшихъ родсшвенниковъ и друзей своихъ. Египшяне имѣли особенное искуссшво сохранять шрупы ошъ поврежденія; Индѣйцы, сожигая шѣла, самый пепелъ оныхъ, какъ величайшую драгоцѣнносшь, передавали и передаюшъ въ позднѣйшее пошомсшво; другіе народы воздвигали надъ могилами курганы и различными памяшниками означали мѣсша, гдѣ предавались землѣ хладные осшашки милыхъ сердцу. Изъ сего слѣдуешъ, чшо желаніе находишься близь могилы родишелей, супруга или супруги и дѣшей, или по крайней мѣрѣ знашь гдѣ они покояшся, всегда было и должно бы бышь общею пошребносшію человѣка, одареннаго способносшями мыслишь и чувсшвовашь; но въ Калмыцкомъ народѣ всшрѣчаешся прошивное: шамъ умирающій, если онъ не владѣлецъ, не уносишъ съ собою надежды, чшо гробница его украсишся миршами и освяшишся любовію и благоговѣйнымъ почшеніемъ дѣшей и внучашъ; а осшающійся въ живыхъ не

знаетъ наслажденія бесѣдовать съ могилами незабвенныхъ! Впрочемъ у Калмыковъ можетъ быть все это замѣняется понятіемъ о переселеніи душъ, которое даетъ имъ средства въ каждомъ животномъ или насѣкомомъ видѣть своихъ ближнихъ.

По смерти Калмыка, Гелюнги Зурхачеи, сообразивъ время рожденія и кончины покойнаго съ таинствами ихъ ученія, опредѣляютъ обрядъ погребенія, которое бываетъ шести родовъ. Въ 1-мъ изъ нихъ тѣло умершаго выносятъ на поле и оставляютъ на поверхности земли; во 2-мъ относятъ въ лѣсъ или кустарникъ, и кладутъ на деревья (*); въ 3-мъ повергаютъ въ воду; въ 4-мъ зарываютъ въ землю; въ 5-мъ покрываютъ одними каменьями, втыкая во всѣхъ сихъ случаяхъ около труповъ по нѣскольку кольевъ, съ священными на нихъ значками — *Мани*, а въ 6-мъ сожигаютъ; но сей послѣдній обрядъ принадлежитъ исключительно однимъ знатнымъ владѣльцамъ и верховнымъ жрецамъ;

(*) Если мертваго скоро съѣдятъ звѣри, то сіе считается хорошимъ предзнаменованіемъ.

т. е. Ламамъ. Сожженіе, какъ сказывали мнѣ очевидцы, совершается самымъ торжественнымъ образомъ. Умершаго облекаютъ во всю парадную одежду, по его званію, и украшаютъ голову особеннымъ уборомъ въ видѣ вѣнца; потомъ, посадя на покрытыя богатыми коврами носилки, въ сопровожденіи духовенства и народа, выносятъ изъ кибитки къ мѣсту, гдѣ предварительно, въ небольшой, нарочно изкопанной ямѣ, приготовляются дрова, и здѣсь посаженный на костеръ трупъ превращается въ пепелъ. Изъ сего пепла, смѣшаннаго съ глиною, дѣлаются маленькія цилиндрики, называемые *цяця*; они ставятся въ хурулахъ и въ сооружаемыхъ на мѣстахъ сожженія, изъ глины или кирпичей, памятникахъ, которые носятъ тоже названіе *цяця*, и въ продолженіе существованія служатъ предметомъ общаго уваженія Калмыковъ. Проѣзжая мимо такой цяци, каждый Калмыкъ непремѣнно долженъ сдѣлать какое нибудь приношеніе и если ни чего при себѣ не имѣетъ, то обязанъ положить хоть кость, камень, и т. п.

Послѣ кончины и погребенія, въ теченіе

49 дней (время разсмотрѣнія добрыхъ и худыхъ дѣлъ), Гелюнги умоляютъ Бурхановъ о доставленіи душѣ умершаго лучшаго назначенія, т. е. чтобы оная переселена была въ Гелюнга же, богатаго или и бѣднаго Калмыка, или, буде это не возможно — хотя въ порядочное животное изъ безсловесныхъ. Между тѣмъ печальные родственники чуждаются въ помянутые дни всѣхъ развлеченій, дѣлаютъ подаянія бѣднымъ и въ особенности обогащаютъ Гелюнговъ, жертвуя имъ скотомъ и прочимъ имуществомъ покойнаго. По прошествіи года дѣлается вновь поминовеніе, которое также состоитъ въ молебствіи и въ новыхъ пожертвованіяхъ (*).

Но все сказанное здѣсь о порядкѣ погребенія и поминовенія исполняется только людьми достаточными; бѣдные же, которые не

(*) Изъ дѣлъ Астраханскаго Архива видно, что въ прежнія времена для поминовенія Хановъ и владѣльцевъ отправлялись отсюда посольства съ богатыми подарками въ Тибетъ къ Далай Ламѣ. (По смерти Аюки-Хана, жена его Дарма-Бала и сынъ Церенъ Дондокъ въ 1728 году посылали для сего чрезъ Сибирь и Китай, Калмыковъ: Башуръ-Омбо и Намки Гелюнга съ прочими).

могутъ много платить Гелюнгамъ, не наблюдаютъ ни какихъ обрядовъ, и не имѣя даже орудій, коими можно-бы было копать могилы, оставляютъ умершихъ безъ всякаго къ нимъ прикосновенія на томъ мѣстѣ, гдѣ кто умеръ, а сами, снимая кибитки свои, тотчасъ удаляются; къ чему побуждаетъ ихъ и то, что они мертвыхъ боятся.

Народныя увеселенія.

На празднествахъ, у Калмыковъ, главнѣйшее удовольствіе производится, какъ и вездѣ, пышностію угощенія, и блистательность каждаго торжества опредѣляется числомъ съѣденныхъ лошадей, быковъ и барановъ, и мѣрою выпитаго арьки. Къ наслажденіямъ же второстепеннымъ принадлежатъ: музыка, пѣніе, ловля птицъ и звѣрей, пляска, борьба и скачка на лошадяхъ.

Предположивъ сказать въ своемъ мѣстѣ о пѣніи и музыкѣ, обращаюсь къ другимъ изъ помянутыхъ увеселеній.

Охота Калмыковъ, выѣзжающихъ въ по-

де большими партіями съ борзыми собаками и хорошо пріучеными ястребами и балабанами, весьма занимательна. Тутъ на обширныхъ равнинахъ преслѣдуются звѣри и птицы, изъ коихъ послѣднимъ нѣтъ спасенія и въ самомъ воздушномъ пространствѣ. Въ битвѣ пернатыхъ всего интереснѣе видѣть, какъ смѣлость и искусство побѣждаютъ силу. Небольшой балабанъ, уступающій въ наружности беркуту, завидя колоссальныхъ лебедей, стрѣлою пускается въ атаку и начинаетъ бой съ однимъ изъ великановъ, при чемъ обыкновенно старается дѣйствовать съ высоты и вонзая острыя когти въ длинную шею тяжелаго противника, стремительно влечетъ его на землю. Бѣдный лебедь! напрасно мощные удары крыльевъ его поражаютъ воздухъ: онъ быстро стремится въ низъ и ударяется объ землю, гдѣ ожидаютъ его собаки и охотники. Кромѣ лебедей балабаны бьютъ гусей, драхвъ и утокъ, а изъ звѣрей — зайцевъ.

Пляска Калмыковъ состоитъ не только въ движеніи ногъ и рукъ, но, можно сказать, всѣхъ мускуловъ, потрясаемыхъ каждымъ звукомъ музыки, какъ будто электрическою си-

лою. Слѣдуя симъ звукамъ, крайне отрывистымъ, Калмыкъ дѣлаетъ въ тактъ различныя кривлянія, падаетъ съ ними на колѣна и съ каждою минутою приходя въ бо́льшее изступленіе изгибается такъ, что перегнувъ спину касается головою до земли, потомъ вскакиваетъ и по мѣрѣ учащенія такта усиливаетъ судорожныя движенія свои до того, что потъ катится съ него градомъ, глаза наливаются кровью, во рту показывается пѣна и волосы на головѣ становятся дыбомъ. Словомъ, одно совершенное изнеможеніе полагаетъ конецъ столь странному удовольствію, которое справедливѣе назвать страданіемъ. При семъ должно замѣтить, что искуснѣйшимъ изъ плясуновъ почитается тотъ, кто между прочимъ въ тѣлодвиженіяхъ своихъ умѣетъ подражать нѣкоторымъ дѣйствіямъ животныхъ.

Приготовясь къ борьбѣ, избранные для состязанія витязи, являются среди зрителей, раздѣтые до нага, въ одномъ исподнемъ платьѣ, и долго наблюдаютъ одинъ другаго; ибо каждый старается уловить удобную минуту, что бы съ бо́льшею ловкостію приняться за

своего противника. Такимъ образомъ послѣ многихъ взаимныхъ приступовъ и уклоненій, они мгновенно, какъ будто ожесточенные, бросаются другъ на друга, крѣпко схватываются и начинаютъ борьбу, которая олицетворяетъ извѣстную сцену изъ Ермака.

Побѣда награждается здѣсь хотя не болѣе какъ платкомъ или бараномъ; однакоже для пріобрѣтенія оной, а не разлучно съ тѣмъ и славы, соперники не щадятъ ни какихъ усилій и въ чрезвычайномъ напряженіи всѣхъ мускуловъ представляютъ богатые образцы для живописи и скульптуры.

Въ скачкѣ не столько можно удивляться легкости и быстротѣ — особеннымъ качествамъ лошадей Калмыцкихъ, сколько искусству наѣздничества, которымъ отличаются сами Калмыки. Мнѣ случалось видѣть, что они садятся верхомъ на лошадей никогда неѣзжаныхъ, съ трудомъ пойманыхъ арканами, и почти поваливъ ихъ на землю. Можно себѣ представить съ какимъ бѣшенствомъ дикое животное пускается скакать, и какіе дѣлаетъ прыжки желая сбросить съ хребта своего дерзкаго всадника; часто даже падаетъ стрем-

главъ и вновь вскакиваетъ, — но отважный всадникъ, держась обѣими руками за гриву, сидитъ какъ будто приросшій, доколѣ, пока лошадь не уменьшитъ своей пылкости и пока другіе, подскакавъ также верхами, не снимутъ его.

Подобные опыты верховой ѣзды позволяютъ себѣ не только люди взрослые, но и 15-ти лѣтніе мальчики.

Привѣтствія и знаки уваженія и любви.

Общее привѣтствіе, наблюдаемое въ Калмыцкомъ народѣ при встрѣчахъ между равными всѣхъ состояній и обоего пола, заключается въ словѣ: *менду*, т. е. здравствуй, къ которому только во время праздника цаганъ сары, или когда кто съ кѣмъ увидится послѣ сего праздника въ первый разъ, — прибавляется иногда взаимное пожатіе рукъ: но снятіе шапокъ и поклоны не въ употребленіи.

Встрѣчаясь дорогою съ владѣльцемъ, люди всѣхъ классовъ почтительно останавливаются въ сторонѣ, и продолжаютъ путь свой не прежде, какъ по проѣздѣ его. Приходя же въ кибитку владѣльца, хотя бы онъ былъ другаго улуса, всякой простолюдинъ, Зайсангъ, и даже Гелюнгъ, становится предъ нимъ на одно колѣно и съ наклоненіемъ головы прикасается правою рукою къ краю одежды его, при чемъ сей послѣдній, въ знакъ благосклонности кладетъ лѣвую руку свою на голову или плечо пришедшаго. Стоять въ присутствіи владѣльца и каждаго старшаго званіемъ, считается неучтивымъ; ибо Калмыцкій этикетъ требуетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ младшій садился близъ дверей на землю, или, что все равно, на полъ; а какъ и это положеніе раздѣляется на два разряда: почтительное и простое или обыкновенное, то садиться при старшихъ должно не иначе, какъ стать на колѣна и потомъ опуститься на пяты; съ равными же себѣ располагаются точно такъ, какъ сидятъ наши портные во время занятія ихъ работою, т. е. положа ноги одна на другую.

Люди значительные и Гелюнги, посѣщая чью либо кибитку, приглашаются хозяиномъ занять почетное мѣсто — близь кровати противъ дверей — которое иначе принадлежитъ исключительно главѣ семейства.

Въ изъявленіи супружеской или родительской нѣжности Калмыки замѣняютъ лобызанія обоняніемъ, прикасаясь для сего носомъ къ лицу и головѣ предмета ласкъ своихъ. Впрочемъ, по простотѣ и особенной скромности семейнаго ихъ обращенія, посторонній можетъ видѣть подобныя ласки только со стороны матерей къ ихъ дѣтямъ.

ГЛАВА XI.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Не взирая на то, что природа одарила Калмыковъ остроуміемъ, понятливостію и другими качествами, во многомъ возвышающими ихъ предъ прочими кочующими племенами, и что отдаленные предки оставили имъ письмена, — народъ сей, какъ будто на перекоръ врожденнымъ способностямъ, пребываетъ въ глубокомъ невѣжествѣ.

Не говоря уже о простолюдинахъ, которымъ въ настоящемъ ихъ быту еще простительно оставаться во мракѣ, самые владѣльцы, поставленные судьбою быть примѣромъ

*

для подвластныхъ, не хотятъ ни мало постигать пользы просвѣщенія и всѣ свои познанія, отличающія ихъ отъ черни, ограничиваютъ Калмыцкою грамотою, уступая впрочемъ простому народу честь и выгоды говорить по Русски: ибо весьма многіе изъ простыхъ Калмыковъ довольно хорошо объясняются на Русскомъ языкѣ, тогда какъ властители ихъ не понимаютъ онаго (*). Что же касается до Зайсанговъ, то они большею частію совершенно безграмотны. За симъ просвѣщеннѣйшій между Калмыками классъ составляетъ духовенство. Каждый Гелюнгъ, умѣя по своему хотя нѣсколько читать и писать, пользуется величайшимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ ученый, исполненный премудрости, а по сану и вдохновенный. Посредствомъ сихъ преимуществъ содержа народъ въ суевѣріи, владычествуя надъ умами онаго и совѣстію, сочиняя для всѣхъ различныя бумаги, занимая должности совѣтниковъ и секретарей при владѣльцахъ и Зайсангахъ

(*) Изъ владѣльцевъ члены одной только фамиліи *Тюменей* знаютъ Русской языкъ и грамоту.

(*), и шакимъ образомъ имѣя на все безъ изъяшія неограниченное влiянie, — духовенсшво всѣми своими благами обязано слѣпому невѣдѣнiю прочихъ сосшояній; а посему не шрудно ошгадашь шайну, кошорая сшоль сильно препяшсшвуешъ развишiю въ Калмыцкомъ народѣ общесшвеннаго образованія.

Впрочемъ сшепень познаній и самыхъ дарованій сего народа предсшавляешся здѣсь съ нѣкошорою подробносшiю.

Языкъ и грамота.

Будучи пошомками Монголовъ, Калмыки сохраняюшъ донынѣ языкъ и письмена Монгольскія, съ небольшимъ можешъ бышь измѣненiемъ въ нарѣчіи — слѣдсшвiемъ смѣшенія съ другими племенами. Главное свойсшво сего языка въ разговорахъ, есшь грубосшь произношенія, кошорая въ самыхъ дружескихъ

(*) Владѣльцы и Зайсанги, слѣдуя древнему Монгольскому обыкновенію, сами не шолько ничего не пишушъ, но не подписываюшъ и своихъ именъ, прикладывая вмѣсшо сего печаши.

объясненіяхъ заставляетъ предполагать ссору; сверхъ сего звуки, выражаемые между прочимъ гортанью или одними губами, безъ особеннаго содѣйствія языка, составляютъ самую трудную сторону въ изученіи Калмыцкаго разговора.

Буквъ въ Калмыцкой азбукѣ содержится гласныхъ 8, отъ коихъ произходятъ звуки: *а, э, и, о, я, у, ё* и *ю̈*; двѣ послѣднія точнѣе можно изъяснить Французскими: *eu* и *u*. Къ симъ буквамъ прилагаются другія согласныя, переводимыя по Русской азбукѣ такими же: *н, г, х, б, в, к, л, м, т, д,* (*) *р, п, з, ц,* (**) *с, ш.* Изъ соединенія сихъ буквъ съ гласными составляются склады: двойные, тройные, и далѣе, изключая слоговъ: *въ, гъ, хъ, тъ, зъ,* и *цъ*, коихъ, равно какъ и буквъ соотвѣтствующихъ нашимъ *ф, ы,* въ Калмыцкомъ письмѣ вовсе несуществуетъ. Множество едва примѣтныхъ точекъ, ноликовъ и протя-

(*) *Д* произносится во многихъ случаяхъ нераздѣльно съ звуками *ж*, на прим: *дж.*

(**) *Ц* произносится иногда какъ *Ч.*

женій, сопровождающихъ письмо сіе, измѣняютъ значеніе одной и той же буквы смотря потому, какое мѣсто занимаетъ она въ цѣлой рѣчи, т. е. въ началѣ, срединѣ, или окончаніи. Другіе знаки служатъ особенными пособіями, на примѣръ: знакъ / поставленный надъ буквою, есть знакъ протяженія; зн. : представляетъ запятую, а .:. точку. Строки пишутся у Калмыковъ сверху внизъ и располагаются отъ лѣвой руки къ правой, при чемъ Калмыки хотя употребляютъ перья, но настоящее ихъ правило — писать тонкимъ камышемъ. При обученіи грамотѣ, вмѣсто аспидныхъ досокъ, служатъ имъ доски деревянныя, называемыя *Самра*. Намазавъ такую доску одинъ или два раза въ годъ саломъ и сажею, и потомъ осыпая слегка золою, Калмыки пишутъ на оной палочкою, костію или иглою дикобраза. Написанное уничтожается отъ одного дуновенія, и доска, посыпанная вновь золою, готова для новаго употребленія.

Духовенство Калмыцкое, независимо отъ письменъ Монгольскихъ, непремѣнно должно

знать письмена Тангутскія, которыхъ почти нельзя различать отъ Индѣйскихъ.

Пѣніе, музыка, повѣсти и пословицы.

Калмыки не оставляютъ ни одного замѣчательнаго для нихъ случая безъ того, чтобы не воспѣть онаго. Такимъ образомъ пѣсни составляютъ ихъ поэзію, подчиненную своимъ правиламъ, по которымъ, въ замѣнъ рифмъ, строки начинаются съ одинаковыхъ буквъ и звуковъ. Пѣсни сіи сочиняются не на письмѣ, а просто импровизируются въ часы досуга и вдохновенія. Предметомъ оныхъ бываетъ любовь съ ея владычествомъ и приключеніями, подвиги наѣздниковъ, достоинства коней и проч. Многіе изъ Калмыковъ, нанимающіеся у рыбопромышлениковъ въ весельную работу на разъѣздныхъ лодкахъ, часто перелагаютъ въ пѣсни вояжи свои. Тутъ обыкновенно говорится о томъ, гдѣ были, что ѣли, что дѣлалъ ихъ хозяинъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ импровизацій встрѣчаются оригинальныя остроты и наклонность Кал-

мыковъ къ ироніи. Иногда воображеніе переноситъ ихъ въ улусы и они, въ мелодическихъ звукахъ, или изливаютъ тоску о разлукѣ съ степями, или колко подшучиваютъ надъ тѣми изъ товарищей, у которыхъ остались тамъ жены, представляя имъ невѣрность прекраснаго пола. Впрочемъ есть пѣсни и такія, въ которыхъ проявляется нѣжность чувствъ и изящность мыслей.

Напѣвы или тоны Калмыцкихъ пѣсенъ однозвучны и чрезвычайно унылы; а потому не зная словъ, всегда можно думать, что въ пѣніи ихъ выражается одна грусть. Необыкновенная протяжность и переходы къ гортаннымъ звукамъ, составляя въ семъ пѣніи главное достоинство, дѣлаютъ его не подражаемымъ; но пѣсни плясовыя изъ сего исключаются. Помѣщаемыя здѣсь пѣсни и ноты могутъ доставить ближайшее понятіе о произведеніяхъ Калмыцкой поэзіи, и вмѣстѣ о пѣніи и музыкѣ сего народа.

ПѢСНИ.

1.

Кёдё сайханъ газарту,
Кёкё цеценъ ургаксанъ.
Керкіюкинъ байдальта зёгё гозедъ
Нисчи, кюрчи ядагадъ зобоксонъ.

Переводъ:

Среди прекрасной долины
Выросъ голубой цвѣтокъ;
Его увидѣла бѣдная пчелка,
Но не могла къ нему долетѣть
И жертвой грусти сдѣлалась.

2.

(Маштакъ боро (*)

Сёмъ хамартай Пранцузи,
Сёргёнъ лбаджи чапчая.
Маштакъ боро мини, дебкенъ байжи челишеней —
Мани Нойонъ Джууджа Мюскюгюнъ телицедъ морлилай.
Тасархай гюлдюлтей боро мини
Тактаинъ аманъ ду кюрней ле.
Табанъ тюменъ Пранцузи,
Тактаинъ аманъ ду чапчія.
Мунхакъ болоксонъ Пранцузи,
Мюскюгинъ балгасу идней ле.

(*) Пѣсня сія сочинена во время кампаніи 1812 года Калмыками, бывшими подъ начальствомъ владѣльца Князя Тюменя. Голосъ въ приложен. нотахъ No. 1-й.

Манай Нойонъ хаирьханъ,
Мани ягатугай гексень-бю;
Бокдоду кюрюнь токюней,
Бокшоргой лету нисене.

Переводъ.

Хоть у Французовъ носы въ четверть,
Но намъ не трудно ихъ рубить;
Сѣрый маштакъ мой прискакивая рыситъ.
Нашъ владѣлецъ Джууджа
Устремилъ путь свой къ Москвѣ.
Съ порывомъ сѣрый бѣгунъ мой
Достигаетъ края моста;
Тамъ пятьдесятъ тысячъ Французовъ —
Мы всѣхъ ихъ истребимъ.
Одурѣвшіе Французы
Разорили городъ Москву!
Чтожъ намъ велѣлъ дѣлать
Обожаемый нашъ владѣлецъ?
Къ ИМПЕРАТОРУ подобно птичкѣ летѣть,
И достигнувъ, за него умереть.

Музыкальные инструменты у Калмыковъ — *балалайка* и *ятга.* Первая изъ нихъ довольно извѣстна, а ятга имѣя, семь мѣдныхъ струнъ, походитъ устройствомъ своимъ на гусли. Музыкою въ Калмыцкихъ улусахъ занимаются преимущественно женщины.

Послѣ пѣсенъ слѣдуютъ сказки, въ которыхъ люди обладающіе даромъ краснорѣчія прославляютъ древнихъ богатырей. Калмыки, обожая героевъ своихъ и вѣря всему чудесному, сряду дня по три слушаютъ преданія объ ихъ подвигахъ. Герои сіи едва ли имѣютъ соперниковъ въ другихъ повѣствованіяхъ: они обыкновенно бываютъ ростомъ по нѣскольку верстъ, одинъ ударъ меча сражаетъ цѣлыя тысячи непріятелей, кони ихъ перескакиваютъ чрезъ моря и горы, — однимъ словомъ, предъ ними не значатъ ни чего ни Францы Венеціаны, ни Еруcланы Лазаревичи.

Описывая какую нибудь сцену изъ ихъ волшебной жизни раскащикъ часто прерываетъ слова свои пѣніемъ или музыкою, а иногда, смотря по содержанію расказа, въ голосѣ и движеніяхъ подражаетъ животнымъ, и довершаетъ тѣмъ восторгъ и очарованіе слушателей. Баснословная повѣсть *Джангиръ* (о Джангирѣ), болѣе другихъ Калмыками любимая, могла бы составить довольно большую и забавную книгу. Но кромѣ сихъ, есть сказки принадлежащія къ роду басенъ, въ которыхъ,

сквозь прозрачную пелену вымысловъ, выказываются поучительныя истины. Сюда же относятся наконецъ и самыя пословицы. Изъ тѣхъ и другихъ для примѣра выписываю я слѣдующія:

БАСНИ.

1.

Одинъ изъ Хановъ, ложась ночью спать при свѣтѣ огня, приказывалъ охранять себя Орангутангу, вооруженному саблею. Однажды вошелъ къ нему воръ и въ тоже время явился другой злодѣй: лютая змѣя. Когда сія послѣдняя, стремясь уязвить спящаго Хана, извивалась уже близь него, то Орангутангъ, по неразумію своему, замахнулся саблею такъ, что не минуемо поразилъ бы вмѣстѣ съ нею и самаго повелителя своего; но воръ рѣшился пожертвовать собою для спасенія Хана, и удержавъ гибельный ударъ, осторожно убилъ змѣю. Пробужденный Ханъ, узнавъ все случившееся, сказалъ: «умный непріятель гораздо лучше, нежели глупый слуга и товарищъ» и сдѣлалъ избавителю своему большую награду.

2.

Нѣкоторый Ханъ, видя торжество порока надъ добродѣтелью, удрученъ былъ горестною мыслію, что въ мірѣ все подчинено могуществу зла, и что

оно есть всему начало. Когда же уныніе сего Хана достигло высочайшей степени, такъ, что ни прекрасная его супруга, ни изобрѣтательные придворные не могли доставить ему утѣшенія — явился изъ отдаленныхъ степей неизвѣстный пустынникъ, который взялся изцѣлить его отъ снѣдавшей его печали. Въ семъ намѣреніи пригласивъ Хана къ прогулкѣ, привелъ онъ его къ огромной гранитной скалѣ, которая во многихъ мѣстахъ была раздроблена и пробита безпрерывно упадающими каплями низвергающагося съ высоты водопада. «Смотри — сказалъ пустынникъ — вотъ изображеніе добра и зла. Вѣковая скала сія была нѣкогда вдвое болѣе; но, постояннымъ своимъ стремленіемъ и даже слабыми каплями, водопадъ уничтожилъ ее до половины, сдѣлалъ въ ней разсѣлины и открылъ себѣ отверстія: такъ и добродѣтель, рано или поздно, но побѣдитъ порокъ, если только каждый смертный уподобится хотя одной каплѣ въ источникѣ добра. Для сего каждый, кто бы въ какомъ состояніи ни былъ, по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ поборать камень порока и тѣмъ въ свою очередь содѣйствовать истребленію зла. Добродѣтели и пороки суть тоже, что дни и ночи; но будетъ время, когда настанетъ вѣчный день добродѣтели, и тогда мракъ пороковъ исчезнетъ предъ лучами немерцающаго свѣта.» Съ сими словами таинственный мудрецъ удалился, а Ханъ, убѣжденный истиною его наставленія, нашелъ душевное спокойствіе, и велѣлъ о настоящемъ происшествіи выбить на скалѣ неизгладимую надпись, въ

утѣшеніе людей добродѣтельныхъ, весьма часто преслѣдуемыхъ злыми.

ПОСЛОВИЦЫ.

Несправедливо добытая пища вязнетъ въ зубахъ.

Сегодняшняя печенка лучше завтрашняго легкаго.

Хоть волкъ и не ѣлъ, а ротъ у него всегда красенъ.

Видя близкую смерть и мышь укуситъ кошкѣ хвостъ.

На одномъ верблюжьемъ пометѣ тысяча верблюдовъ споткнутся.

Худая собака увидѣвъ злодѣя, прежде кусанья ворчитъ и лаетъ.

Вотъ еще нѣсколько поучительныхъ мыслей и изреченій, изъ Калмыцкихъ книгъ:

(Ерю кюмюни седкильду орохуинъ зююльду мухуръ юге болбо чиги хоолданъ токтоогодъ юлю ібгів лібкчи теремергенъ). У всякаго человѣка желанія неограниченны; но благоразумный питаетъ ихъ втайнѣ.

(Зюркюнь эбедкю іошібітю дайсунду дарууда уурлуль юге ясадакъ мишигеръ чире эгеръ уктукчи цеценъ). Благоразуменъ тотъ, кто пріятною улыбкою уни-

ттожаетъ вредные замыслы враговъ, не показывая имъ и вида неудовольствія.

(Кюмюнги муу гежи бичиге чимарла, хоинъ саинъ чиги болху, саинъ дубитиге макта ібіднъ болху иги медекю кецюю). Не пренебрегай никѣмъ изъ ближнихъ, и не говори худо: послѣ онъ можетъ быть и добрымъ; равно не превозноси ни чьихъ достоинствъ выше мѣры: узнать ихъ трудно.

(Болъ зараца ду-хала екедкеле, эргекчи кюмюнь хоборъ). При излишнемъ гнѣвѣ къ рабамъ, рѣдко можно имѣть около себя служителей.

(Найджинаръ ту эркешикю іегіль юге іббібріонъ шіидкю). При совѣщаніяхъ, женѣ преимущества не давай и слѣдуй своимъ соображеніямъ.

(Сайнъ хайрту эденъ кюсюлтей кюмюньду битеге юзюоль). Человѣку завидливому лучшее сокровище свое не показывай.

(Келексенъ тоотуги юнюньду битеге бари сайтуръ шиндэиле). Не все слышанное отъ другихъ принимай за истину, а обсуживай обо всемъ самъ со вниманіемъ.

(Баянъ эденъ эдленъ чидхула хоиноса іргібжикю, югеэте кюмюнь арбиланъ эдлекеле заболонгъ бага). Если богатый умѣетъ распоряжать своимъ имѣніемъ — оно приращается; но если бѣдный умѣренно живетъ — онъ менѣе несчастливъ.

Саинъ муу наринъ бюдююнъ юлли ухаинъ-ду бак-

палъ юге бюгюде эсе сурукчи теде уитанъ тібрібюлкиту мібнъ; саинъ муу али санаксанъ бютюкю кюртюле аманалса имо гарганъ баикчи теде гюнь тібріблкитумібнъ). Кто не скромно обременяетъ другихъ вопросами, тотъ есть человѣкъ слабоумный; а тотъ, кто предпріятій своихъ до совершенія оныхъ ни словомъ ни дѣломъ не обнаруживаетъ — есть человѣкъ глубокомысленный.

(*Эрдемъ саи туръ суруксанъ ниге мергенъ гакцаръ наранъ шинги ертюнчунги еейгюуль-кю, олонъ муу цуклаба чиги одонъ шинги гейгюуль-кю юге*). Одинъ человѣкъ истинно образованный блистаетъ въ мірѣ семъ какъ солнце, тогда какъ многіе невѣжды, въ совокупности, не могутъ уподобляться и звѣздамъ.

(*Юкюрь хара ада ундаасба чиги токтобори усу уху юге, мергенъ хмаару муурба чиги мунхугіинъ міборъ ябаху юге*). Скворецъ, сколь бы ни жаждалъ, стоячую воду пить не будетъ; такъ и умный человѣкъ, въ какія бы бѣдствія ни впалъ, — совѣтамъ глупаго не послѣдуетъ.

(*Баянъ цакту хамукъ урукъ, буурхула хамукъ дайсунъ*). При счастіи всѣ друзья, а при бѣдствіи всѣ враги.

(*Окторгойду наранъ урегухула одонъ олонъ болбо чиги юлю юзюкдюкю*). Когда свѣтитъ солнце, то звѣзды, хотя бы ихъ было и много — не видны.

(*Мунхакъ эрдеменъ аманъ-ду бариху, мерденъ эр-*

деменъ доторо нуху). У глупаго способности на языкѣ, а умный хранитъ ихъ втайнѣ.

Врачи и способы врачеванія.

Въ болѣзняхъ Калмыки ищутъ изцѣленія въ пособіи врачебномъ и духовномъ, прибѣгая къ Гелюнгамъ, которые обыкновенно вмѣстѣ съ званіемъ жрецовъ соединяютъ и званіе медиковъ (Эмчи).

Въ первомъ случаѣ Гелюнги сіи по біенію пульса, въ особенности же по уринѣ, опредѣляютъ свойство и степень болѣзни и потомъ начинаютъ пользованіе, при чемъ общимъ и непремѣннымъ правиломъ считается предписывать больнымъ строжайшую діэту, такъ, что иногда до двухъ недѣль, хотя бы больной и оправлялся, ничего не дозволяютъ ему употреблять, кромѣ теплой воды. Далѣе составляются лекарства изъ различныхъ травъ и кореньевъ, собираемыхъ ими въ степяхъ Астраханскихъ и получаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ средней Азіи и даже изъ Индіи. Къ числу необходимыхъ медикаментовъ принадлежитъ у нихъ *Заръ* отъ звѣря *барги*, т. е. мускусъ или

мошусъ. Декоктъ, называемый *танъ*, по удостовѣренію не только Калмыковъ, но и Русскихъ, бывающихъ въ степи, оказываетъ чрезвычайное дѣйствіе въ произведеніи испарины и превосходитъ все, что для сего предлагаетъ Европейская Медицина (*). — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается между Калмыками кровопусканіе.

Для излеченія уязвленныхъ тарантулами и черными пауками, настаиваютъ сихъ же насѣкомыхъ въ деревянномъ или коровьемъ маслѣ, и симъ спиртомъ натираютъ больнымъ укушенныя мѣста и все тѣло, употребляя при томъ лекарства и внутреннія, но пособія вообще бываютъ дѣйствительны только тѣ, кои оказываются безъ малѣйшей потери времени, въ противномъ же случаѣ жизнь больнаго подвергается опасности. Припадки укушенія обнаруживаются неизъяснимою тоскою и бѣшенствомъ и безъ скорой помощи дѣлаются смертельными. Выздоравливающіе

(*) Я весьма желалъ пріобрѣсти хоть нѣсколько того растенія, изъ коего декоктъ сей составляется, но къ сожалѣнію, бывъ въ улусахъ въ зимнее время, не получилъ успѣха.

на долго получаютъ желтый цвѣтъ лица, чувствуютъ въ тѣлѣ ломоту и имѣютъ видъ изнуренныхъ долговременными страданіями. Для совершеннаго поправленія ихъ требуется продолжительная во всемъ осторожность и умѣренность въ пищѣ.

Все сіе показываетъ доселѣ общность понятія людей о средствахъ врачеванія, но бываютъ примѣры, гдѣ Гелюнги или Эмчи поятъ больныхъ горячими напитками и кормятъ безъ мѣры жирною бараниною.

Оспа считается у нихъ болѣзнію неизлечимою и посему до того ужасною, что одно нечаянное приближеніе къ мѣсту, гдѣ есть одержимые ею, поражаетъ Калмыка чрезвычайнымъ страхомъ, повергаетъ въ уныніе и наконецъ сообщаетъ ему сію болѣзнь. Для предупрежденія такого послѣдствія, на человѣка впавшаго въ ужасъ и называемаго *сежикте*, т. е. сомнительный, взводится какое нибудь преступленіе; мнимаго виновника нечаянно схватываютъ, уличаютъ чрезъ свидѣтелей, на примѣръ въ воровствѣ; связываютъ ему руки и наказываютъ нагайками. Симъ способомъ удачно производится новый

благодѣтельный испугъ, и новыя впечатлѣнія, заставляя паціента забыть оспу, уничтожаютъ пагубное вліяніе ея на разстроенное воображеніе.

Многіе опыты доказываютъ, что нѣкоторые изъ Гелюнговъ обладаютъ большимъ искусствомъ въ излеченіи болѣзней и имѣютъ обширныя свѣдѣнія въ свойствѣ растеній. Во всемъ этомъ преподаетъ имъ уроки непосредственно сама природа; и сколь ни велики въ семъ отношеніи успѣхи наукъ, но постоянное и основательное изслѣдованіе въ степяхъ Калмыцкой Медицины, безъ сомнѣнія, открыло бы новые пути къ таинствамъ натуры и принесло бы пользу человѣчеству.

Къ пособіямъ земнымъ Гелюнги присоединяютъ молебствія, обременяя за то больныхъ величайшими пожертвованіями въ пользу хуруловъ. Калмыкъ, слѣпо увѣренный въ силѣ заступленія своего духовенства, не щадитъ ничего и не рѣдко богатый освобождается отъ болѣзни на жертву нищеты, или умирая оставляетъ оную въ удѣлъ своему семейству. Гелюнги, по особенной учености называющіеся *Зурхачеями*, имѣютъ даръ узна-

ваеш причину болѣзней, и потому у каждаго зажиточнаго Калмыка оказывается какая нибудь изъ лучшихъ вещей, вредящая его здоровью. Сдѣлавши такое благодѣтельное открытіе, всевѣдущій Зурхачей тотчасъ совѣтуетъ пожертвовать вредную вещь на хурулъ, что и исполняется какъ будто по волѣ самихъ небесъ.

Сверхъ сего въ болѣзняхъ упорныхъ и продолжительныхъ, не рѣдко всѣ страданія приписываются тому, что больной имѣетъ *несчастное имя*. Въ такихъ случаяхъ Гелюнги дѣлаютъ изъ муки или глины маленькую человѣческую фигуру, и назвавъ ее именемъ больнаго относятъ въ отдаленное мѣсто; больной же получаетъ новое наименованіе и долженъ быть здоровымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть сихъ переименованныхъ умираетъ своимъ порядкомъ; но неудачные опыты не уничтожаютъ заблужденія, а напротивъ какой нибудь одинъ примѣръ, гдѣ больной съ новымъ именемъ выздоравливаетъ, поддерживаетъ суевѣріе. Въ бытность мою въ Еркетеневскомъ улусѣ, Зайсангъ Церенъ Доржи, (бывшій Башу Насунъ) увѣрялъ меня,

что онъ, изтощивъ всѣ средства къ изцѣленію отъ болѣзни, обязанъ существованіемъ своимъ единственно совершенію надъ нимъ описаннаго здѣсь обряда.

Наконецъ Калмыки, по самой вѣрѣ ихъ, считаютъ, что болѣзни и всякое несчастіе причиняются людямъ отъ злаго духа, и что всѣхъ умирающихъ похищаетъ сей враждебный духъ *эрликъ*, т. е. дьяволъ (*). При такомъ жалкомъ понятіи, когда больной доходитъ до степени безнадежности, Гелюнги употребляютъ тоже средство искупленія, и вмѣсто больнаго приносятъ неотступному эрлику въ жертву — глиняную куклу. Впрочемъ для возвращенія къ жизни Хана или другаго знатнаго владѣльца, если уже жестокость болѣзни доказываетъ, что эрликъ намѣренъ непремѣнно имъ воспользоваться, пріискивается изъ подвластныхъ его (владѣльца) такой человѣкъ, который, изъ любви къ нему согласился бы замѣнить его собою.

(*) Одна Калмычка на вопросъ мой чрезъ переводчика: были ли у нея дѣти? отвѣчала: »что были, но ихъ чортъ взялъ« (эрликъ авчире), т. е. они умерли.

По любви ли къ страждущему, по убѣжденію ли въ выгодѣ принадлежать эрлику, который хоть и страшенъ, но не беретъ албана (то есть подати) и не кушаетъ барановъ, а можетъ быть по приказанію или изъ видовъ корысти, словомъ какъ бы то ни было, но въ Калмыцкомъ народѣ столь чрезмѣрныя услуги не могутъ считаться рѣдкостію. Принявшему на себя спасеніе владѣльца передается имя и самая наружность сего послѣдняго, и онъ въ богатомъ одѣяніи, вооруженный всѣми доспѣхами больнаго, на любимой его лошади, украшенной драгоцѣннымъ сѣдломъ, въ сопровожденіи народа и духовенства, при звукахъ трубъ и другихъ инструментовъ, съ совершеніемъ молебствія, для подобныхъ случаевъ установленнаго, обводится вокругъ хурула, а потомъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и народномъ крикѣ, съ именемъ *андына*, — отверженнаго, изгоняется на всегда изъ своего улуса. Такой отверженный можетъ однако же присоединиться къ другому улусу и даже жениться; но кочевать долженъ отдѣльно, нося самъ и сообщая потомству названіе *андынъ*.

Нынѣ обрядъ сей по видимому выходитъ изъ употребленія и живые *андыны* замѣняются вообще бездушными, глиняными или изъ муки составленными.

Кромѣ описанныхъ здѣсь средствъ, Гелюнги имѣютъ множество другихъ уловокъ, доказывающихъ наглое ихъ шарлатанство и невѣроятное ослѣпленіе и суевѣріе Калмыковъ. Желая болѣе выманить, Гелюнгъ объявляетъ иногда больному, что душа его разсталась уже съ тѣломъ и что если онъ еще сохраняетъ память и дыханіе, то это ни что иное, какъ послѣдніе признаки изчезающей жизни. Къ этому ужасному извѣстію обыкновенно прибавляется увѣреніе о возможности призвать отлучившуюся душу обратно, и несчастный больной, обѣщая за сіе все свое имѣніе, умоляетъ соединить его съ душою. Тогда Гелюнгъ начинаетъ призываніе, сперва звуками духовныхъ инструментовъ, а потомъ, вышедъ изъ кибитки, разными знаками, приглашаетъ душу въ обратный путь; кричитъ что она напрасно ушла, что ее съѣдятъ волки и т. п.; — когда же больной, въ мучительномъ состояніи страха и надеж-

ды, освѣдомляется объ успѣхѣ, то Гелюнгъ велитъ сказать ему, что все идетъ хорошо, что душа показалась уже въ отдаленіи и по видимому намѣрена возвратиться. Подобныя увѣренія продолжаются дотолѣ, пока больному сдѣлается хотя нѣсколько лучше, или онъ дѣйствительно разстанется съ жизнію. Въ первомъ случаѣ Гелюнгъ поздравляетъ своего больнаго съ душою, а въ послѣднемъ увѣряетъ родственниковъ его, что душа была уже очень близко, но что злобный эрликъ употребилъ къ удаленію ея неожиданную хитрость, о коей сочиняетъ цѣлыя басни, не теряя права на полученіе вознагражденія, за труды обѣщаннаго.

Въ болѣзняхъ, когда человѣкъ, впадая по временамъ въ безпамятство, не можетъ владѣть собою и произноситъ непонятныя слова, окружающіе его воображаютъ, что въ сіи минуты тревожитъ страдальца эрликъ, намѣревающійся похитить его душу; а по сему какъ въ кибиткѣ, такъ и внѣ оной поднимается страшная тревога: ибо всѣ находящіеся съ больнымъ, вооружась чѣмъ ни по-

пало, съ крикомъ бросаются во всѣ стороны, и ударяя по воздуху стараются прогнать злаго духа, въ чемъ усердно помогаютъ имъ Гелюнги своимъ примѣромъ и наставленіями.

Счисленіе времени.

Начало лѣтосчисленія Калмыцкаго не опредѣляется никакою эпохою и продолжается извѣстными періодами. Періоды сіи содержатъ въ себѣ кругъ счисленія, который оканчивается и начинается вновь по числу животныхъ, именами коихъ всѣ годы называются, чрезъ 12, а по придаваемымъ симъ животнымъ свойствамъ: желѣза, воды, дерева, огня и земли — чрезъ 60 лѣтъ. Чтобы предметъ сей объяснить подробнѣе, я помѣщаю здѣсь полный періодъ Калмыцкаго счисленія съ 1770 по 1830 годъ.

Темиръ	*барсъ*,	т. е.	желѣзо	барсъ,	1770
Темиръ	*туула*,	—	желѣзо	заяцъ,	1771
Усунъ	*луу*,	—	вода	драконъ,	1772
Усунъ	*мого*,	—	вода	змѣя,	1773
Модынъ	*моринъ*	—	дерево	лошадь,	1774

Модынъ	*хоинъ*,	т. е.	дерево	баранъ,	1775
Галъ	*мечинъ*,	—	огонь	обезьяна,	1776
Галъ	*така*,	—	огонь	курица,	1777
Шоро	*нохо*,	—	земля	собака,	1778
Шоро	*гаха*,	—	земля	свинья,	1779
Темиръ	*хулгуна*,	—	желѣзо	мышь,	1780
Темиръ	*укуръ*,	—	желѣзо	корова,	1781

Усунъ	*барсъ*,	—	вода	барсъ,	1782
Усунъ	*туула*,	—	вода	заяцъ,	1783
Модынъ	*луу*,	—	дерево	драконъ,	1784
Модынъ	*мого*,	—	дерево	змѣя,	1785
Галъ	*моринъ*,	—	огонь	лошадь,	1786
Галъ	*хоинъ*,	—	огонь	баранъ,	1787
Шоро	*мечинъ*,	—	земля	обезьяна,	1788
Шоро	*така*,	—	земля	курица,	1789
Темиръ	*нохо*,	—	желѣзо	собака,	1790
Темиръ	*гаха*	—	желѣзо	свинья,	1791
Усунъ	*хулгуна*,	—	вода	мышь,	1792
Усунъ	*укуръ*,	—	вода	корова,	1793

Модынъ	*барсъ*,	—	дерево	барсъ,	1794
Модынъ	*туула*,	—	дерево	заяцъ,	1795
Галъ	*луу*,	—	огонь	драконъ,	1796
Галъ	*мого*,	—	огонь	змѣя,	1797

Шоро	*моринъ,*	т. е.	земля	лошадь,	1798
Шоро	*хоинь,*	—	земля	баранъ,	1799
Темиръ	*мечинъ,*	—	желѣзо	обезьяна,	1800
Темиръ	*така,*	—	желѣзо	курица,	1801
Усунъ	*нохо,*	—	вода	собака,	1802
Усунъ	*гаха,*	—	вода	свинья,	1803
Модынъ	*хулгуна,*	—	дерево	мышь,	1804
Модынъ	*укуръ,*	—	дерево	корова,	1805

Галъ	*барсъ,*	—	огонь	барсъ,	1806
Галъ	*туула,*	—	огонь	заяцъ,	1807
Шоро	*луу,*	—	земля	драконъ,	1808
Шоро	*моґо,*	—	земля	змѣя,	1809
Темиръ	*моринъ,*	—	желѣзо	лошадь,	1810
Темиръ	*хоинъ,*	—	желѣзо	баранъ,	1811
Усунъ	*мечинъ,*	—	вода	обезьяна,	1812
Усунъ	*така,*	—	вода	курица,	1813
Модынъ	*нохо,*	—	дерево	собака,	1814
Модынъ	*гаха,*	—	дерево	свинья,	1815
Галъ	*хулгуна,*	—	огонь	мышь,	1816
Галъ	*укуръ,*	—	огонь	корова,	1817

Шоро	*барсъ,*	—	земля	барсъ,	1818
Шоро	*туула,*	—	земля	заяцъ,	1819

Темиръ	*луу*,	т. е.	желѣзо	драконъ	1820
Темиръ	*мого*,	—	желѣзо	змѣя,	1821
Усунъ	*моринъ*,	—	вода	лошадь,	1822
Усунъ	*хоинъ*,	—	вода	баранъ,	1823
Модынъ	*мечинъ*,	—	дерево	обезьяна,	1824
Модынъ	*така*,	—	дерево	курица,	1825
Галъ	*нохо*,	—	огонь	собака,	1826
Галъ	*гаха*,	—	огонь	свинья,	1827
Шоро	*хулгуна*,	—	земля	мышь,	1828
Шоро	*укуръ*,	—	земля	корова,	1829

За симъ послѣ 1770 года въ первый разъ слѣдуетъ вновь *темиръ барсъ*, т. е. *желѣзо барсъ*, и періодъ въ теченіе 60-ти лѣтъ будетъ продолжаться вышеизложеннымъ порядкомъ безъ всякаго измѣненія. Если нужно припомнить происшествіе, случившееся на примѣръ въ 1816 году, то Калмыкъ говоритъ, что это было во второмъ мышиномъ году, или что тогда былъ годъ: *галъ хулгуна*, (огонь мышь), т. е. по принятому въ переводахъ на Русской языкъ склоненію: годъ огненной мыши. Новый годъ начинается въ послѣднихъ

числахъ Ноября, а болѣе въ Декабрѣ мѣсяцѣ, предшествуемый 25 Ноября праздествомъ *хулу сара*, и состоитъ изъ 12-ти лунныхъ мѣсяцевъ, которые по порядку называются именами тѣхъ же животныхъ, какъ и годы, только безъ всякихъ къ нимъ прибавленій, и именно:

1. *Барсъ сара*,	т. е.	барсъ,	—	Декабрь.
2. *Туула*	—	заяцъ,	—	Январь.
3. *Луу*	—	драконъ,	—	Февраль.
4. *Мого*	—	змѣя,	—	Мартъ.
5. *Моринъ*	—	лошадь,	—	Апрѣль.
6. *Хоинъ*	—	баранъ,	—	Май.
7. *Мечинъ*	—	обезьяна,	—	Іюнь.
8. *Така*	—	курица,	—	Іюль.
9. *Нохо*	—	собака,	—	Августъ.
10. *Гаха*	—	свинья,	—	Сентябрь.
11. *Хулгуна*	—	мышь,	—	Октябрь.
12. *Укуръ*	—	корова,	—	Ноябрь.

Слѣдуя теченію луны и тщательно наблюдая возрожденіе и ущербъ ея, Калмыки считаютъ однакожъ въ каждомъ мѣсяцѣ по 30 дней, раздѣляемыхъ на недѣли.

Дни называются:

1.) *Наранъ* —— Воскресенье.

2.) *Сара* —— Понедѣльникъ.

3.) *Мингмеръ* —— Вторникъ.

4.) *Улюмжи* —— Среда.

5.) *Пюрбе* —— Четвертокъ.

6.) *Басангъ* —— Пятница.

7.) *Бембе* —— Суббота.

Наранъ значитъ солнце, а *сара* луна, сущности же прочихъ названій хотя ни переводчики, ни Калмыки объяснить положительно не могутъ, но увѣряютъ, что каждое изъ нихъ означаетъ особую звѣзду (*одонъ*), а посему и можно полагать, что у Калмыковъ дни называются также какъ и у насъ именами планетъ и что Калмыцкія слова значатъ:

Наранъ —— солнце.

Сара —— луна.

Мингмеръ —— Марсъ.

Улюмжи —— Меркурій.

Пюрбе —— Юпитеръ.

Басангъ —— Венера.

Бембе —— Сатурнъ.

Въ порядкѣ чиселъ Калмыцкое счисленіе съ Русскимъ рѣдко бываетъ согласно, ибо числа ихъ то остаются нѣсколькими днями назади, то идутъ впередъ. Сверхъ сего, соглашая теченіе луны съ правиломъ, чтобы каждый мѣсяцъ имѣлъ равное количество дней, Калмыки не рѣдко считаютъ два дни за одинъ, и одинъ день за два, и когда такимъ образомъ не достаетъ дня, то они говорятъ *тасырба*, т. е. день перервался, а когда два дни считаются однимъ числомъ, то называютъ *юльбя*, т. е. лишній. Чрезъ три же года въ четвертый бываетъ сряду и по два одинакихъ мѣсяца.

Счетъ и мѣра.

Счетъ у Калмыковъ начинается слѣдующимъ порядкомъ: *нигенъ* 1, *хоиръ* 2, *гурбунъ* 3, *дербёнъ* 4, *табунъ* 5, *зурганъ* 6, *долонъ* 7, *найманъ* 8, *есинъ* 9, *арбанъ* 10. — Послѣ сего единицы прикладываются къ десяти и говорится: *арбанъ нигенъ* (десять и одинъ), *арбанъ хоиръ* (десять и два), и проч. Такимъ образомъ числа

возрастаютъ до милліона и болѣе. Вотъ ихъ продолженіе: *хоринъ* 20, *гучинъ* 30, *дѣчинъ* 40, *табанъ* 50, *джиренъ* 60, *даланъ* 70, *наинъ* 80, *еренъ* 90, *зунъ* 100, *минганъ* 1,000, *тюмюнъ* 10 т., *бумъ* 100 т., *сая* 1 м., *джуба* — билліонъ, *такъ* триллiонъ. Для сокращеннаго изображенія сихъ чиселъ Калмыки имѣютъ свои цыфры, въ коихъ примѣтно сходство съ Арабскими, какъ можно видѣть сіе изъ приложенной къ сей главѣ сравнительной таблицы цыфръ до 10-ти. Далѣе десятки, сотни, тысячи и прочія суммы изъясняются приложеніемъ къ единицамъ извѣстнаго количества нолей; но есть ли у Калмыковъ какія либо дальнѣйшія обще-принятыя правила ариѳметики, того неизвѣстно; ибо они во всѣхъ случаяхъ съ удивительною легкостію и скоростію производятъ сложенія, умноженія, вычитанія и дѣленія, не прибѣгая ни къ какимъ пособіямъ — кромѣ *четокъ* и *памяти*. Въ этомъ видно самое ясное доказательство необыкновенной способности Калмыковъ къ наукамъ математическимъ.

Что принадлежитъ до опредѣленія мѣры *вещей*, *разстоянія* и *времени*, то и въ сихъ слу-

чаяхъ народъ Калмыцкій обходится безъ средствъ вспомогательныхъ.

При измѣреніи вещей, какъ то: тесемъ, аркановъ, и т. п. достаточно для нихъ *локтя* и *сажени*.

При опредѣленіи мѣры разстоянія принимаютъ они въ соображеніе: во сколько времени и какою ѣздою можно достигнуть извѣстнаго мѣста; а потому на вопросъ: далеко ли до такого-то урочища или жительства, — Калмыки говорятъ, что скорою ѣздою верхомъ надобно ѣхать туда половину дня, цѣлый день или болѣе. Всего же чаще отвѣчаютъ, что до такого-то пункта будетъ столько-то кочевокъ, раздѣляя оныя на весеннія, лѣтнія и осеннія (*). Наконецъ, опредѣляя разстоянія ближайшія, Калмыки ссылаются на звукъ голоса или на зрѣніе, говоря, что до такого-то мѣста пространство не далѣе того, на сколько можетъ раздаваться громкій крикъ человѣка; или что до онаго такое протяженіе, на сколько въ этотъ разъ и куда либо простирается зрѣніе объясняющаго.

(*) Весенняя кочевка полагается отъ 15 до 20-ти, лѣтняя отъ 10 до 15-ти, а осенняя отъ 25-ти до 40 верстъ.

Въ продолженіе дней и ночей Калмыки раздѣляютъ время не по часамъ (о коихъ не имѣютъ понятія), а по теченію солнца, луны и другихъ свѣтилъ небесныхъ, которыя, при точности наблюденій, даютъ имъ средства каждый разъ съ достовѣрностію опредѣлять мѣру дня или ночи. Коснувшись здѣсь вниманія Калмыковъ къ свѣтиламъ, прилично замѣтить, что свѣтила ночныя, — изъ коихъ Полярная звѣзда называется *Алтанъ Гасунъ* (золотой колъ); млечный путь—*Ойдулъ*, (путь небесный); большая Медвѣдица— *Долонъ Бурхутъ* (семь Бурхановъ), — служатъ въ обширныхъ степяхъ всегдашними и вѣрными путеводителями, и что Калмыки, по образу пастушеской ихъ жизни, безъ сомнѣнія, имѣютъ достаточныя свѣдѣнія Астрономическія и Метеорологическія, въ чемъ убѣждаютъ многія основательныя ихъ предвѣщанія о перемѣнахъ воздушныхъ и о бо̀льшей или мѐньшей суровости зимъ, равно какъ и о степени лѣтнихъ жаровъ.

Объяснивъ по возможности способы *исчисленія* и *измѣренія*, надлежитъ упомянуть, что *вѣсъ* вещамъ, если встрѣчается надобность

знать это, Калмыки опредѣляютъ нынѣ по Русски, т. е. пудами и фунтами; собственнаго же вѣсу, или яснѣе сказать, своего изобрѣтенія въ семъ родѣ не имѣютъ.

Искусства и ремесла.

Искусства и ремесла, не составляя въ Калмыцкомъ народѣ особой промышленности, заключаются только въ необходимыхъ домашнихъ рукодѣліяхъ.

Женщины обыкновенно дѣлаютъ кошмы или войлоки, валяные чулки, шерстяныя тесьмы для кибитокъ, шерстяные же съ конскими волосами арканы или веревки; выдѣлываютъ кожи и приготовляютъ изъ нихъ различные сосуды; шьютъ всю одежду и сапоги для себя и мужей, употребляя, гдѣ нужно, вмѣсто дратвы, жилы скота. Кошмы или войлоки дѣлаются изъ снятой съ овецъ шерсти, которую раскладываютъ для сего на старой кошмѣ же, бьютъ палками, уравниваютъ и обдаютъ кипяткомъ; потомъ свертываютъ все въ трубку, связываютъ и начинаютъ бро-

сать и валять по землѣ до тѣхъ поръ, пока находящаяся въ срединѣ шерсть достаточно сваляется. Тогда развертываютъ старую кошму и вынимаютъ изъ нея новую. Шерстяныя тесьмы, которыми укрѣпляются кибитки, представляютъ работу довольно хорошую; шириною онѣ бываютъ въ вершокъ и болѣе. Выдѣлываніе овчинъ производится посредствомъ кислаго молока, разными способами, изъ коихъ употребительнѣйшій есть слѣдующій: сначала овчину моютъ въ водѣ, и, провяливъ на воздухѣ, очищаютъ тупыми ножами мясную сторону; далѣе въ продолженіе нѣсколькихъ дней намазываютъ молочными отъ арьки дрожжами, или просто кислымъ молокомъ съ солью, и провѣтривая вновь, мнутъ руками, чѣмъ доводятъ до того, что овчина становится мягкою и наконецъ довершаютъ отдѣлку мѣломъ. Кожи конскія, воловьи и верблюжьи для сосудовъ и сапоговъ варятъ въ водѣ, и истребивъ на нихъ шерсть, скоблятъ съ обѣихъ сторонъ ножами; послѣ сего квасятъ, также какъ и выше сказано, въ молочныхъ кислотахъ, и просушивая шьютъ что надобно. Водоносы и прочія принадлеж-

ности имѣютъ наружность различную, сообразно ихъ назначенію; но такъ называемыя бартоги, въ родѣ большихъ флягъ съ узкими и широкими отверстіями, и съ наружными, на манеръ тисненыхъ, узорами, требуютъ особаго искусства, ибо тутъ нужно умѣнье выкраивать части и составлять изъ оныхъ цѣлое, при чемъ, чтобы дать сосуду какую нибудь извѣстную форму, наполняютъ внутренность онаго пескомъ, а для сообщенія достаточной твердости, коптятъ надъ дымомъ. Кромѣ сего нѣкоторыя женщины высшихъ сословій вышиваютъ шелками шапки и края у платья сверху до поясьевъ.

Мущины занимаются дѣланіемъ кибиточныхъ рѣшетокъ и дверей, точатъ корневыя чайныя чашки, дѣлаютъ для чая деревянныя съ мѣдными или желѣзными обручиками *домбы*, похожія на крестьянскіе жбаны, съ тою разницею, что домбы выше (*). Сверхъ того есть у нихъ свои кузнецы, слесари, мастера серебряныхъ дѣлъ, сѣдельники и даже живописцы изъ Ге-

(*) Лучшія домбы и бартоги дѣлаются въ улусѣ Малодербетевскомъ.

люнговъ, украшающіе хурулы изображеніями Бурхановъ. Но всѣ сіи мастеровые весьма рѣдки и произведенія ихъ крайне грубы. Живопись Калмыковъ по шелковой матеріи не имѣетъ групповки, и если чѣмъ нибудь обращаетъ на себя вниманіе любопытныхъ, то это единственно добротою яркихъ и прочныхъ своихъ красокъ; ибо отдѣлка предметовъ уступаетъ самой простой малярной работѣ. Причиною всего этаго не недостатокъ способностей въ Калмыкахъ, а лѣнь и небреженіе, останавливающія ихъ на всѣхъ путяхъ къ пріобрѣтенію и усовершенствованію познаній. Дѣлая какую нибудь вещь, Калмыкъ не думаетъ о красотѣ ея и чистотѣ обработки, лишь-бы годилась она для употребленія. Инструменты ихъ мастерства столь ничтожны, что объ нихъ и говорить нечего.

Цифры Арабскія и Калмыцкія

1	1
2	2
3	3
4	4
5	5
6	6
7	7
8	8
9	9
10	10

ГЛАВА XII.

НАРОДНОЕ БОГАТСТВО.

Богатство Калмыковъ заключается въ скотоводствѣ. Обширныя степи, занимаемыя ими, поддерживаютъ жизнь безчисленныхъ стадъ овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ, почти безъ всякихъ человѣческихъ попеченій, и если бы къ благодѣяніямъ природы прилагалось со стороны Калмыковъ радѣніе о хозяйствѣ, то они воскресили бы въ улусахъ своихъ названіе *Золотой Орды*. Но люди, которые не заботятся лично о себѣ, могутъ ли помышлять о чемъ нибудь полезномъ? Умѣренность климата, доставляя воз-

можность стадамъ ихъ быть круглый годъ на открытомъ воздухѣ и питаться подножнымъ кормомъ, приучила хозяевъ не думать о доставленіи бѣднымъ животнымъ, на случай суровости зимняго времени, пріюта и продовольствія, и хотя Калмыки, обманываясь въ надеждахъ своихъ, не разъ были наказываемы жестокими потерями, но не сдѣлались осторожнѣе. Скотъ ихъ содержится по прежнему, и при совершенномъ измѣненіи здѣшняго климата, — гдѣ зимній холодъ и изобиліе снѣговъ сдѣлались постоянными, — подвергается величайшей гибели.

На зимнихъ пастьбищахъ, въ Калмыцкихъ степяхъ, впереди пускаются конные табуны, потому, что лошади имѣютъ болѣе силы разрывать копытами снѣгъ, покрывающій траву; по слѣдамъ ихъ идетъ скотъ рогатый, а потомъ овцы, облегчаемыя первыми въ добываніи себѣ пищи; при чемъ снѣгъ служитъ вмѣсто воды, и избавляетъ Калмыковъ отъ единственнаго ихъ труда: приготовлять въ лѣтнее время худуки или водопойныя ямы.

Верблюды, питающіеся бурьянникомъ, ре-

пейникомъ и прочими грубыми растеніями, хотя менѣе другихъ затрудняются въ борьбѣ со снѣгомъ, но за то, по свойству своему, болѣе терпятъ отъ холода и не могутъ быть безъ кошемныхъ покрововъ.

Бури и мятели, называемыя *шурганами*, въ особенности здѣсь производятъ величайшія опустошенія. Онѣ по направленію своему увлекаютъ стада, и повергая съ высокихъ обрывовъ въ рѣки и стремнины, губятъ вдругъ цѣлыми тысячами.

За всѣмъ тѣмъ скотоводство Калмыковъ до 1831 года находилось въ весьма хорошемъ состояніи. По неимѣнію о семъ новѣйшихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, изъ прилагаемой при семъ табели за 1827 годъ видно, что тогда показано было во всѣхъ улусахъ: верблюдовъ 46,455; лошадей 160,900; рогатаго скота 124,690; овецъ 459,036; козъ 13,144. Счетъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, уменьшенъ Калмыками, и какъ удостовѣряли меня улусные Пристава, можетъ быть принятъ развѣ за одну третью часть настоящаго количества. При сихъ удостовѣреніяхъ, согласныхъ съ наблюденіями жившихъ въ улусахъ торговцевъ, если толь-

ко удвоить вышеприведенныя числа и положить всему круглымъ числомъ самую низкую цѣну, а именно: за верблюда 70 р., лошадь 25 р., рогатую скотину 15 р., овцу 6 р. и козу 3 р., оказывается, что въ 1827 году Калмыки имѣли скота по крайней мѣрѣ на 23,876,696 руб.

Верблюды здѣсь вообще двугорбые, шерстью темно-желтые, и изрѣдка бѣлые. Калмыкамъ необходимы они при перекочевкахъ для перевозки ихъ жилищъ и имущества. Здоровый и сильный верблюдъ легко можетъ поднимать и везти на себѣ тяжесть до 20-ти пудъ. Для удобности вьючить и развьючивать пріучаютъ ихъ, когда нужно, присядать на землю. Управляютъ ими однимъ поводомъ, продѣваемымъ въ нарочно прожигаемое близъ ноздрей сквозное отверстіе, и такимъ образомъ не смотря на огромность и силу сихъ животныхъ, всякой, безъ малѣйшаго труда *водитъ ихъ за носъ*. Обыкновеннымъ караваннымъ ходомъ верблюдъ свободно можетъ сдѣлать въ день 40 верстъ, а въ другихъ случаяхъ и болѣе. Въ бытность мою въ улусахъ, по дикости и непривычкѣ Калмыцкихъ

лошадей къ упряжкѣ, закладывали въ мой экипажъ по при верблюда рядомъ, и я, имѣя въ заводу другихъ верблюдовъ для перемѣны усталыхъ, въ продолженіе дня проѣзжалъ верстъ по 80-ти и болѣе тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ. Верблюды, неприступные только въ Февралѣ мѣсяцѣ, когда бываетъ пора ихъ страстей, въ прочее время очень кротки. Забавно видѣть ихъ въ запряжкѣ подъ экипажами, при чемъ вмѣсто упряжи накладываются имъ на горбы веревки, и на каждаго садится верхомъ Калмыкъ-подводчикъ. Непривыкшіе къ сему роду употребленія, они безпрерывно испускаютъ дикіе крики, выражая усталость или неудовольствіе на побужденія ихъ къ скорому бѣгу.

Лошади Калмыцкія, не имѣя завидной наружности, отличаются легкостію и твердостію. На нихъ можно проѣзжать до 100 верстъ, не останавливаясь. Въ Малодербетевскомъ улусѣ, кочующемъ на Сѣверъ, среди обильныхъ пажитей, лошади въ сравненіи съ прочими на видъ лучше, но въ качествахъ преимущество остается на сторонѣ лошадей другихъ улусовъ, далѣе въ степи углублен-

ныхъ, потому вѣроятно, что послѣднія, при не избыткѣ кормовъ, освоиваясь съ нуждами пріобрѣтаютъ по мѣрѣ того и бо̀льшую крѣпость.

Здѣшній *рогатый скотъ* принадлежитъ къ числу породъ посредственныхъ.

Овцы Калмыцкія тѣ же, что и Киргизскія. Онѣ велики, сильны и вѣсятъ болѣе 4 пудъ. Главное различіе ихъ отъ овецъ другихъ породъ есть *курдюкъ*, представляющій вмѣсто хвоста мѣшокъ, наполненный жиромъ изъ котораго вытапливается сала иногда близъ пуда; шерсть, снимаемая весною и осенью, употребляется только на грубыя издѣлія (*). Овцы сіи, какъ и весь домашній скотъ Калмыковъ, зимою бываютъ крайне тощи; но это не мѣшаетъ имъ съ наступленіемъ весны счастливо плодиться, а осенью, когда благотворная прохлада замѣняетъ зной

(*) Одинъ изъ Астраханскихъ жителей, занимающійся скотоводствомъ, выписалъ было сюда овецъ изъ внутреннихъ губерній, для того, чтобы имѣть отъ нихъ хорошую шерсть; но овцы сіи въ одно лѣто потеряли достоинство шерсти и что удивительнѣе, сверхъ обыкновенныхъ хвостовъ получили курдюки.

солнца и удаляетъ милліоны оводовъ и другихъ насѣкомыхъ, достигать полной тучности. Въ кочевомъ быту овцы необходимѣе и полезнѣе всѣхъ животныхъ, и онѣ же, къ сожалѣнію, болѣе всѣхъ подвержены истребленію отъ буръ, снѣга и холода.

Козъ держатъ Калмыки только для путеводительства овцамъ: ибо онѣ, будучи смѣлѣе, пускаются всегда впередъ; безъ нихъ же овцы, если ихъ куда нибудь гонятъ, стѣсняются въ неподвижный гуртъ, и при перекочевкахъ наводятъ затрудненіе.

Болѣзни повальныя и прилипчивыя въ здѣшнихъ степяхъ бываютъ: a) *Момо* (Сибирская язва), поражающая лошадей, рогатый скотъ и овецъ; b) *Чагыръ*, производящая у рогатаго скота кровавую мочу; c) *Элькене гемъ*, т. е. гніеніе печеней и легкихъ у верблюдовъ, которые сверхъ сего подвержены болѣзни въ ногахъ; d) *Баху*, причиняющая въ горлѣ у овецъ опухоль и e) *Шулька*, сопровождаемая теченіемъ слюны у рогатаго скота и овецъ. Сіи болѣзни, почти всѣ, считаются неизлечимыми, изъ нихъ чагырь и баху, открываю-

щіяся большою частію на низменныхъ мѣстахъ, послѣ стока весенней воды, приписываются дѣйствію вредныхъ растеній.

Состояніе Калмыковъ можно раздѣлить, примѣрно, на богатое, безбѣдное и самое ограниченное. Богатымъ состояніе считается тогда, когда Калмыкъ имѣетъ отъ 500 до 5 и 10-ти т. овецъ, отъ 100 до 2 т. лошадей, отъ 100 до 500 рогатаго скота и отъ 25 до 100 верблюдовъ (*); безбѣднымъ — когда есть отъ 50 до 150 овецъ, отъ 10 до 50 лошадей, отъ 10 до 30 рогатаго скота и отъ 5 до 15 верблюдовъ, и наконецъ самымъ ограниченнымъ, если у Калмыка не болѣе 20 овецъ, двѣ или три лошади и головъ пять рогатаго скота, ибо изъ сего количества нельзя извлекать продажею достаточныхъ средствъ къ содержанію и надобно чрезъ услуги другимъ искать ихъ пособія. Съ состояніемъ же еще меньшимъ Калмыкъ вынужденъ бываетъ вовсе оставить кочевую жизнь; тогда онъ переходитъ къ заливамъ Каспій-

(*) Каждый хозяинъ отличаетъ свой скотъ отъ посторонняго особеннымъ знакомъ (Тавро) и мѣткою на ушахъ.

скаго моря для сысканія пропитанія работами и по наименованію прибрежныхъ урочищъ мочагами, называется уже *мочажнымъ*.

Имѣя отъ скотоводства кошмы для жилищъ, пищу и проч., Калмыки въ семъ же родѣ хозяйства находятъ средства имѣть и все то, что можетъ считаться въ ихъ быту нѣкоторою роскошью. Средства сіи почерпаются ими въ торговлѣ скотомъ. Главнѣйшая продажа онаго бываетъ весною, въ улусахъ, куда съѣзжаются изъ внутреннихъ губерній Русскіе торговцы, и покупаютъ весьма большія партіи, въ особенности овецъ, коимъ цѣна, не всегда постоянная, простирается отъ 6 до 9 рублей.

Лѣтомъ и осенью Калмыки продаютъ скотъ Астраханской губерніи въ городѣ Черномъ Ярѣ, гдѣ, по сему случаю, 14-го Сентября бываетъ значительная ярманка; въ Енотаевскѣ, и въ 7 верстахъ отъ Астрахани, на урочищѣ, издревле именуемомъ *Калмыцкой базаръ*, гдѣ на крутомъ песчаномъ берегу Волги всякой проѣзжающій въ Астрахань можетъ видѣть небольшой деревянный въ Китайскомъ вкусѣ хурулъ, нѣсколько ветхихъ

лавочекъ съ разною мелочью и около 10 кибитокъ. Здѣсь пребываютъ: Частный Калмыцкаго базара Приставъ и назначаемые отъ каждаго улуса *бодокчеи* или старосты, имѣющіе обязанность свидѣтельствовать условія Калмыковъ, нанимаемыхъ рыбопромышленниками въ работу.

Сверхъ поименованныхъ мѣстъ Калмыки гоняютъ скотъ свой для продажи въ предѣлы Саратовской губерніи, Кавказской области и въ землю войска Донскаго.

Нахичеванскіе Армяне пріѣзжаютъ къ нимъ покупать лошадей; а Киргизы подвластной Россіи меньшой орды, кочующіе между Ураломъ и Волгою, производятъ съ ними мѣну, при чемъ Калмыки за верблюдовъ получаютъ овецъ и лошадей, коими Киргизы славятся.

Къ сему же описанію степной Калмыцкой торговли, надлежитъ присоединить продажу сырыхъ различныхъ кожъ, овчинъ, мерлушекъ и тулуповъ.

Принимая все сіе въ соображеніе и основываясь на наблюденіяхъ улусныхъ Приста-

вовъ, рѣшительно можно сказать, что скотоводство приноситъ Калмыкамъ, или по крайней мѣрѣ доселѣ приносило, ежегодно болѣе *полутора милліона* рублей.

Послѣ скотоводства рыболовство въ Астраханской губерніи служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія бѣдныхъ Калмыковъ. На рѣчномъ и Эмбенскомъ морскомъ промыслахъ съ весны до осени бываетъ ихъ неменѣе 6 т. человѣкъ, гдѣ каждый зарабатываетъ до 100 руб. на хозяйскомъ хлѣбѣ, а при рыболовныхъ ватагахъ цѣлыя семейства бѣдныхъ Калмыковъ питаются рыбою. Такимъ образомъ Калмыки отъ сего промысла получаютъ въ продолженіе каждаго лѣта до 60 т. рублей.

Для бѣднѣйшаго Калмыцкаго семейства, состоящаго изъ 5-ти душъ, въ числѣ коихъ одинъ работникъ, надобно въ годъ чаю 6 кирпичей, по 4 р. 50 к., на 27 р.; муки ржаной 2 мѣшка $7\frac{1}{2}$ пудоваго вѣсу, по средней цѣнѣ на 18 р.; табаку курительнаго на 8 р.; холста на 5 р.; сверхъ сего нужно на платежъ владѣльцу, Зайсангу и служителямъ

вѣры до 15 р.; на ремонтъ кибитки и домашней утвари до 8 р.; на исправленіе верхней одежды отъ 10 до 15 р.; и на праздничныя удовольствія до 4 р. Что̀ всё составляетъ около 100 р., кои непремѣнно должно пріобрѣсти продажею скота, или работою.

Торговля необходимыми въ Калмыцкомъ быту потребностями, какъ то: чаемъ, табакомъ, китайкою, бурметью, холстомъ, витушками, чихиремъ (виноградным виномъ) и разными мелочными издѣліями находится въ рукахъ Армянъ и частію Татаръ, которые кочуютъ всегда съ товарами своими при главныхъ владѣльческихъ ставкахъ или оръгахъ. Въ прежнее время допущена была въ степяхъ продажа и хлѣбнаго вина, но съ 1828 года воспрещена, потому, что Армяне, пользуясь слабостію Калмыковъ, поступали съ ними точно также, какъ поступаютъ Евреи въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ съ тамошними крестьянами, т. е. насчитывали на Калмыковъ огромные долги и проценты, и дѣлались потомъ хозяевами ихъ собственности. Вмѣстѣ съ помянутымъ воспрещеніемъ, для вящшаго охраненія народнаго благосостоянія, постано-

влено Правительствомъ, чтобы безъ дозволенія простому Калмыку вѣрить неболѣе 5 руб. Займы до 100 руб. допускать только за поручительствомъ Зайсанга или Демчея, а свыше сей суммы только по поручительству владѣльца, или въ казенномъ улусѣ, Пристава. Мѣры сіи вполнѣ достигли бы благотворной цѣли своей, если бы продажа хлѣбнаго вина не замѣнялась нынѣ едва ли невреднѣйшею еще продажею чихиря: прежде вино продавалось въ немногихъ мѣстахъ и Калмыкъ не легко могъ доставать его, а теперь почти нѣтъ ни одного хотона, гдѣ бы услужливость Армянъ не предлагала даровъ Вакха; при томъ прежде Калмыкъ могъ довольствоваться одною полъ-осмухою хлѣбнаго вина, а теперь для опьяненія въ той же степени, долженъ выпить дурнаго кислаго чихиря двойную или тройную противъ сего порцію, платя за полъ-осмухи до 75 коп.; слѣдовательно нынѣ Калмыки имѣютъ ближе къ себѣ вино, и болѣе на сіе издерживаютъ.

ВѢДОМОСТЬ
о числѣ скота по Калмыцкимъ улусамъ, за 1827 годъ.

	Званiе улусовъ.	Верблюды.	Лошади.	Рогатой скотъ.	Овцы.	Козы.
1.	Въ *Хошоутовскомъ* улусѣ, владѣльца Князя Тюменева.	8,000	30,000	20,000	110,000	400
2.	Въ *Экицохуровскомъ*, владѣльца Церенъ Убуши. .	4,500	11,000	9,500	55,000	4,000
3.	Въ *Яндыковскомъ* того же владѣльца.	1,785	3,200	4,190	104,036	2,019
4.	Въ *Харахусовскомъ* наслѣдника владѣльца Очира . .	1,500	6,000	12,000	16,000	375
5.	Въ *Эрдени Кигиковскомъ*	2,000	8,000	13,000	15,000	450
6.	Въ *Малодербетевскомъ* владѣльца Дилжипа Тундушова	15,000	70,000	25,000	50,000	1,700
7.	Въ *Большедербетевскомъ*, владѣльца Очира Ханчукова	4,350	10,700	8,000	49,000	1,050
	Въ Казенныхъ улусахъ:					
8.	*Багоцохуровскомъ*.	5,050	12,000	17,000	35,000	1,200
9	*Эркетеневскомъ* . .	3,800	10,000	16,000	25,000	1,500
	Итого . . .	46,435	160,900	124,690	459,036	13,144

ГЛАВА XIII.

ПОВИННОСТИ.

Улусы владѣльческіе и казенные никакой опредѣлительной казенной повинности не отбываютъ, кромѣ того только, что ежегодно командируются изъ нихъ 200 человѣкъ при двухъ Зайсангахъ въ Астраханское казачье войско для отправленія кордонной службы на Ахтубинской линіи, и 40 человѣкъ въ составъ Эскортной команды, для сопровожденія отъ Астрахани къ Кизляру почтъ и эстафетовъ (*).

(*) Калмыки сіи вооружаются на общественный счетъ ружьями, пистолетами, пиками и саблями.

При такой льготѣ со стороны Правительства, состояніе Калмыцкаго народа конечно процвѣтало-бы, если бы не препятствовали сему, съ одной стороны, закоренѣлая лѣность Калмыковъ, не трезвая жизнь, карты и тяжбы, а съ другой обязанности ихъ въ отношеніи къ владѣльцамъ, Зайсангамъ и многочисленному праздному духовенству, кои всѣ живутъ на счетъ простолюдиновъ, не заботясь объ улучшеніи ихъ хозяйства и промышлености (*).

Для огражденія Калмыковъ отъ неограниченныхъ поборовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ крайнее ихъ разореніе, въ разныя времена постановлено, чтобы владѣльцы собирали съ каждой кибитки подвластныхъ своихъ по 25 руб. и Зайсанги по одному рублю въ годъ; но правило сіе едва ли исполняется во всей силѣ, ибо, по неравенству состояній, вмѣсто платежа *съ кибитокъ* раскладка подати (албана) въ пользу владѣльцевъ и на всѣ другія надобности издревле дѣлается у Калмыковъ *по числу*

(*) Сіе впрочемъ ни мало не относится до улуса владѣльца Полковника Князя Тюменева, извѣстнаго своимъ просвѣщеніемъ и попечительностію о благѣ подвластныхъ ему.

скота, завися въ опредѣленіи количества налога отъ произвола владѣльцевъ, Зайсанговъ и духовенства, при чемъ на кибитку бѣднѣйшаго падаетъ въ годъ рубля по 3, а богатые платятъ отъ 100 и до 500 рублей. И если при семъ распорядкѣ, въ основаніи своемъ болѣе близкомъ къ справедливости, допускаются излишества, то уравнительная обязанность платежа по 25 руб. съ кибитки, будучи полезна для однихъ богатыхъ, превышала бы способы большей половины бѣдныхъ, которые едва снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Очень рѣдко Калмыкамъ приходится отправлять другія чрезвычайныя повинности, въ примѣръ коихъ можно привести: бытность на службѣ двухъ пятисотныхъ конныхъ полковъ въ отечественную войну съ Французами и нарядъ значительнаго числа людей въ вожатые съ верблюдами въ Персію и Турцію, во время послѣднихъ кампаній съ сими державами. Въ сихъ случаяхъ Калмыки показали однакоже, что мирная пастушеская жизнь не истребила въ нихъ воинственной доблести ихъ предковъ, и тѣнь Чингизъ-Хана съ торжествомъ носилась въ рядахъ отдаленныхъ его потомковъ

— подъ небомъ Франціи на берегахъ роскошной Сены.

За тѣмъ постоянныя личныя обязанности состоятъ въ службѣ по общественнымъ выборамъ, которую несутъ члены: Коммисіи Калмыцкихъ дѣлъ, Суда Зарго и Улусныхъ Правленій и въ казённыхъ улусахъ Правители.

ГЛАВА XIV.

УПРАВЛЕНІЕ, СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЗАКОНЫ.

Россія, принимая Калмыковъ подъ свое покровительство, сохраняла совершенную неприкосновенность къ правамъ сего народа, столь для нея новаго и неизвѣстнаго нравами и обычаями; а потому оный и управлялся непосредственно своими властями и законами.

Въ семъ порядкѣ вещей каждый улусъ повиновался своему владѣльцу. Сильнѣйшій изъ сихъ владѣльцевъ признаваемъ былъ главою всей Калмыцкой Орды, и пользуясь властію и титуломъ Хана, имѣлъ при себѣ особый Правительственный Совѣтъ, въ которомъ по выбору его засѣдали восемь членовъ изъ Ге-

люнговъ и Зайсанговъ. Совѣтъ сей, по Калмыцки *Зарго*, т. е. Судъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами внутренними и внѣшними. Члены онаго собирались въ особенной кибиткѣ, гдѣ хранилось и Калмыцкое Уложеніе; тамъ разсматривали они жалобы на частные владѣльческіе суды и производили отъ лица Хана всю переписку съ Россійскимъ Правительствомъ и владѣльцами. Заготовляемыя ими бумаги представлялись вчернѣ къ Хану и удостоенныя одобренія переписывались на бѣло, а потомъ вмѣсто подписи утверждаемы были Ханскою печатью, хранившеюся у довѣреннаго Зайсанга, и разсылались по принадлежности.

Судъ въ дѣлахъ Уголовныхъ и Гражданскихъ производился большею частію на словахъ. По выслушаніи истца и отвѣтчика призывались свидѣтели, и если обстоятельства казались довольно ясными, то сообразно Уложенію или обычаямъ постановляемо было рѣшеніе, которое съ утвержденія Хана тутъ же и исполнялось. Но чаще, для облегченія судопроизводства, дѣла̀ оканчивались присягою, какъ это дѣлается и по нынѣ.

Случаи, въ коихъ допускается, присяга и

обряды при семъ наблюдаемые, заслуживаютъ чтобы сказать объ нихъ подробнѣе. Если, напримѣръ, сдѣлается въ улусѣ значительная пропажа скота и въ покражѣ онаго хозяинъ объявитъ на кого либо подозрѣніе, съ тѣмъ, что по не возможности представить доказательства (*), считаетъ необходимымъ употребленіе въ настоящемъ дѣлѣ *шахана*, т. е. присяги, тогда допускается къ оной не отвѣтчикъ, а кто либо изъ близкихъ родственниковъ его, или по крайней мѣрѣ изъ одного съ нимъ рода, по избранію истца. Выборъ сей обыкновенно падаетъ на людей почетныхъ и богатыхъ, по предположенію, что человѣкъ наслаждающійся счастливою жизнію, не такъ легко подвергнетъ себя неизбѣжнымъ слѣдствіямъ клятвопреступленія, т. е. предастъ особу свою эрлику, какъ ожидать сего можно отъ человѣка бѣднаго.

Назначенный такимъ образомъ посредникъ, будучи не вправѣ отказаться отъ при-

(*) Хозяева покраденнаго, не щадя никакихъ обѣщаній, не рѣдко узнаютъ похитителей отъ ихъ родныхъ, подъ клятвою не выставлять оныхъ предъ судомъ доказателями.

сяги, и страшась, чтобы не принять оной неправильно въ пользу другаго, развѣдываетъ стороною и убѣждаетъ самаго отвѣтчика сказать ему: не учинилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ возводимаго на него воровства? и такъ какъ сей послѣдній обязанъ быть при семъ столь же откровеннымъ, какъ добрый Христіанинъ на исповѣди, то въ случаѣ признанія его, избранное присягать лице, подъ разными предлогами, отъ сего уклоняется и платитъ истцу за покраденное сполна, со всѣми протopями и убытками. Но буде посредникъ удостовѣрится въ невинности отвѣтчика, то объявляетъ согласіе принять въ томъ присягу, и участь процесса зависитъ уже отъ удачнаго или неудачнаго оной совершенія. Присяга производится слѣдующимъ порядкомъ: въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ общаго кочевья выставляется уединенная кибитка, въ которой развѣшиваются изображенія Бурхановъ, при чемъ грозный *Цойрджилъ*, онъ же и *Махалага*, занимаетъ первое мѣсто. Предъ симъ ужаснаго вида Калмыцкимъ божествомъ, на жертвенникѣ, въ числѣ различныхъ жертвъ, въ одномъ сосудѣ возжи-

гаешся масло, а въ другомъ кладешся сердце убиваемой по сему случаю коровы, которая непремѣнно должна бышь черная и съ бѣлымъ на лбу пяшномъ. Посреди кибишки разсшилаешся сняшая съ шой же коровы кожа и посредсшвомъ вколачиваемыхъ по краямъ гвоздей шуго нашянушая, намазываешся кровью. Надъ дверями, внушри кибишки, по обѣимъ сшоронамъ ушверждаюшся огромныя шрубы (бюря), а подъ ними два ружья, заряженныя однимъ порохомъ. Наконецъ внѣ кибишки, шакже надъ самымъ входомъ въ оную, прикрѣпляешся коровья голова съ вышянушымъ языкомъ и ошверзшыми глазами, къ коимъ, а равно и къ ноздрямъ привѣшиваюшся печени. Въ заключеніе Гелюнги садяшся въ кибишкѣ по сшоронамъ кожи, имѣя въ рукахъ всѣ инсшруменшы духовной ихъ музыки. Между шѣмъ приводишся избранный присягашь; онъ снимаешъ съ себя всю одежду, исключая шолько исподнее плашье, и сдѣлавъ передъ дверями шри поклона въ землю, лишь шолько располагаешся войши въ кибишку, какъ родсшвенники и посшоронніе, во множесшвѣ на сей разъ собирающіеся, о-

становливаютъ его и заводятъ съ истцемъ различные споры. Когда же не смотря на сіе присягающій входитъ, то съ первымъ шагомъ его чрезъ порогъ раздаются ружейные выстрѣлы и пронзительные звуки трубъ, литавръ и бубновъ. При всѣхъ сихъ-то явленіяхъ, приготовленныхъ съ цѣлію поразить воображеніе и потрясти душу, избранный обязанъ пройти босыми ногами по скользской кожѣ къ жертвеннику, поклониться трижды Бурханамъ, задуть горящее предъ ними масло и схватя зубами сердце, вынести оное вонъ изъ кибитки къ зрителямъ. По благополучномъ окончаніи сей церемоніи, подозрѣваемый объявляется правымъ и истецъ, за напрасное оклеветаніе, платитъ ему противъ претензіи своей вдвое. Но если тотъ, кто присягаетъ, входя въ кибитку, или выходя изъ оной, хотя нѣсколько поскользнется, или задуетъ горящее масло не съ одного раза, или выронитъ изъ зубовъ сердце, то начинается ужасная ссора и драка, присяга считается ложною и обвиняемый безусловно уплачиваетъ искъ и убытки. Присяга такого рода почитается чрезвычайно важною и потому

употребляется довольно рѣдко; обыкновенное же приношеніе клятвы состоитъ въ томъ, что присягающій покланяется Бурханамъ и головою своею касается ихъ подножія.

Законы Калмыцкіе, составленные въ 1640 мъ году и извѣстные подъ названіемъ: *Права Мунгальскихъ и Калмыцкаго народовъ*, въ свое время весьма достаточно принаровлены были къ образу и потребностямъ кочеваго быта. Въ нихъ особенно примѣчательна рѣзкая черта, отдѣляющая Калмыковъ отъ другихъ соплеменныхъ имъ народовъ, поддерживавшихъ нѣкогда кровавый тронъ Чингизъ-Хановъ и Тамерлановъ: здѣсь говорится о необыкновенной умѣренности въ наказаніяхъ и уваженіи къ жизни каждаго. Калмыцкое Уложеніе, вопреки общему правилу древняго правосудія — мстить кровію за кровь, опредѣляло смертную казнь однимъ измѣнникамъ; всѣ же другія преступленія, какъ то: убійство, грабежъ, насиліе и т. п. наказывались только взысканіемъ съ виновныхъ назначен-

(*) Законы сіи помѣщены въ Сѣверномъ Архивѣ и Сынѣ Отечества 1828 г. Кн. I-я и II-я.

наго количества скота. Впрочемъ, неограниченная властъ Хановъ могла увеличивать наказанія. Такъ, на примѣръ, Ханъ Дундукъ-Даши въ 1747-мъ году увѣдомлялъ Астраханскаго Губернатора Брылкина, что онъ принялъ правиломъ за воровство и грабежи наказывать Калмыковъ плетьми, и сверхъ того выкалывать имъ шиломъ глаза, и что таковая казнь надъ нѣкоторыми уже совершена въ присутствіи посланнаго отъ Губернатора.

Послѣ измѣны, или, какъ сказано въ Уложеніи, *ухода съ мѣста сраженія*, по цѣнѣ штрафа всего важнѣе считалось убійство сыномъ отца или матери, укрывательство бѣглыхъ и оскорбленіе духовенства.

Россійскій Дворъ, издавна производя сношенія съ Калмыцкими Ханами и владѣльцами чрезъ Астраханскихъ Воеводъ единственно о дѣлахъ внѣшней политики, не прежде какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія началъ распространять вліяніе свое на внутреннее состояніе ихъ подданныхъ. Въ сіе время учреждена была въ Астрахани, подъ вѣдомствомъ Губернаторовъ, *Контора Калмыцкихъ и Татарскихъ Дѣлъ*, для разбора пре-

тензій между обитателями тамошнихъ степей. Присутствіе Конторы состояло изъ одного Русскаго чиновника, двухъ, по назначенію Хана Зайсанговъ и нѣсколькихъ Татарскихъ Мурзъ.

Сверхъ сего тогда же, для ближайшаго наблюденія за поведеніемъ Калмыковъ и для удобнѣйшаго съ Ханомъ и владѣльцами сношенія, поручаемо было *вѣдать Калмыцкія дѣла* Коммендантамъ: начально въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ, и напослѣдокъ, по устроеніи въ 1747-мъ году крѣпости Енотаевской, въ Енотаевскѣ, подъ главнымъ начальствомъ Иностранной Коллегіи; на Астраханскихъ же Губернаторовъ и Начальниковъ войскъ возлагалась только обязанность въ случаѣ надобности оказывать помянутымъ лицамъ зависящее содѣйствіе (*).

Въ послѣдствіи опытъ показалъ, что право Хановъ назначать въ *Зарго* людей, исключительно имъ подвластныхъ, съ одной стороны доставляло имъ возможность съ бо́льшею скрытностію входить въ непозволенныя сношенія съ непріязненными Россіи народами,

(*) Калмыки Дербетевскихъ улусовъ, кочевавшіе съ 1710 г. близь Дона, состояли въ вѣдомствѣ Начальства Войска Донскаго.

наго количества скота. Впрочемъ, неограниченная власть Хановъ могла увеличивать наказанія. Такъ, на примѣръ, Ханъ Дундукъ-Даши въ 1747-мъ году увѣдомлялъ Астраханскаго Губернатора Брылкина, что онъ принялъ правиломъ за воровство и грабежи наказывать Калмыковъ плетьми, и сверхъ того выкалывать имъ шиломъ глаза, и что таковая казнь надъ нѣкоторыми уже совершена въ присутствіи посланнаго отъ Губернатора.

Послѣ измѣны, или, какъ сказано въ Уложеніи, *ухода съ мѣста сраженія*, по цѣнѣ штрафа всего важнѣе считалось убійство сыномъ отца или матери, укрывательство бѣглыхъ и оскорбленіе духовенства.

Россійскій Дворъ, издавна производя сношенія съ Калмыцкими Ханами и владѣльцами чрезъ Астраханскихъ Воеводъ единственно о дѣлахъ внѣшней политики, не прежде какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія началъ распространять вліяніе свое на внутреннее состояніе ихъ подданныхъ. Въ сіе время учреждена была въ Астрахани, подъ вѣдомствомъ Губернаторовъ, *Контора Калмыцкихъ и Татарскихъ Дѣлъ*, для разбора пре-

тензій между обитателями тамошнихъ степей. Присутствіе Конторы состояло изъ одного Русскаго чиновника, двухъ, по назначенію Хана Зайсанговъ и нѣсколькихъ Татарскихъ Мурзъ.

Сверхъ сего тогда же, для ближайшаго наблюденія за поведеніемъ Калмыковъ и для удобнѣйшаго съ Ханомъ и владѣльцами сношенія, поручаемо было *вѣдать Калмыцкія дѣла* Коммендантамъ: начально въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ, и наконецъ, по устроеніи въ 1747-мъ году крѣпости Енотаевской, въ Енотаевскѣ, подъ главнымъ начальствомъ Иностранной Коллегіи; на Астраханскихъ же Губернаторовъ и Начальниковъ войскъ возлагалась только обязанность въ случаѣ надобности оказывать помянутымъ лицамъ зависящее содѣйствіе (*).

Въ послѣдствіи опытъ показалъ, что право Хановъ назначать въ *Зарго* людей, исключительно имъ подвластныхъ, съ одной стороны доставляло имъ возможность съ бо́льшею скрытностію входить въ непозволенныя сношенія съ непріязненными Россіи народами,

(*) Калмыки Дербетевскихъ улусовъ, кочевавшіе съ 1710 г. близь Дона, состояли въ вѣдомствѣ Начальства Войска Донскаго.

а съ другой возбуждало негодованіе прочихъ Калмыцкихъ владѣльцевъ, которые отъ самовластія Хановъ и ихъ приверженцевъ терпѣли непріятности. Обстоятельства сіи были поводомъ къ тому, что по смерти Хана Дундукъ-Даши, Императрица Екатерина II-я, утверждая Намѣстникомъ Ханства сына его Убашу, Высочайшею Грамотою, въ 12-й день Августа 1762-го года Убашѣ и всему Калмыцкому народу данною, повелѣла, дабы въ члены *Зарго* избираемы были подвластные не одного Намѣстника Ханства, но и прочихъ владѣльцевъ, и чтобы члены сіи рѣшали всѣ дѣла съ вѣдома Намѣстника, по большинству голосовъ, а въ случаѣ раздѣленія мнѣній и равенства голосовъ, представляли о семъ Намѣстнику и находившемуся при Калмыцкихъ дѣлахъ чиновнику, а сіи обязаны разсматривать дѣла и рѣшать съ согласія, или, буде въ чемъ не согласятся, представлять въ Иностранную Коллегію. Вмѣстѣ съ симъ для водворенія въ *Зарго* безпристрастія, постановлено правиломъ, чтобы перемѣна избранныхъ владѣльцами членовъ зависѣла уже отъ одной Иностранной Коллегіи, и каждому изъ

нихъ назначено отъ казны жалованья въ годъ по 100 рублей серебромъ.

На сихъ основаніяхъ судъ *Зарго* сохранялъ свое существованіе до бѣгства Намѣстникомъ Убашею съ значительною частію народа; послѣ чего Екатерина Великая, Высочайшимъ Указомъ, отъ 19-го Октября 1771-го года на имя Астраханскаго Губернатора Бекетова послѣдовавшимъ, упразднивъ званіе Хановъ и Намѣстниковъ Ханства, повелѣла: чтобы каждый владѣлецъ собственными своими людьми управлялъ независимо отъ другихъ и давалъ имъ судъ и расправу по ихъ Калмыцкимъ правамъ и обыкновеніямъ; но чтобы при томъ всѣ были подъ наблюденіемъ Губернатора, и, въ случаѣ какихъ либо несогласій между собою, входили къ нему съ представленіями; а дабы дѣла такого рода могъ онъ удобнѣе разсматривать, то для сего положено быть при немъ отъ трехъ главныхъ родовъ: Торгоутовъ, Дербетей и Хошоутовъ по одному Зайсангу, съ такимъ же жалованьемъ, какое получали члены Зарго.

Къ числу дальнѣйшихъ за тѣмъ предположеній о благоустройствѣ Калмыцкаго на-

рода, принадлежитъ заключеніе Кавказскаго Намѣстническаго Правленія Іюня 30 дня 1786 года, состоявшее въ томъ, чтобы, примѣняясь къ Учрежденію о губерніяхъ, учредить вновь судъ Зарго въ видѣ *Нижней Расправы*, со включеніемъ въ оный и *Военной Канцеляріи* (*), подчинивъ сей судъ апелляціи Верхней Расправы. Далѣе Намѣстническое Правленіе считало нужнымъ: а) обложить Калмыковъ, неизключая Шабинеровъ, умѣренною податью, съ тѣмъ, чтобы Шабинеры платили одну половину сей подати въ казну, а другую въ пользу духовенства; б) назначать сихъ Шабинеровъ и Кепочинеровъ, наравнѣ съ другими, въ военную службу; с) Тарханамъ присвоивать привиллегію только личную, а не потомственную; и d) для пресѣченіе умноженія духовенства опредѣлить оному комплектъ, назначивъ на каждыя двѣсти кибитокъ по одному Гелюнгу.

Но всѣ сіи предположенія по разнымъ причинамъ въ исполненіе неприведены, и для управленія Калмыками учреждена въ Енотаевскѣ *Калмыцкая Канцелярія*, состоявшая изъ нѣ-

---

(*) Т. е. съ порученіемъ тому же суду дѣлъ и по наряду Калмыковъ на временную службу, въ чемъ нерѣдко встрѣчалась тогда надобность.

скольких членов: Русских чиновников и Калмыцких владѣльцев, кои имѣли обязанность, кромѣ занятій въ Канцеляріи, чрезъ каждые два мѣсяца по очереди посѣщать всѣ улусы, для отвращенія безпорядковъ и наблюденія за дѣйствіями Офицеровъ, съ сею же цѣлію въ каждый улусъ назначенныхъ.

Въ 1800-мъ году Императору Павлу Петровичу благоугодно было возведеніемъ владѣльца Чучея Тайши Тундутова въ Намѣстники Ханства, возстановить сіе достоинство, а съ симъ вмѣстѣ Высочайшею Грамотою 14-го Октября дозволено ему Тундутову по прежнему имѣть для судопроизводства *Зарго*, и въ случаѣ разномыслія членовъ онаго, рѣшать дѣла самому съ согласія *Главнаго Пристава*, въ тоже время для завѣдыванія Калмыцкими дѣлами опредѣленнаго; а если и за симъ Намѣстникъ рѣшить что либо усумнится, то представлять Государю Императору, или относиться въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Со смертію Чучея Тайши Тундутова, въ 1803-мъ году, званіе Намѣстника хотя вторично упразднилось, но судъ Зарго оставался при Намѣстническомъ улусѣ въ своей силѣ, и рѣ-

шенія свои вносилъ уже къ Главнымъ Приставамъ, которые до 1816-го года состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ Иностранной Коллегіи, а съ сего времени поставлены были въ зависимость и Астраханскихъ Губернаторовъ.

Наконецъ 10 Марта 1825 года, по представленію Главноуправлявшаго въ Грузіи, Кавказской области и Астраханской губерніи Генерала Ермолова, для управленія Калмыцкимъ народомъ Высочайше утверждены новыя правила, действующія и понынѣ.

По существу сихъ правилъ общее управленіе Калмыками раздѣляется въ составѣ своемъ на *Главное*, *Областное*, *Окружное* и *Улусное*.

Главное Управленіе принадлежитъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и имѣетъ предметомъ высшее наблюденіе за благосостояніемъ Калмыцкаго народа и за правильнымъ отправленіемъ Калмыцкихъ дѣлъ мѣстами и лицами, Министерству сему подвѣдомственными.

Управленіе Областное сосредоточивается въ Астраханской *Коммисіи Калмыцкихъ Дѣлъ*, которая состоитъ подъ предсѣдательствомъ Начальника Астраханской губерніи, изъ Вице-

Губернатора, Главнаго при Калмыцкомъ народѣ Пристава, Губернскаго Прокурора и депутатовъ со стороны Калмыковъ: одного изъ владѣльцевъ, и другаго изъ духовенства Ламы, кои назначаются по выбору, первый владѣльцами, а послѣднiй духовенствомъ.

Существенный предметъ Коммисiи есть надзоръ за сохраненiемъ порядка, какъ по части управленiя улусами, такъ и судопроизводства. По сему она, равно какъ и Министерство, не раздѣльно съ властiю распорядительною, соединяетъ въ себѣ и власть судебную. Въ послѣднемъ отношенiи Министерство разсматриваетъ тяжбы между Калмыками и на Калмыковъ отъ людей другаго вѣдомства, на сумму свыше 1,000 рублей, а Коммисiя входитъ въ разсмотрѣнiе жалобъ на рѣшенiя суда Зарго по дѣламъ на сумму свыше 400 рублей, разбирая при томъ и жалобы Зайсанговъ въ неправомъ рѣшенiи дѣлъ по управленiю или владѣнiю аймаками.

Главный же Приставъ, кромѣ занятiй по званiю члена Коммисiи, посредствомъ подчиненныхъ ему Частныхъ улусныхъ Приставовъ и чрезъ собственные разъѣзды наблюдаетъ

за сохраненіемъ во всей Калмыцкой Ордѣ порядка и тишины, и обо всемъ замѣчательномъ, или требующемъ исправленія, доводитъ до свѣдѣнія Коммисіи и доноситъ Министерству.

Управленіе Окружное возложено на судъ Зарго, который находится въ городѣ Енотаевскѣ, и состоитъ изъ восьми членовъ: двухъ отъ духовенства изъ почетныхъ Гелюнговъ, и изъ шести отъ народа изъ владѣльцевъ и Зайсанговъ, по числу улусовъ, отъ каждаго по одному, какъ то: отъ Дербетева большаго и малаго, отъ Торгоутовскаго, Хошоутовскаго, Богоцохуровскаго и Эркетеневскаго. Члены сіи назначаются по избранію отъ улусовъ и утверждаются Коммисіею не менѣе какъ на три года.

Разбору сего суда подлежатъ жалобы на управленія улусныя по дѣламъ свыше 200 руб., равно дѣла тяжебныя по имѣніямъ или въ обидахъ личныхъ; дѣла Зайсанговъ по управленію аймаками и дѣла о всѣхъ случахъ, кои не составляютъ тяжкихъ преступленій между Калмыками, неисключая изъ сего воровство мошенничество на сумму не свыше 400 руб., и неболѣе трехъ разъ учиненное. Всѣ таковыя

дѣла и тяжбы рѣшаются въ судѣ Зарго окончательно; но въ дѣлахъ по искамъ на суммы свыше 200 рублей недовольные рѣшеніемъ имѣютъ право въ годовый срокъ приносить жалобу Коммисіи.

Для наблюденія за успѣшнымъ и порядочнымъ отправленіемъ дѣлъ, рѣшаемыхъ по законамъ и обычаямъ, племени Калмыковъ свойственнымъ, находится при судѣ Зарго одинъ изъ двухъ Помощниковъ Главнаго Пристава, а для веденія симъ дѣламъ журнальной записки — переводчикъ съ ученикомъ Калмыцкаго языка, изъ штата Главнаго Пристава.

Управленіе Улусное учреждено въ самыхъ улусахъ для облегченія суда Зарго и для доставленія ближайшей удобности Калмыцкому народу получать въ маловажныхъ дѣлахъ своихъ скорое рѣшеніе. Управленіе сіе состоитъ изъ Частныхъ Приставовъ, Улусныхъ Судей и владѣльцевъ или Правителей, на коихъ возложены обязанности полицейскія, судебныя и хозяйственныя.

Частный Приставъ наблюдаетъ, чтобы въ улусѣ его вѣдомства не было нарушено благоустройства и порядка, и чтобы не укры-

вались въ ономъ люди подозрительные. Въ случаѣ же какихъ-либо происшествій, чиновникъ сей производитъ при владѣльцѣ или Зайсангѣ слѣдствіе и отсылаетъ виновныхъ къ суду, въ надлежащее присутственное мѣсто ближайшаго города. Сверхъ сего онъ долженъ смотрѣть, чтобы Улусные Суды не допускали въ порученныхъ имъ дѣлахъ медленности, и имѣть свѣдѣнія о всѣхъ сборахъ, какіе съ Калмыковъ производятся въ пользу владѣльцевъ, Зайсанговъ и на общественныя повинности, не вмѣшиваясь впрочемъ въ существо и приговоръ суда, ни во внутреннія распоряженія по управленію улусомъ и по денежнымъ сборамъ. Обо всемъ же заслуживающемъ вниманіе Начальства доноситъ Главному Приставу (*).

Улусные Судьи, избираемые изъ Зайсанговъ и другихъ почетныхъ людей погодно, составляютъ изъ себя посредниковъ на правѣ Словесныхъ Судей. Они разсматриваютъ и рѣшаютъ окончательно дѣла, въ коихъ цѣна иска не превышаетъ 200 рублей; но дѣла свыше 200 руб. подлежатъ апелляціи суда

(*) При Частномъ Приставѣ находится одинъ толмачь Калмыцкаго языка и для посылокъ казаки.

Зарго, куда приносятся жалобы по Калмыцкимъ обрядамъ. Независимо отъ сего въ Улусномъ Судѣ производятся дѣла о людяхъ дурнаго поведенія, о маловажныхъ проступкахъ, угонахъ скота и покражахъ до 200 руб. включительно и не свыше трехъ разъ учиненныхъ, за что виновные подвергаются наказанію по ихъ обрядамъ.

Наконецъ владѣльцы, а гдѣ оныхъ нѣтъ Правители завѣдываютъ въ улусахъ внутреннимъ управленіемъ и наблюдая съ своей стороны за порядкомъ въ ихъ вѣдомствѣ, прекращаютъ всѣ вражды, несогласія и несправедливыя притязанія, какъ между простолюдиновъ, такъ и между Зайсанговъ (*).

За тѣмъ дѣла до вѣры и совѣсти касающіяся, дѣла по несогласіямъ супружескимъ, и дѣла между родителей и дѣтей принадлежатъ въ улусахъ разбору духовенства, а въ судѣ Зарго членовъ, изъ сего же сословія назначаемыхъ. Дѣла же по преступленіямъ уголов-

(*) При каждомъ владѣльцѣ находится избираемый имъ *Дарга*, въ родѣ собственнаго его улуснаго Полиціймейстера; а въ хотонахъ назначаются отъ каждаго рода *Демчеи*, т. е. старосты.

нымъ, коими считаются: 1) измѣна, 2) неповиновеніе власти, 3) возмущеніе, 4) злонамѣренный побѣгъ за границу и связь съ злодѣями, 5) смертоубійство, 6) грабежъ, насиліе и подводъ злодѣевъ, 7) дѣланіе ложной монеты и 8) воровство свыше трехъ разъ, ни до котораго изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ и лицъ не принадлежатъ, и виновные въ сихъ преступленіяхъ Калмыки судятся въ Россійскихъ присутственныхъ мѣстахъ, по общимъ Государственнымъ установленіямъ.

Всѣ вообще дѣла Калмыковъ по предметамъ, до духовнаго разбирательства, или до гражданскаго суда относящимся, производятся и рѣшаются по древнему Калмыцкому Уложенію, обычаямъ и обрядамъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Должно быть.
12	15	современниковъ	современниковъ
21	14	грамота (*)	грамота
—	23	улусы (**)	улусы (*)
23	16	сей	сей
29	9	со безопасностію	съ безопасностію
33	8	кизылбаши	кизылбаши
50	17	изъясняя	и изъясняя
63	6	даспоинство	достоинство
103	12	киипмами	копмами
109	6	скрывацею	скрывающею
110	14	разсѣянныя	разсѣяны

Описание Земель Кочующихъ народовъ.

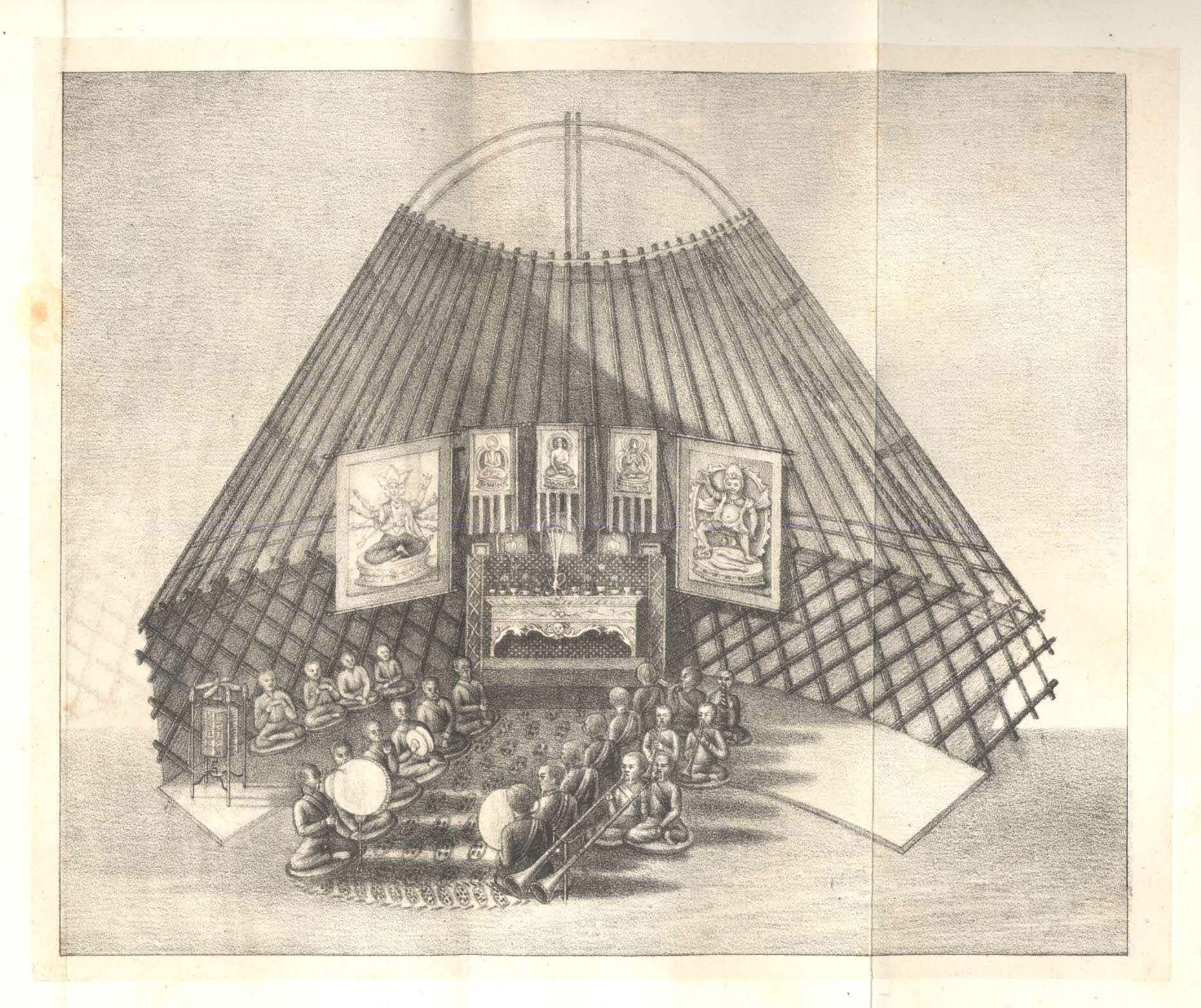
A	Лѣтнее общественное кочевье Дербетевскаго, Экицехуровскаго, Торгоутовскаго, Яндыковскаго, Богоцехуровскаго, и Эркетеневскаго Улусовъ	4,103,424
B	Степь для ежегоднаго кочевья по очереди всѣхъ улусовъ кромѣ Хошеутовскаго	4,72,406
C	Лѣтнее Кочевье Хошеутовскаго Улуса	337 991
D	Зимнее Кочевье Хошеутовскаго Улуса	6,893,74
E	Зимнее Кочевье Яндыковскаго, Богоцехуровскаго и Эркетеневскаго улусовъ	1,438,600
F	Зимовое Кочевье Экицехуровскаго и Торгоутовскаго улусовъ	784,371
G	Зимнее Кочевье Малодербетевскаго Улуса	1,637,258
H	Зимнее Кочевье большаго Дербетевскаго Улуса	872,304
I	Степь отведенная собственно для Кочевья Киргизъ-Кайсаковъ внутренней орды	5,389,989
K	Кочевье Кундровскихъ Татаръ	462,113
	Итого подъ Кочевыми Степями	16,189,830
	Степи занимаемой однимъ Калмыцкимъ Народомъ	10,337,728

Маштабъ къ Картѣ.

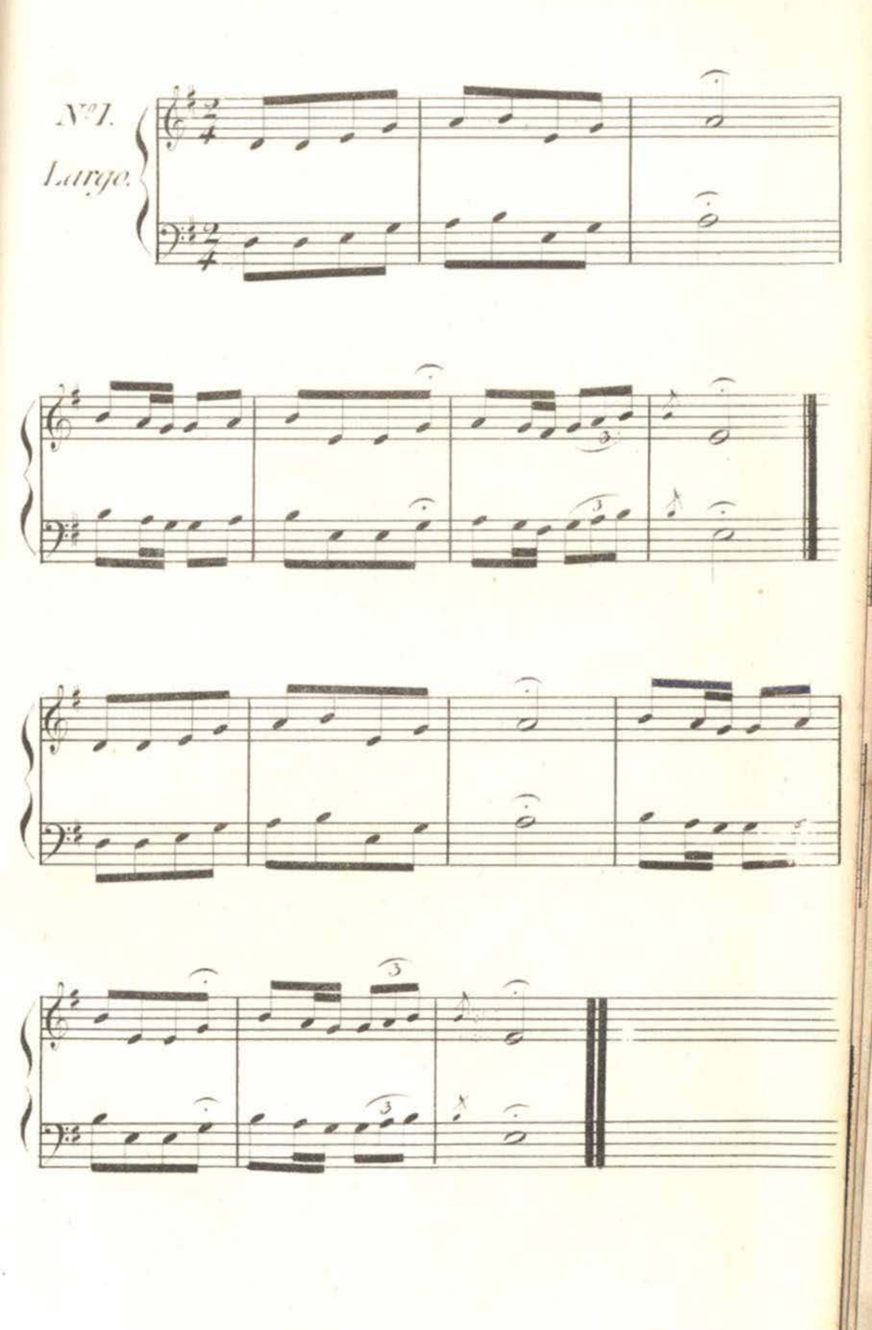
Гр. Р. Гиллисъ.

Лит. у Ф. Давиньона.

Калмыцкія пѣсни.
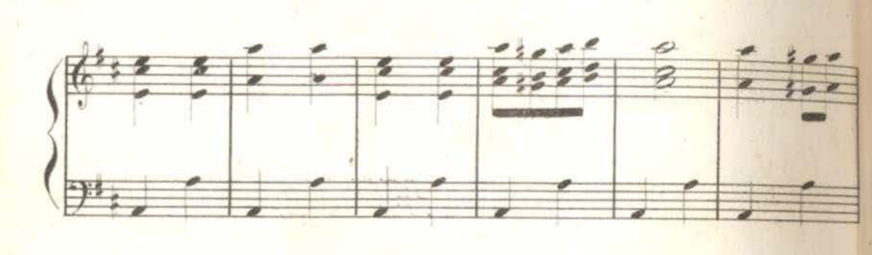
Протяжныя.

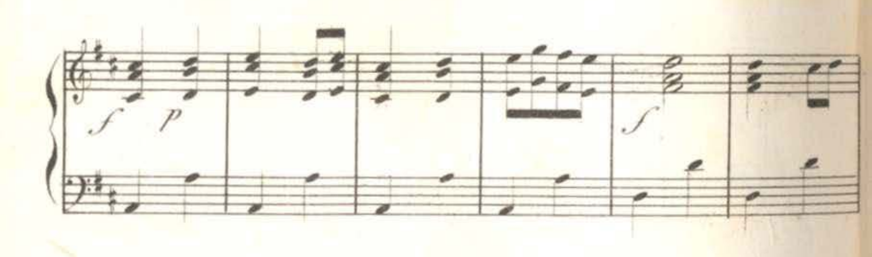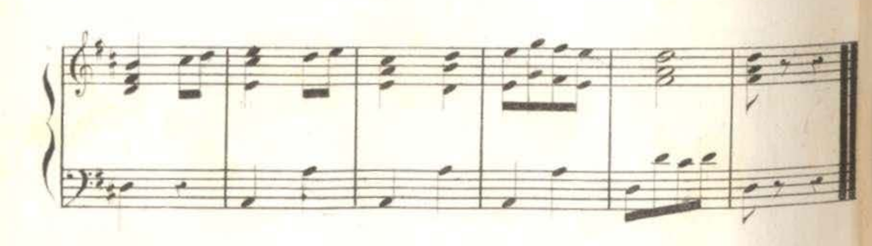

N°2.

Andante.

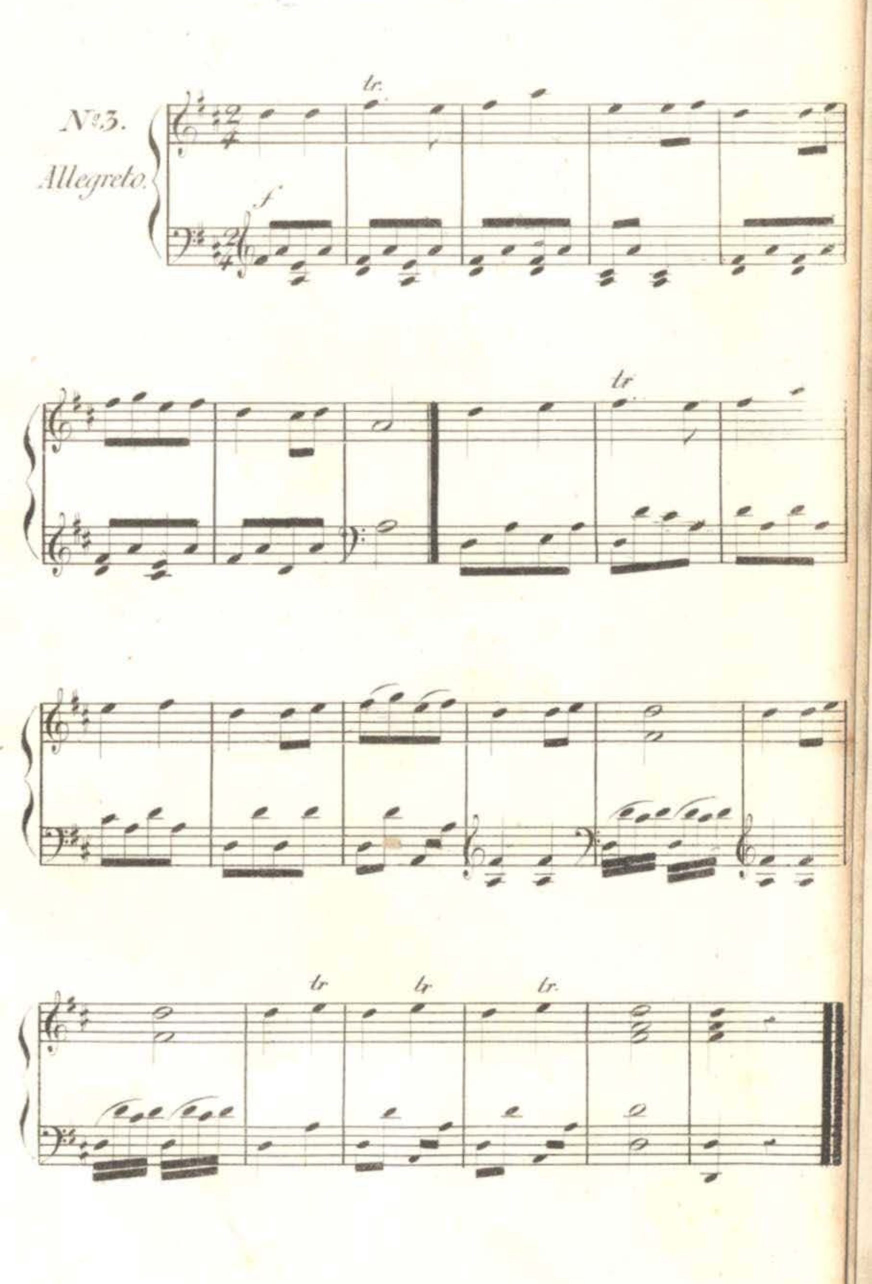
p

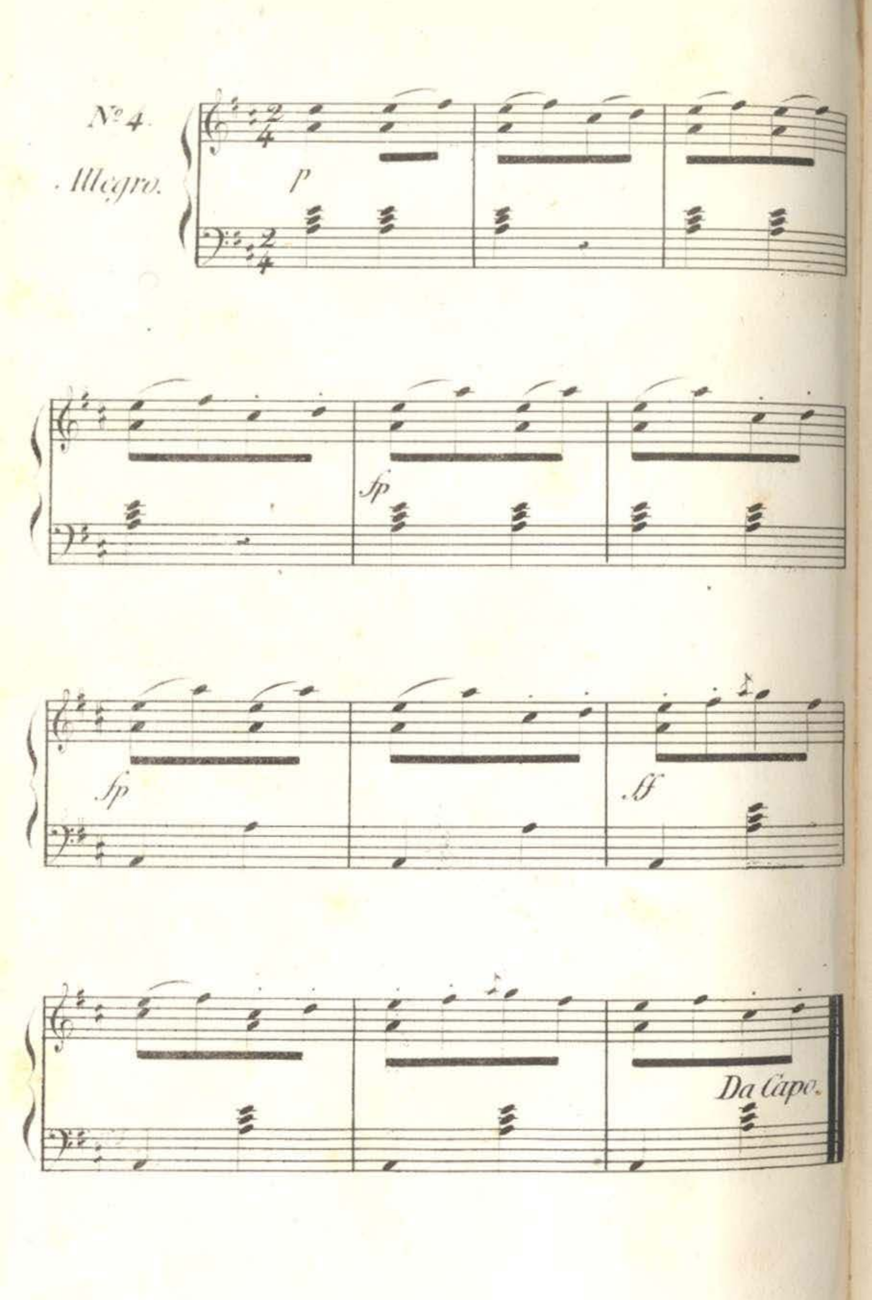

Плясовыя.

Nº 4.
Allegro.
p
fp
fp
ff
Da Capo.